

ГАНИ ДЖАМАЛЗАДЕ

ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ

15 ТОМОВ

VIII том

РОМАН

«КАРЬЕР»

KARBER

POMAH

Гани Джамалзаде. КАРЬЕР (роман). VIII том
Баку, Издательство «Qanun», 2022, 352 səh.

В VIII том Избранных произведений писателя вошел увидевший свет в 2015 году роман «Карьер», который впервые был напечатан в 2014 году в журнале «Азербайджан». Сюжет романа строится вокруг событий, происходящих в Апшероне, Баку, бакинских селах. В центре романа борьба Добра и Зла. Здесь сталкиваются местное азербайджанское население с тысячелетней историей и армянская психология, держащая в своей власти население Баку, что превращает Апшерон в поле бедствий. Роман – экскурс в нашу столетнюю историю. Надеемся, что он читателям понравится.

Книга отпечатана в издательстве Ганун
Баку, AZ 1102, пр. Тбилиси, 76
Тел: (+994 12) 431-16-62; 431-38-18
Моб: (+994 55) 212 42 37
e-mail: info@qanun.az
www.qanun.az
www.fb.com/Qanunpublishing
www.instagram.com/Qanunpublishing

ISBN 978-9952-38-

© Гани Джамалзаде, 2022
© Издательство «Qanun», 2022

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Гани Джамалзаде знаком нашему читателю, публиковаться в журнале он начинал с коротких юмористических и сатирических рассказов. В последние годы писатель перешел на прозу крупного формата, романы. Мы уже публиковали его роман «Золотой осленок», теперь предлагаем читателям его новый роман «Карьер», написанный в криминальном ключе. Примечательно, что оба романа опубликованы в США. «Золотой Осленок» после публикации в нашем журнале вышел в Нью-Йорке на русском языке отдельной книгой. Вариант романа «Карьер» на английском языке уже опубликован в США, после дебюта на русском там же намечается издание русского варианта романа. Надо отметить, что в отличие от многих романов, особенно криминальных, в романе «Карьер» нет строгого сюжета, нет развития, кульминации. Сотканный из жизненных историй героев роман охватывает большой исторический период, почти в целый век. На фоне противостояния представителей двух родов: рода вора «в законе» Саны Апшеронского и представителя рода духовенства Меликаждара, читатель окунается в разные исторические события прошлого века: Баку капиталистический с нефтяным бу-

мом и Баку предреволюционный, в репрессии 1937 года, послевоенные и перестроечные восьмидесятые годы. Особое место в романе уделяется и межнациональным отношениям на фоне заселения Баку и Азербайджана в целом, армянскими переселенцами из Османской империи и Ирана.

Автор с первых же глав сажает главаря банды Саны Апшеронского в тюрьму, подтверждая тем самым аксиому – «Вор должен сидеть в тюрьме!». Сделано это автором как бы намеренно, чтобы, пока главный злодей сидит, успеть познакомить со всеми действующими лицами. К концу романа, когда Саны выходит из тюрьмы, мы уже видим все его коварные планы по отжатию бизнеса, киднеппингу, видим, сколько людей горят жаждой мщения.

События в романе происходят в поселке каменного карьера, образованного потомками сосланных сюда из многих городов страны неблагожелательных элементов, «врагов народа», а также в апшеронских селах близ поселка, в войсковой части советской армии, в богатом совхозе, в послевоенной Молдове, в Венгрии, во время контрреволюционного мятежа 1956 года. Название романа символично. Карьер, где разрезаются на ровные по размерам кубики каменные породы, как бы символизирует излом судеб живущих в этом регионе людей, на которых повлияло время.

Переводчики:
Надир Агасиев
Мадина Агасиева

A decorative rectangular frame with ornate, symmetrical floral and scrollwork patterns on all four sides, enclosing the title text.

КАРЬЕР
(р о м а н)

Воры. Саны Апшеронский и Равили

«Цвечный бизнес» в аэропорту у Равилей складывался удачно. Все уже было налажено, грузчики в аэропорту постепенно становились своими, и уже ни одна коробка с цветами не загружалась на борт самолета без их ведома, когда вдруг неожиданно поступило распоряжение воровского авторитета, известного в воровском мире, как Саны Апшеронский – оставить начатое, перебраться в прибрежную зону, в дачный дом Кюрсюмоглу.

Схорониться в прибрежной зоне у Кюрсюмоглу было можно. С наступлением холодов дачная зона пустела, становилась безлюдной, и редко там кого можно было встретить.

Большие просторные комнаты дачного дома Кюрсюмоглу Саны не понравились. По ночам из дверей и окон просачивался холод, а он уж был не молод, от сырости ныли кости. Но в полуподвальных помещениях дома было тепло и уютно, света

дневного хватало. Да и жена садовника Кюрсюмоглу охотно прислуживала им, знатно готовила, убирала, стирала.

Через несколько дней после переезда Равиль, по прозвищу Тихий, сидя за столом, спросил:

– «Гедеш», ты думаешь, здесь нас не найдут, что ли?

Тихий был из бакинских татар. Глядя на этого добродушного толстячка с ангельским выражением лица, на его степенную неспешную походку, нельзя и подумать было, что это вор-рецидивист, хладнокровный убийца. Обращался он к Саны, как принято в Баку среди людей их круга, «гедеш», то есть «братан». Всегда находился в веселом расположении духа, шутил и убивал он также с улыбкой на лице.

– Неплохо было бы перед зоной с кайфом пожить, потешить душу, – ответил Саны, благодушно улыбаясь. – Хотя тюрьма для вора дом родной, но и воля ведь тоже сладка...

– Жаль, батька, столько труда вложили в аэропортское дело, – сказал Равиль-Жердь. – Все было так налажено.

Этот Равиль был из казанских татар. Злой, мстительный, как верблюд. Худой, тощий, высушенный, человек-жердь, ровный, как доска под стропила. И погоняло получил соответствующее – Жердь. К Саны обращался не иначе, как «батька». Говорили Равили

между собой на языке из смеси русских, азербайджанских и татарских слов.

– Как бы там ни было, но в шубенку Меликаждара мы блох напустили, – сказал Тихий мечтательно, цокая языком. – Пристроились к его цветочному бизнесу.

Жердь безнадежно махнул рукой:

– Но, видимо, цветочные бабки – это не наше.

– Нет, – решительно возразил Саны, – бабки наши, где бы мы ни были, будут идти. Бригадир грузчиков – человек надежный.

– Увидите, скоро Меликаждар на коленях стоять будет, – сказал Тихий.

Саны не согласился:

– Как бы не так, сила Меликаждара в рыбе. Каждый раз вон сколько лодок в море отправляет! Сумели бы отнять у него этот бизнес, на обе лопатки положили бы.

– Батька, а ты это нам поручи. – Жердь был уверен в себе.

Саны отрицательно покачал головой, знал, что скрывается за этими словами «нам поручи».

– Нельзя! Скажут, Саны убил потомка пророка. Весь Баку пойдет на нас. А так, что, стоило бы ... – Он посмотрел на Жердь строгим напряженным взглядом. – Ты бы побольше ел, что ли, кожа да кости. Впереди нас «зона» ждет.

Так и случилось. Через несколько дней их арестовали. Окружили дом. От обилия ментов у Саны помутнело в глазах, он протянул руку под стол, схватился было за рукоятку пистолета, но тут же оставил его. Поднялся, взяв со стола соленый огурец, надкусил, стал смачно жевать. Тихий, окинув взглядом стол, не теряясь, взял со стола стакан с водкой, вылил содержимое себе в рот.

– Эх, тезка, такое богатство мы не скоро увидим!

Банду сковали в наручники, повезли в следственный изолятор. Развели по отдельным камерам.

Обвинение показалось Саны смехотворным. Это забавляло, но он промолчал. Его, бандита, убийцу, головореза обвиняли в мошенничестве. Что, впрочем, немного и настораживало. Он чувствовал, что следователь вел дело однобоко, глубоко не вникал, весело, пошучивая, готовил документы. Саны дали всего три года, но странным было то, что отправили не на зону, а снова привезли в следственный изолятор.

В камере, куда поместили Саны, было еще трое арестантов. Бывалый вор, «щипач», попросту говоря, карманник, и двое других, казавшихся здесь совершенно случайными, это было видно с первого взгляда. Карманник все старался угодить Саны, суетился,

кружил вокруг него. Хорошо зная воровские законы, он принялся за перестановку в камере. Нары Саны отодвинул подальше от толчка, поставил с краю от двери, оградил простынями, откуда-то достал легкий коврик, постелил под ноги. Двое других сокамерников молча наблюдали за исполнением этих воровских почестей. Личность легендарного вора в законе, Саны Апшеронского, внушала им страх, подавляла.

Карманник оказался большим докой в знании воровских законов, ходячей воровской энциклопедией. Был в курсе всего, что было и есть в воровском мире. Рассказывал о «зонах». Очень легко находил общий язык с надзирателями.

– Ты знаешь, брат, в какую зону тебя направят? – спросил он у Саны.

Саны отвечал неохотно:

– Наверное, в Туршулу. С такой статьей, как у меня, только туда и отправляют.

– Туршулу – хорошее место, – карманник почесал заросший щетиной подбородок. – Был я там два раза. И надзиратели – нормальные ребята, совестливые, общак там знатный, Лоту Фахы бабки собирать умеет.

Саны перебил его:

– Ты не вилай, если что знаешь, говори!

Карманник сразу перешел к сути.

– Там сейчас мутота, драчка.

– Что-то связанное с руководством? – Саны был заинтригован, ничего об этом не слышал.

– Нет, у братанов наших разногласия.

Карманник сообщил Саны, что на зоне Туршулу братва разделилась на три группы. Враждуют две, третья нейтральная. Успокоить братву, навести порядок никому не удастся.

Получив информацию, Саны стала, более или менее, понятна причина собственного ареста.

Утром в камеру привели и Равилей. Посадили его подручных по схожим статьям. Появление Равилей Саны обрадовало. Едва успели накрыть чайный стол в честь Равилей, как в открывшемся передаточном окошке появилась голова надзирателя.

– Саны, брат, начальник тебя видеть хочет.

Саны уже поднялся было с нар, как карманник заявил:

– По тюремным правилам воры не имеют права разговаривать с начальством с глазу на глаз.

– Но мы же пока не на зоне, а в следственном изоляторе, – возразил Тихий.

– Вам уже зачитан приговор, – настаивал на своем карманник, – где вас содержат, не имеет значения, вы в тюрьме.

– Заткнись, – Равиль-Жердь гневно смотрел на карманника, – тоже мне знаток нашелся.

Саны положил конец спору.

– Корефан наш прав, – сказал он, снова ложась на нары.

Он никогда не нарушал неписаных воровских законов. Да и сейчас не собирался идти один на встречу с начальником. Спросил у надзирателя:

– С собою сколько человек могу взять?

– Брат, сам решай.

– В камере, кроме меня, еще пятеро. Всех, что ли, могу взять? — в шутку спросил Саны.

– Мне кажется, что двоих будет достаточно, – рассудил надзиратель.

– Со мной пойдете, – обратился Саны к Равилям, поднимаясь с нар.

Равили послушно последовали за ним. Все трое, сопровождаемые внимательными взглядами сокамерников, вышли в шумно открывшуюся дверь.

Начальника изолятора не было на месте. Саны сразу же узнал прохаживавшегося по его большому кабинету человека в гражданской одежде. Это был знаменитый начальник расположенной рядом с изолятором тюрьмы Туршулу. Хотя по званию он и был полковником, но держался как настоящий генерал. У двери стояло трое надзирателей. Начальник любезно попросил Саны войти в кабинет.

– Не буду тянуть, у нас дело к тебе, не знаю, как завтра, но сегодня мы очень нуждаемся в тебе, – начал начальник, пристально вглядываясь в глаза Саны.

– Слушаю, – осторожно сказал Саны.

– В зоне Туршулу бойня между группировками, есть погибшие. Ты должен нам помочь!

– Почему именно я?

– Потому что во всех зонах у тебя авторитет и влияние! – сказал начальник уважительно.

– Спасибо, конечно, что вы меня так цените, но в зоне Туршулу свой авторитет имеется, Лоту Фахы. У него влияние гораздо больше. Он...

Полковник перебил Саны:

– Нам нужен ты, – сказал он. – В Туршулу ты был несколько раз. Знаешь хорошо главарей группировок, некоторые из них были твоими старыми подельниками. Да и из твоей биографии известно, что ты наполовину азербайджанец, наполовину армянин.

– Противостояние на национальной почве?

– Да, вражда идет между азербайджанцами и армянами. Каждая из сторон тебя считает своим.

– В чем причина бойни?

Полковник пожал плечами.

– Кто его знает, – растерянно сказал он, – те, кто стоят в стороне, не вмешиваются, говорят, замутил все один прищлый армянин. Почему его к нам приг-

нали, не пойму, но с его появлением между арестантами начался раздрай.

– Он еще там?

– Нет, сейчас он в другой зоне мутит.

Саны собирался еще что-то спросить, но полковник слушать его не стал.

– Так ты нам поможешь или нет?

Саны покачал головой.

– Нет! Ты же знаешь, что вор не может быть заодно с начальником тюрьмы. Я не могу пойти против корешей своих.

– Это твое последнее слово?

– Да, последнее, – сказал он и подал знак Равилям.

Полковник, перехватив этот знак, обратился к стоящим у двери надзирателям.

– Всех троих развести по одиночным камерам. Видно, слов они не понимают.

Через некоторое время Равилей, еле стоящих на ногах, вернули в камеру. «Поговорили» с ними по душам.

– Ну ничего себе, а Саны где? – спросил карманник.

Жердь, ноя от боли:

– Где ему быть, все еще уговаривают, наверное.

– А за что вас так?

– Не понятно, что ли? – пробурчал Жердь.

– Саны надо было соглашаться, – сказал карманник.

Тихий, уже немного придя в себя:

– Ты попусту не болтай, Саны сам знает, что делает.

– Оно и видно, что не знает, – заявил карманник.

– Не твоего ума дело, – сказал Жердь. – Понял?

Равиль-Тихий кое-что понимал в воровских порядках.

– Ты помолчи пока, господин карманник. Саны в это дело влезть не сможет, если не будет просьбы с обеих сторон. За падло это действовать по просьбе начальника, скажут, Саны продался.

– Значит, говоришь, нужно согласие обеих сторон? – спросил карманник, морщась.

Тихий кивнул.

– Да, обеих.

Меликаждар и другие.

На ежедневном обзоре дел в Святилище

Стояли холодные, блеклые дни осени 1987 года. Здоровье Меликаждара оставляло желать лучшего. Не помогали и травяные чаи Сакиля Гочу. Сейфал, как всегда сидящий на ковре со сложенными под себя ногами справа от Меликаждара, сказал:

– Ага, Сонгулу защиты нашей просит, перейти хочет под наше покровительство.

Меликаждар с ответом не спешил, он вообще никогда не принимал поспешных решений. Вынул из небольшого бархатного мешочка четки, опустив голову, перебрал в руках и лишь потом повернулся к Сейфалу:

– Так говоришь, что Сонгулу испуган?

Сейфалу оказалось по душе, что разговор перешел на деловую тему, он поспешил ответить:

– Не то слово, трясется весь.

– Тебе надо было ему сообщить, что Саны Апшеронский в тюрьме, – сказал Меликаждар насмешливо, – беспокоиться нет причин.

– Сказал. Он говорит, что не хочет на старости лет оставаться один.

При имени Саны лежавший поодаль на подушках Сакиль Гочу зашевелил губами, приподнял веки.

– Тебе следовало давно кончить этого Саны Назыоглу, – сказал он и снова закрыл глаза.

Меликаждар ласково посмотрел на старика:

– Не к лицу мне бандитские разборки. Я из рода пророка, не убийца!

– Ага, мне хочется видеть день, когда будут уничтожены корни рода Назыоглу Гулу – сказал Сакиль Гочу ворчливым голосом. – Не хочу покинуть этот мир разочарованным.

Прожив достаточно долгую жизнь, Сакиль Гочу жил исключительно прошлым, сегодняшний день его не интересовал. Все было перемешано в его затуманенном сознании.

Меликаждар не обратил внимания на его слова, сказанное аксакалом повисло в воздухе.

– Так что мне ответить Сонгулу? – переспросил Сейфал.

– Пусть подождет, я сам его найду, когда придет время.

– Сейчас самое время, ага. Сонгулу человек упрямый, пока он в страхе, его можно поставить на колени, а как пройдет страх, забросит хвост свой на спину, уйдет.

– На что нам те, что из страха служат. Много, говоришь, еще таких, кто от страха ко мне прибежит, всех брать под свое крыло?

– Для курицы, что несет золотые яйца, курятник построить ничего не стоит!

Меликаждар разозлился.

– Ты хорошо знаешь, что у нас паи общие. От людей я требую лишь преданности, ничего другого мне не нужно. Так было, так будет и впредь, – сказал он, завершая разговор.

Сидящий напротив Мизи, прокашлявшись, сказал:

– Ага, у нас небольшие затруднения.

– Ты кончай с загадками, – сердито ответил Меликаждар, – прямо говори, что случилось?

– Ага, я взял в охрану недавно несколько человек. Но Саны ведь арестован, что теперь с ней делать? – стал объяснять Мизи. – Как быть, оставить или пусть уходят?

Меликаждар задумался.

– Пусть остаются! Саны ненадолго засел, в тюрьме он, как правило, не задерживается. С моря из ребят кто-нибудь вернулся?

Сейфал глубоко вздохнул:

– Все в твоём павильоне. Ждут давно уже.

– Скажите, чтобы Хитрый Абдул пришел.

Вошел Хитрый Абдул, с разрешения Меликаждара присел к ковру, уставленному угощениями.

– Как прошла ночь? – спросил Меликаждар.

– Неплохо, ага, – тихо сказал Абдул, потом достал из-за пазухи толстую пачку купюр, выложил их на подушку рядом с Меликаждаром, тетрадный листок положил прямо перед ним. – А это наши расходы.

Меликаждар, окинув взглядом листок, удивленно спросил:

– Сколько лодок отправил в море?

– Четыре.

– Так мало?

– Шторм, решил не рисковать, взял с собою только опытных рыбаков, но погода не испортилась.

– Улов тогда должен быть хорошим?

– Да, так и есть, ага! Много было рыбы. Еле сети подняли, до самого берега тяжело шли. С Божьей помощью добрались до ближнего берега. Все руки были в крови... – Хитрый Абдул показал ладони.

Меликаждар посмотрел на его с разорванными мозолями руки.

– В море больше не выходи, – потом обратился в Сейфалу, – брата своего позови.

Сейфал, выйдя из помещения, сразу же вернулся вместе с братом Серрафом.

Прошло уже несколько дней, как Серраф вышел из тюрьмы. Ему дали семь лет за незаконный лов рыбы, но стараниями Меликаждара он и года не просидел, отпустили на свободу.

Меликаждар предложил Серрафу присесть. Подождал, пока тот усядется, и сказал Хитрому Абдулу:

– Теперь за улов опять будет отвечать Серраф. Покажешь ему свое хозяйство.

– Хорошо, ага, – согласился Хитрый Абдул, осторожно спросил, – ты меня от дел отстраняешь?

– Не отстраняю, ты будешь присматривать за теплицами. Те, кто выращивают помидоры, огурцы дело свое знают, тебе будет не трудно. В твои обязан-

ности будет входит надзор и распределение продуктов по рынкам.

Самым толковым из детей Мизи как раз и был его старший сын Абдул. Бельмо на правом глазу придавало его лицу хитроватый вид. Потому и прозвище получил соответствующее – Хитрый Абдул.

Предложенное Меликаждаром ликованием отразилось на лице Хитреца Абдула.

– А как же Амбалоглу Рахиб? – спросил он.

– Он, как и прежде, будет заниматься цветами, ты же будешь занят овощами, – сказал Меликаждар и обратился в Серрафу. – Пойдешь с Абдулом, примешь у него лодки, оборудование. А сейчас пока подожди на веранде.

Серраф подскочил, быстрым шагом вышел из комнаты. Меликаждар обратился к Абдулу:

– Когда развозил рыбу, по дороге не останавливали?

– Нет, ага, кто остановит военную машину?

– Машину вовремя прислали?

– Как только позвонил.

– Радует меня точность генерала. Все, что обещал, выполняет. Выйдешь, позови Рахиба, пусть войдет.

Амбалоглу Рахиба Меликаждар приблизил к себе десять лет назад. Кровного родства между ними не было.

Произошло это так.

Работал тогда Меликаждар в снабжении. Подошел к нему как-то молодой человек. Поздоровался, сказал, что он сын Реззага.

– Какого еще Реззага? – не понял Меликаждар.

Молодой человек немного растерялся.

– Ага, я сын вашего друга, амбала Реззага, – уточнил молодой человек. – Зовут меня Рахиб.

Нельзя было сказать, что Реззаг, самое кроткое создание Божье на земле, был Меликаждару другом. Они являлись армейскими сослуживцам.

Реззаг рос вместе с Саны в одном детском доме. Хотя и был уличен в нескольких кражах, но по жалости своей и сирости избежал заслуженных по закону наказаний. Полученные уроки пошли ему впрок, после службы в армии, чтобы избавиться от банды Саны, устроился на самую недостойную, запахло для вора, работу амбалом. Батрачил грузчиком на Сабунчинском вокзале Баку. Его подельники, считавшие работу недостойным для себя занятием, отвернулись от него.

После службы в армии он прилип пиявкой к Меликаждару и больше от него не отрывался. Несколько раз в год приезжал к Меликаждару в пригородное село, рассказывал о своем житье-бытие. Жил он один в центре города, в полуподвальном

помещении. Меликаждар жалел его, предложил устроить на достойную работу. Реззаг перепугался, побледнел: «Нет, ага, – запротестовал он, – лучше мне сдохнуть амбалом. Не дай Бог, Саны узнает, что обманул я его, горло мне перегрызет!» И даже когда ага задумал его женить, решительно отказался. «Боюсь Саны!» – сказал он. Меликаждар только и мог, что каждый раз, когда тот приезжал к нему, несмотря на протесты Реззага, класть в карман своего армейского товарища деньги на карманные расходы.

Вспомнив все это, Меликаждар спросил:

– Разве покойный Реззаг был женат, чтобы сын у него был?

– Ага, я могу показать документ, – молодой человек достал из кармана паспорт.

Даже ознакомившись с паспортом, Меликаждар все равно не верил.

– Сынок, – сказал он тихо, – Реззаг обычно приходил ко мне пару раз в год. Беседовали, вспоминали армейские годы, но он никогда не говорил о семье, о том, что у него есть сын.

– Отец мой из страха перед Саны скрывал, что у него есть сын, если его кто видел со мной, говорил, что это соседский мальчик, – объяснил Рахиб.

– Да, твой отец жил под страхом, – согласился Мелиаждар. – Я пытался пару раз взять его под свое крыло, советовал, путь верный указывал, но он

не воспринимал советы. Если бы сказал мне, что женат...

– Не решался, наверное, или стеснялся, – предположил Рахиб.

– С каких это пор женитьба стала постыдным делом.

– Ага, если бы ты знал, на ком женился мой отец, так бы не говорил, – Рахиб печально усмехнулся, – вероятно, он считал, что женщина, на которой он женился, не может понравиться такому святому человеку, как ты, потому и скрывал, что женат.

– Знаю, друг мой был немного со странностями... – Меликаждар не стал дальше развивать мысль, чтобы не обижать Рахиба.

– Ага, странностей у отца моего было достаточно. Собирал у себя дома всех бездомных людей, кошек, собак. Все с таким трудом заработанное тратил на них. Я кошек да собак только и видел.

– Как он женился?

– На этот счет отец мой не любил распространяться. Говорят, что побиралась на Сабунчинском вокзале одна нищенка, воровала, вела себя непристойно... Однажды отец нашел ее за мусорными ящиками. Увидел, что женщина умирает, пожалел несчастную, отвез в больницу. Стали лечить, женщина не умерла, выздоровела. Отец каждый день навещал ее, угощения приносил, когда выписали из

больницы, понял, что ей некуда идти, привел к себе домой, стал заботиться о ней, потом женился. Вот так, ага, я появился на свет.

– А что потом?

У Рахиба словно на душе отлегло, он с легкостью продолжил: – Счастье отца недолго длилось. Когда мне исполнился один год, женщина, что родила меня, у меня язык не поворачивается называть ее матерью, под предлогом, что хочет навестить свою родню, села в поезд и уехала, обратно уже не вернулась. Говорят, отец дни и ночи проводил на вокзале, встречал каждый поезд. Надеялся. Мне всегда говорил – мать твоя хорошая женщина, приедет, где бы ни была, приедет... Ты особо отцу своему не верь, – говорила мне наша соседка Джавахир арвад, мать твоя была распутной женщиной.

Меликаждара растрогало, что Рахиб говорил об отце с горечью, а о матери безглаголиво.

– Ладно, сынок, все понятно, скажи, почему я не видел тебя на похоронах отца?

Рахиб не стал скрывать.

– В тюрьме я был, ага!

Меликаждар сморщил лоб.

– Да, вспомнил, на поминках говорили, что у Реззага кто-то есть. Я и подумать не мог, что речь шла о сыне.

– Ага, я благодарен тебе, что похоронил моего отца. До смерти не забуду, – сказал Рахиб, взял его руку, поцеловал.

Он сделал это молниеносно, Меликаждар не успел отдернуть руку.

– Больше этого не делай, – сказал он, – я выполнял свой долг.

– И я, – ответил Рахиб.

Эта короткая фраза так понравилась Меликаждару, что вмиг исчезло все его недовольство.

– А теперь скажи, за что тебя посадили? Как я понимаю, ты человек спокойный. За что тебя арестовали?

Рахиб призадумался.

– Однажды, ага, я принес отцу на работу еду. Тогда я еще маленьким был. Начальник вагона отчего-то был очень зол. Дал отцу моему пощечину. В чем отец провинился, не знаю, но обиду снес, не ответил. Но я забыть не смог. Когда мне было уже семнадцать лет, я узнал, что этот человек опять оскорбил моего отца. Теперь он был начальником вокзала. Пошел на работу к отцу, избил начальника вокзала на глазах работников, грузчиков. Бил, как скотину. За это мне дали два года. Потом забрали в армию. Пока я сидел, отец скончался. Он дышал мною. Мой арест приблизил его кончину. Мстить мне надо было по-другому...

– Понятна мне твоя печаль, но я хочу знать еще одно, – сказал Меликаждар. – Неужели отец твой ничего обо мне не рассказывал?

Рахиб горько усмехнулся:

– Как не рассказывал, рассказывал. Каждый день, можно сказать, говорили о вас. Говорил, что Меликаждар ага – святой человек. Говорил, что поведу тебя к нему, увидишь, какой у меня есть друг. Но обещание свое не выполнил. Отец мой вырос в детском доме. Любил рассказывать о жизни сиротской. Я узнал, что советской властью выходцы из Ирана были высланы в Иран. Деда моего тоже этапировали. Отца, оставшегося на попечении моей больной бабушки, после этого забрали в детдом.

– А теперь ты мне скажи, что я могу для тебя сделать? – спросил он.

Рахиб на мгновение задумался. Отвечал четко, по-военному:

– Ага, я хочу служить у тебя. Ничего другого мне от тебя не надо!

– Придешь послезавтра к вечеру ко мне в Святителище, – сказал Меликаждар.

Меликаждар, как человек осторожный, во избежание нежелательных последствий, поручил

Сейфалу собрать сведения о Рахибе. Рассказанное Амбалоглу подтвердилось. Ага немного успокоился.

Рахиба, прибывшего в назначенный срок, Меликаждар ага пригласил в павильон. Поговорили, попили чаю. Потом Сейфал достал из кармана пачку денег, положил на стол перед Рахибом. Меликаждар сказал:

– Это тебе, сынок, здесь десять тысяч. Подумай хорошенько, каким делом заниматься хочешь, потом придешь ко мне. Деньги эти на недостойные дела не трать.

Рахиб, испуганно вытаращив глаза, смотрел на деньги. Такие большие деньги вживую он видел в первый раз.

– Ага, это очень много! – сказа он.

– Нет, не много. Всего лишь десять тысяч. Можно купить старую машину. Если не на чем будет ездить, как деньги зарабатывать станешь? Приоденешься, чтобы от тебя не шарахались. Еще и питаться надо будет, потом еще мелкие расходы, ты ведь не сразу зарабатывать начнешь. Увидишь, десять тысяч не большие деньги.

– Я верну эти деньги, все до копейки, ага, – преданно сказал Рахиб.

В этом его заверении, в голосе было нечто, что проняло такого скептика, как Сейфал. И когда проводили Рахиба, он сказал Меликаждару.

– Ага, этот Амбалоглу – находка для нас!

Амбалоглу Рахиб был совсем не таким, как его отец. Шустрый, хваткий, как огонь. Очень быстро большая часть торговых дел Меликаждара перешла в его руки. Установка теплиц, обработка почвы химикатами, посадка саженцев, выращивание цветов, сбор их, упаковка в коробки, все вплоть до отправки в Россию было под надзором Рахиба. Теплицы приносили столько денег, что и не сосчитать было. Меликаждар был очень доволен своим выбором.

Однако где-то около двух месяцев прибыль от цветов пошла на убыль.

– Что происходит? – спросил Меликаждар.

В этот период запреты в стране уменьшились, власти ослабили возжи, начался «нью-феодализм». В аэропорту образовалась группа людей, взявших под контроль отправку цветов. Перевозить в Москву подорожавшие в Баку цветы стало не выгодно.

Меликаждар выслушал краткий отчет Рахиба.

– Кому подчиняются эти грузчики, о которых ты говоришь?

Рахиб пожал плечами.

– Невозможно понять, ага! Никого не боятся, ни милиции, ни руководства аэропорта. За каждый отправляемый цветок требуют плату в двадцать копеек.

Меликаждар на какое-то время задумался. Рахиб осторожно спросил:

– Ага, чьи люди эти грузчики?

Меликаждар перебирал четки. В комнате стояла тишина, все молчали.

– За грузчиками, вероятнее всего, стоит Саны. – Сказал Меликаждар после долгого молчания.

– Не может быть, ага, Саны делает деньги на другом, – Сейфал не скрывал своих сомнений.

– И вообще, Саны в тюрьме, – вступил в разговор Мизи.

Меликаждар молчал. Сейфал попытался обосновать свою мысль.

– Может, это его подручные, шестерки после ареста Саны нарушают порядок, беспредельничают...

– Нет, это дело не простое, не каждому под силу, здесь видна рука Саны, – уверенно сказал Меликаждар, потом обратился к Рахибу. – У тебя еще есть что?

Рахиб достал из кармана список.

– Здесь имена тридцати цветочников, они попросили меня быть посредником. Говорят, если ага подпишется под этим делом, хорошую прибыль получим... Обещают, что если даже пять копеек будем иметь с каждого цветка, у нас и стены из золота будут...

Внимательно выслушав, Меликаждар согласно кивнул головой:

– Я понял, племянник.

– Ну что мне, ага, ответить цветочникам? – осторожно спросил Рахиб.

– Подожди, не спеши, мнение мое ты узнаешь. Если у тебя больше нет ничего ко мне, можешь идти, – сказал Меликаждар, и когда Рахиб вышел из комнаты, обратился к Мизи. – Где Хатам? Почему его нет на совещании?

Хатам был старшим сыном аги, и к тому же являлся помощником Мизи.

– Сел в машину, уехал, – неохотно отозвался Мизи.

Кухней и охраной в офисе распоряжался Мизи. Ничто не могло скрыться от глаз этого въедливого человека, только вот с зятем своим сладить не мог, не нравилось ему присматривать за Хатамом, не любил. Сейфал не преминул ужалить своего дядю.

– Зятюку своему ты послабление даешь, он не оставляет кружок хромого учителя...

Хатам. Старший сын Меликаждара.

Пятый год был женат Хатам, но детские голоса в доме этой молодой семьи так и не зазвучали. Ни лекарства не помогли, ни народные средства, ни молитвы. Врачи сказали – жена здорова. Хатам хотя и не верил, что причина в нем, но все равно ежеднев-

но целый год совершал семь кругов вокруг святыни. Беда его так и не разрешилась. Увидел как-то там Самаю, пришедшую сюда вместе с бабушкой, сразу влюбился. Решил попробовать приударить, но о камень ударилась стрела, и все равно от Самаи не отступился.

Проехав по путанному лабиринту улиц, Хатам остановился перед воротами дома в тупике. Вышел, открыл ворота, заехал во двор, но подниматься по лестнице красивой усадьбы не стал, через заросшую зеленью потайную калитку прошел в соседний двор. Зашел в дом вместе с поджидавшей его женщиной.

Этот маленький домик он выстроил для любовных утех. Вход во двор дома был с соседней улицы. Для себя Хатам, чтобы скрыть свои посещения, сделал отдельный вход. О его связи с Самаей очень мало кто знал. Принятых мер было достаточно, чтобы слухи о его любовных похождениях не дошли до ушей жены.

Хатам был пленен Самаей, ее статью, красотой. Стоило ему бросить взгляд на ее гибкий стан, умопомрачительную грудь, вспыхивал страстью, опустив взгляд вниз – восторг, который способен оживить и мертвого. Взглянув на лицо, терялся, словно с чудом волшебным встретился.

Хатам сразу же направился в спальную комнату.

– Ну, что такого срочного случилось? – спросил он у Самаи, вошедшей в спальню следом за ним, – что ты меня дернула, оторвала от дел, если окажется пустое – тебе несдобровать!

На угрозу Самая внимания не обратила, заговорила кокетливо:

– Дорогой, это вовсе не пустое. У меня не одна, а две новости.

От кокетства возлюбленной Хатам становился мягок, податлив, как воск.

– Ну, говори, говори!

– Ага, мне уже минуло двадцать пять лет.

– Какая же это новость? В прошлом месяце мы отметили твой день рождения, я одарил тебя подарками. Может, ты еще что-то хочешь? Куплю тебе в счет будущего дня рождения, – пошутил Хатам.

– Нет, ничего больше не надо. Ты купил все, что я хотела! Дай, Аллах тебе здоровья.

– Возможно, я что-то забыл. Говори, не стесняйся! Магазины одежды всего Союза готовы тебе услужить.

– Я к врачу ходила, – глаза Самаи сверкнули зеленым блеском.

– И-и...

– Ага, врач сказал то, что я хотела услышать.

– Ты опять за свое?.. – Хатам медленно наполнялся гневом. – Эти разговоры ты давно оставила, с чего вдруг снова начала?

– Я хочу, любимый, чтобы и у меня был ребенок, – умоляюще говорила Самая, потом холодно, по-деловому добавила. – Она очень хороший врач, однажды уже лечила меня, сказала, что если я и сейчас не рожу, то больше вообще не смогу родить.

Хатам тяжело вздохнул:

– Разве я не хочу? – сказал он, обняв Самаю. – Не беспокойся, если беда идет от Аллаха, то он и с лекарством помогает.

Увидев, что Хатам расстроен, Самая сменила тему:

– Есть еще один важный разговор!

– В один день столько важных разговоров?! Может, оставим на потом?

Самая сморщила носик.

– Нет, это не тот разговор, который можно оставлять на потом, – сказала она. – Гюлю готова вам помочь.

Хатам сразу стал серьезен.

– Что просит взамен дочь Кюрсюм?

– Не многое! Говорит, если узнает, что замышляется против попечительского фонда Меликаждара, готова сообщить.

– Она не предаст, все-таки много лет является любовницей Саны? – спросил Хатам после раздумий.

– Я Гюлю хорошо знаю, – решительно сказала Самая. – Она подруга детства моей мамы. Агаоглу, я верю Гюлю.

Хатам знал это.

– Хорошо, я передам, посмотрим, каково будет решение ага, – сказал он, потом вспомнив, спросил: – Почему ты ничего не говоришь, как поживает твоя бабушка Мария?

– Очень хорошо, – радостно сказала Самая, направляясь к кровати, – только об аге и говорит.

Хатам, глядя вслед возлюбленной, улыбался.

– Видимо, между бабкой твоей и Меликаждаром что-то такое вроде любовного приключения было, если она только о нем и говорит, – предположил он. – Тебе зачтется, если бабушку свою к нему привезешь.

Самая улыбалась.

– Разрешаешь? Бабушка счастлива, что удалось избавиться от бараков. Да будет Аллах доволен тобой, агаоглу.

Мария Топал

Хатам не ошибался.

Поселок только закладывался. Еще босоногим мальчишкой Меликаждар каждый вечер вместе с сельской детворой прибегал сюда смотреть, как танцуют на танцплощадке. Красавица Мария танцевала без устали. Она кружилась, раскрывающаяся разно-

цветным зонтом ее цветастая юбка заставляла уже повзрослевших сельских пацанов смотреть на нее, затаив дыхание.

Меликаждар был влюблен в нее с самого первого дня. Бывало и после окончания танцев он не уходил из поселка, кружил вокруг барака, в котором жила Мария. Мария вообще не принимала во внимание маленького юношу ростом в два вершка. Встретив его, всегда говорила:

– Маленький мужичок, когда подрастешь?

Ушлые сельские ребята неплохо зарабатывали в поселке, продавали инжир, виноград, зелень. Меликаждару тоже захотелось и, уговорив больную мать, собрал в саду инжир, виноград, принес в поселок. Не умея торговать, он довольствовался тем, что давали. Не жаден был, потому и клиентов у него было много, вскоре стал любимчиком поселковых женщин.

С Марии он денег не брал, бесплатно отдавал ей инжир, виноград. Красавица, зная, что малыш в нее влюблен, посмеивалась:

– Маленький мужичок, будешь даром раздавать товар, разоришься...

Меликаждар успел кое-что о ней разузнать. Ее часто видели с директором клуба. Звали этого молодого человека Саны. Был тот высоким парнем с напряженной бычьей шеей.

Однажды Мария спросила у Меликаждара:

– Кем ты приходишься Саны?

– Никем! – ответил он.

– Вы очень друг на друга похожи. Как две капли воды.

Меликаждар не нравился удачливым сельским парням. Придирались они к нему. Однажды Мария застала драку, подняла шум, разогнала дерущихся, взяв всего перепачканного Меликаждара под руку, привела в свой барак. Пришила оторванные пуговицы к его рубашке. Набрав в таз воды, смыла застывшую на лице кровь. Голый по пояс Меликаждар все это время молчал. Потом тихо прошептал:

– Я люблю тебя, Мария!

Мария не засмеялась.

– Ты еще малыш, откуда тебе знать, что такое любовь.

– Мне пятнадцать лет, – он вырвал у нее из рук свою рубашку.

– Подрастешь, поговорим по этому поводу, – сказала Мария, обнадеживающе улыбнувшись. Положила руку ему на плечо, легонько подтолкнула к двери. – А теперь иди!

Тут открылась дверь, вошел Саны. Он был сильно пьян. Увидев их, захихикал.

– Теперь ты уже и детьми не брезгуешь?

– Как тебе не стыдно, Саны. Он ведь ребенок...

– Я тоже вижу, что ребенок, но вот удивляюсь, что может сделать тебе этот прыщ, пацаненок незрелый?

Саны вновь захихикал, обхватив Марию, потащил ее к кровати. Меликаждар в бессильной злобе бросился на него. Саны, оставив женщину, поднял юнца за шиворот.

– Пошел отсюда, щенок! – дав ему под зад коленом, вышвырнул из барака на улицу.

Так завершилось первое любовное приключение Меликаждара.

Быстро шли годы.

С Марией случилась беда, она попала под камнерезательную машину. В больницу ее доставили вовремя, но ноги спасти не удалось. Она потеряла обе ноги. После несчастья красавица Мария стала быстро стареть, лицо покрылось морщинами, волосы поседели.

Пенсии едва хватало на лекарства. Ее душевнобольную дочь определили в сумасшедший дом. И саму Марию должны были отправить в дом престарелых, но внучка Самая не согласилась.

– Трудно тебе будет, – предупредила Мария.

Самая только что закончила техникум, поступила на работу.

– Не беспокойся, – сказала она, – проживем как-нибудь.

– Но тебе ведь надо будет еще и за матерью в больнице присматривать, – Мария пыталась объяснить реальное положение семьи.

– Нам на троих моей зарплаты хватит, – сказала Самая уверенно, прихорашиваясь, посмотрела на себя в маленькое зеркальце. – Я еще, бабушка, не пустила в ход свое главное оружие.

– Ни за что! Я не позволю, чтобы ты потратила на нас свою красоту, – Мария Топал понимала намек внучки. – И я была красивой, но погубила свою жизнь. Тебе этого позволить не могу.

Несчастье Марии не изменило о ней людского мнения. В поселке и в окружающих его селах репутация ее оставалась дурной. Произошедшее с женщиной считали Божьей карой.

Проработав какое-то время завмагом в поселке, Меликаждар перешел на снабженческую работу, но связи с поселком не прервал, приходил на свадьбы, поминки. Не забывал тех, с кем долгое время поддерживал отношения, оказавшимся в тяжелом положении протягивал руку помощи. Появление агиродовало. И Марии в помощи не отказал. Приехал однажды на машине с Сейфалом к ее дверям.

Мария была не одна. Самая уже вернулась с работы. Она работала очень далеко от поселка, в совхозе.

Девушка быстро накрыла стол, подала чай. Не спускала глаз с гостей. О Меликаждаре уже ходили легенды, она старалась не упустить ни одного его слова.

Гость положил под подушку Марии пачку денег. Женщина заплакала.

– За доброту твою, ага, я не смогу с тобой расплатиться!

– Ну и что, – сказал Меликаждар, – не сможешь и не надо, останешься должна!

Мария вдруг развеселилась.

– Были бы прежние времена, я бы с тобой натурой рассчиталась!

– Ты, Мария, не меняешься, – рассмеялся Меликаждар, – остаешься прежней Марией.

Когда гости уходили, Мария подала знак внучке. Самая, смущаясь, схватила руку аги.

– Благослови меня, ага! Пожелай мне счастья!

Меликаждар исполнил просьбу девушки. Провел рукой по голове ее и, выходя, что-то прошептал на ухо Сейфалу.

– Каждый месяц? – удивился Сейфал.

– Да, каждый месяц!

– Что происходит, ага?

– Ничего, – Меликаждар попытался объяснить, как можно доходчивее, – старые долги раздаю.

– И у тебя могут быть долги? – Сейфал был в недоумении.

– Тебе, внучок, не понять этот долг, не ломай голову.

Причину подобной щедрости Сейфал так и не узнал.

Но каждый месяц приходил в комнату Марии, передавал от аги деньги, унося с собой взамен ее огромную благодарность.

Теперь у Марии было достаточно много времени, чтобы обдумать все, что с нею произошло. Возможность сойти с несправедного пути, на котором оказалась в силу обстоятельств, у нее была всегда. Когда очнулась, поздно уже было. Самая, по просьбе бабушки, возила ее по всем святым местам Баку. Мария часами молча плакала в местах поклонения. Святынище Меликаждара посещала чаще остальных.

Каждый раз во исполнение желаний она завязывала узлом на ветках тутового дерева ленточку, оторванную от старого платья. Однажды, возвращаясь из Святынища, показала внучке на дома в его округе:

– Если ума тебе хватит, можешь стать невесткой в одном из этих домов.

– А ты почему не стала?

Мария тяжело вздохнула.

– Была у меня такая возможность, только вот ума не хватило.

– Будет тебе, бабуля, жить мечтами и меня с пути сбивать.

– Обратила внимание на мужчину там, у места поклонения? – Мария будто и не слышала внучку. – Он на тебя с интересом смотрел.

– Что мне делать теперь, – сказала Самая, поправляя черный платок на голове, – все смотрят на меня с интересом.

– Он не на поклонение пришел, это старший сын аги.

– Ты откуда знаешь?

– Знаю, – сказала Мария. – Жаль, что женат.

Материально Мария была частично обеспечена Меликаждаром и однажды сказала внучке:

– Отвези меня в самую большую мечеть.

– Женщина! Ты не устала? – Самая рассердилась.

– Со Святилищами разобрались, теперь будем ездить по мечетям?

– Мусульманкой хочу стать!

– Думаешь, примешь Ислам, Аллах вернет тебе ноги, и ты вернешься к своей прежней профессии? – нехорошо пошутила Самая.

– Не говори непристойные вещи, дочь. – Мария подняла вверх указательный палец, – как знать, может, Аллах лишил меня ног, чтобы уберечь от грехов! Откровенно говоря, я уже и тогда устала жить в грехе.

Самая была удивлена рассуждениями старой проститутки.

В мечети к желанию Марии отнеслись скептически. Они вынуждены были обратиться к Меликаждару. Аллах для всех открыт, таков был его ответ скептикам. Покаяние не зависит о величины и количества грехов человека. И когда Мария, с его благоволения, выучила основные положения Ислама, он устроил в Святилище церемонию и угощение в честь новообратившейся мусульманки .

От Марии не ускользнул тот факт, что присутствующий на церемонии Хатам не сводил глаз с Самаи. Грешно, думала Мария, но сына аги надо заманить к нам в дом под любым предлогом.

В этот день, когда увеличилось исламское сообщество еще на одну единицу, произошло событие,

сделавшее совершенно не обязательным совершение Марией греха.

Меликаждар получил радостное известие. Его младший сын Халис объявился в далеком Красноярске. Тидора ханум немного успокоилась, когда объявился ее уже год как исчезнувший сын, от Меликаждара не отставала, требовала съездить к нему. Ага вынужден был собираться в дальний путь. И оттого, что с ним ехал и Сейфал, все заботы, как само собой разумеющееся, легли на плечи Хатама.

Не прошло и двух дней после отъезда Меликаждара, как Хитрый Абдул принес Хатаму дурную весть.

– Агаоглу, – начал он возбужденно, – мы к берегу подошли, слышим крик на соседнем катере. Прибежали, двое парней схватили девушку. В общем, вовремя успели, парней связали. Девушкой оказалась внучка Марии Топал. Думали отвести ее домой, но она попросилась сюда. Меликаждару пожаловаться хочет.

Хатам понял, о ком идет речь, напрягся, но виду не подал.

– Эти пакостники, кто они такие?

– Одного мы узнали.

– Кто это?

– Сын Бесноватого Джаны, старьевщика на рынке.

– Девушку украл он?
– Нет, другой, этот помогал.
– Джаны, кажется, один из корешей Саны?
Мизи лучше знал врагов рода:
– Какой он друг Саны, шестерил, бегал по поручениям. Сидел в тюрьме однажды вместе с Саны.
Хатам поднялся на ноги.
– И поэтому его сын так себя ведет? Где эти подлецы?
– Оставили их связанными в лодке.
Хатам уже не сдерживал гнев.
– Может, так связанными и выбросить в море?
Мизи осуждающе посмотрел на зятя, покачал головой. Гнев Хатама прошел.
– Нет, потом отвечать придется, – сказал он. – Надавать им плетей да отпустить, пусть будет уроком.
– Как быть с девушкой? – спросил Хитрый Абдул.
– Зовите, посмотрим, на что она жалуется.
Вошла девушка в изодранном платье. Увидев Хатама, заплакала.
– Я не виновата, агаоглу, – слезы текли по пылающим щекам девушки...
По сути, эти девичьи слезы и проложили мостик между ними.

История Марии

– Бабуля, завтра переселяемся в мой дом, – заявила с порога Самая.

Убогое жилище в бараке, где Мария Топал прожила тридцать лет, как-то вдруг сразу потускнело, стало еще более убогим. Старуха, глядя на внучку, гордилась ею, невольно вспоминала и свою молодость. Ослепительная красота Самаи привлекала не только мужчин, ею восторгались и женщины. Текшая в ее жилах смесь различных кровей позволила природе совершить чудо.

– Боюсь, что помешаю вам, – сомневалась Мария.

– Не помешаешь, это решение Хатама. Оно не оспаривается, – твердо заявила Самая.

– Мать свою навестила?..

Радости в лице Самаи поубавилось.

– Конечно, почему ты спрашиваешь?

– Хочу знать, как она?

– Да как ей быть, – ответила Самая. – Лучше бы умерла, уже никого не узнает.

Глаза Марии наполнились слезами.

– Не говори так, детка, Аллах знает, что делает. Ты должна заботиться о ней.

– Я забочусь, – проворчала Самая. – Деньги даю врачам, санитарам, не дашь денег, кто за ней при-
смотрит!

– Вот ты, бедняжка, с младых лет осталась между двух калек, – печально сказала Мария. – С таким сердцем, как у тебя, Аллах всегда будет с тобой.

Самая просветлела лицом, но слова бабушки ее рассмешили.

– Бабушка, после принятия Ислама, тебе уже и моллой хочется стать!

На насмешку внучки Мария внимания не обратила.

– Тебе, дочка, о себе позаботиться надо, – сказала она. – Если бы ты смогла его уговорить...

– Ты думаешь это легко? – Самая перебила ее. – Настаивать начинаю, обижается. Хатам ага щедрый мужчина. Дом такой построил для меня...

– Ты бы стала невесткой в очень достойной семье, – сказала Мария. – Как наша Тедди...

– Тедди, это кто?

– Я говорю о Тидоре ханум, жене Меликаждара аги. Она из наших краев, родственница наша. Я должна была унести эту тайну с собой в могилу, обещала Тедди, но вижу, лучше тебе все знать.

– Ну расскажи, – Самая поуютнее расположилась рядом с бабушкой.

Мария говорила, подбирая слова.

– Это были первые годы поселка. От сельских парней не отбиться было. Продавали фрукты, зелень. Гурьбой валили к нам. Среди них был низко-

рослый парень. Иногда появлялся. Молчал все время. Продавал инжир, виноград.

– В каком году это было? – спросила Самая.

– В пятьдесят первом. Нас только переселили из Молдовы.

– Почему вас переселили?

– Да, видно, рассказать надо с самого начала, – Мария улыбалась, уходя воспоминаниями в прошлое.

– Когда война началась, мне было восемь лет, – приступила Мария Топал к своему рассказу. – Многие уже забылось. Но хорошо, что наш небольшой хутор был в лесу. Люди занимались пчеловодством. Всюду соты стояли. Когда пришли немцы, артель закрыли, во главе хутора поставили своего доверенного человека. Отец мой, наверное, у немцев служил. Связался с бандеровцами. Домой приходил всегда с продуктами. Приносил нам пай. Любил сидеть у колодца под дубом. Что-то таинственное было в его привязанности к этому дереву. Он будто влюблен был в него. Все кружил вокруг. Вздирался на вершину. Надо сказать, что не каждому было под силу взобраться на тот дуб. Ствол высокий. В конце сорок четвертого немцы ушли. Пришли советские войска. Стали выявлять тех, кто служил у немцев, расстреливали всех, осо-

бо не разбираясь. Шестнадцатилетнего брата моего поставили к стенке. Но отец спасся, убежал. В сорок пятом солдаты под дулами автоматов собрали женщин хутора, увели. Говорили, что в Сибирь отправили. Мы хотели быть с матерью, солдаты не позволили. Сержант один пожалел нас, говорит: «Жалко детей, замерзнут здесь, давай заберем их с собой в центр, там решат, как поступить с ними. Может, в детский дом определяют».

Офицер не согласился, говорит, в приказе говорится о взрослых членах семей врагов народа, о несовершеннолетних детях ничего не нет.

Карательный отряд поджег все дома на хуторе. Дети подались в лес. Каждый заботился о себе, как мог. Была зима. Мы с сестрой в стоге сена ютились. Сестра стала потихоньку рыть землю под сеном. Землянку вырыла. Выжили мы в тот год, с голоду не умерли. Было у нас много меда и картофеля. Пасека оставалась бесхозной. Собирали мед, обменивали в соседнем хуторе на еду. Однажды сестра спросила у меня, помнишь дуб у нашего колодца? Помню, сказала я. Отец наш там золото спрятал, мама мне на ухо прошептала, когда ее забирали. Я не смогла на него забраться, побоялась. Сестра тоже боялась.

Одна сердобольная старушка из соседнего хутора забрала нас к себе домой. Выяснилось, что мы дальние родственники. Старушка жила одна. Властей она

не боялась, потому что сыновья ее погибли в войну. Потом восстановился колхоз. Старушка похлопотала, нас приняли в колхоз.

Председатель артели с семьей жил в районном центре, на хутор приезжал на старом мотоцикле. Это был много повидавший, крепкий человек. Женщины хутора с тоской поглядывали на него. Да и он тоже был не промах. Не было никого, к кому бы он не пристроился. Нюх у него был, как у охотничьей собаки. О нас тоже разузнал. Но пока жива была старушка, к нам не приближался, ошивался все вокруг нас.

К несчастью, старушка вскоре скончалась. У председателя артели руки развязались. Каждый день навещал нас, помогал по мелочам. Сестра была молода, легковерна, все хихикала с председателем. Однажды председатель пришел пьяным. Сестру мою изнасиловал прямо у меня на глазах. Да еще и пригрозил - держите язык за зубами, пикнете, сгною в Сибири!

Мы от страха молчали. Потом председатель повадился ходить в нашу комнату. Жена его откуда-то узнала про эту его связь. Приехала тайно на хутор, поймала мужа в постели с моей сестрой. Шум подняла. Милиция нагрянула на хутор, нас с сестрой посадили в машину, отвезли в районный центр. В отделении милиции было много женщин, девушек. Все они были из политически неблагополучных се-

мей. Но обращались с нами хорошо. Говорили, что нас не в ссылку отправляют, лишь место жительства поменяют. Мы не возражали. Во всяком случае, нам сказали, что у нас будет и работа, и жилье.

Посадили в товарные вагоны. Как только состав тронулся, все изменилось. Солдаты внутренних войск очень отличались от милиционеров. Все были одинаковыми, как на подбор, не знали ни стыда, ни совести. Хватали любую приглянувшуюся женщину, удержу не знали. В этом грязном вагоне и я потеряла девственность. Сестра моя была привлекательнее меня. Все, кто хотел, уводили ее с собой. Однажды привели всю в крови. Позвали фельдшера. Но он ничем не сумел помочь. На очередной станции тело ее выгрузили. Я долго плакала, горевала, но какой смысл, надо было проживать свою горькую жизнь.

На этом Мария прервала свой рассказ, гнев, злоба душили ее. Наконец, она сумела сладить с собой.

– Приехали в степи Апшерона, – она попыталась улыбнуться. – Поставили сорок-пятьдесят палаток. Хорошо, что было лето. Какое-то время жили в палатках.

Привезли пару-тройку бульдозеров, камнерезательные машины. Работали в пыли. Бульдозерами сняли слой земли до каменного пласта. Стали за-

кладывать каменный промысел. Проложили рельсы, установили камнерезательные машины, провели электричество. Управлять этими машинами было не трудно. Только звук больших машин раздражал. Разрезали камни по установленным размерам.

Самым трудоемким в моей работе была смена пил. Еле справлялась. Постепенно приноровилась. Кость у меня широкая, да и сама я сильной была. Очень часто, включив машину на медленный ход, спускалась вниз. Складывали с подругами разрезанные кубики в ряд. Камни забирали военные машины. Поблизости, как я слышала, строилась оборонительная ракетная база, прокладывалась посадочная полоса для военных самолетов. Вечером возвращались с работы. Отдохнув немного, собирались на небольшой площадке между палатками, начинала играть гармонь, танцевали. Здесь мы были свободными. Уже не было над нами солдатской охраны. Но раз в неделю приходилось отмечаться. Должны были ходить в комендатуру, созданную для нас в одной из палаток. Вскоре построили каменный барак. Строили мы сами. Цемент экономили. Вынуждены были камни на глине ставить. Досок хватало, из войсковой части привезли. Настелили крышу. Комендант нашел использованный шифер. Как ни старались успеть к зиме, не получилось, зиму прове-

ли в палатках. Бараки были готовы к весне. Каждой дали по комнате.

– В поселке были только женщины, – спросила Самая, – мужчин не было?

– Мужчины были. Освободившиеся из тюрьмы. По сравнению с ними наше положение было лучше. Они отмечались в день два раза. Потом в поселке обосновались уволенные из армии.

Самое стало жалко бабушку.

– Намучилась, ты бабуля!

– Это так, но были и хорошие дни!

– О каких хороших днях ты говоришь, бабуль?

Мария, загибая пальцы, стала перечислять.

– Не надо так говорить, детка! Счастлива была, зачав твою мать. Думала, что никогда не стану матерью. Радовалась, когда мать твоя родилась. Радовалась, когда она выросла. Мало, что ли?

– Не обижайся, ляпнула. От кого ты родила, кто мой дед?

– Тебе лучше не знать, – ответила Мария.

– Хватит держать тайны! – сказала Мария.

И все же Мария Топал открыла тайну.

– Ну коль ты требуешь, скажу. Твой дед сейчас один из королей преступного мира Саны Апшеронский.

– Да ты что? – удивилась Самая.

– Да, да, именно этот подлец, – сказала Мария. – Будь он проклят. Из тюрем не выходит. Говорят, и сейчас снова арестован.

– Я слышала, что он враг аги, это правда?

– Да, говорят, это так. Возможно, ага не может забыть пинок, полученный им от Саны в молодости.

– А теперь расскажи, как ты познакомилась с Саны, – стала просить Самая.

Мария, удовлетворенная интересом внучки, продолжала.

– В пятьдесят четвертом году поселок еще более разросся. Заведующим клубом назначили парня одного. Звали его Саны. Он был высоким, статным. С ним еще двое ходили. С их появлением в поселке воцарилось спокойствие. Меньше стало молодежи приходить. В поселке было много красивых девчат. Саны проводил время с ними. Я не каждого мужчину к себе подпускала, распутства себе не позволяла. Возможно, это привлекло внимание Саны. Стал часто заходить ко мне в комнату. Не буду скрывать, я была в него немного влюблена, рассказала ему всю свою жизнь. Даже о том, что отец золото спрятал в кроне дуба. Полгода мы жили с ним, как муж с женой. Саны вдруг исчез. Месяц его не видно было. Он появился так же неожиданно, как неожиданно исчез. Женщин он менял, как платки носовые. Однажды

мы с ним подрались по-настоящему. Больше я его в комнату свою не пускала. Когда узнала, что забеременела, было уже поздно. Я и не ожидала.

Мария некоторое время молчала, задумалась.

– А ты ему не сказала? – спросила Самая.

– Он бы и не поверил, да и не был Саны семьянином. Грабежом и убийствами был занят. Знала, что место такому – тюрьма. Так и случилось. Дали ему несколько лет за убийство нашего коменданта. Когда родилась твоя мать, шел суд над ним.

– А я с неба упала, да? – иронично заявила Самая.

Мария не обратила внимания на иронию.

– Должна признаться, что мать твоя, хоть и была моей родной дочерью, но по-настоящему родной мне не стала. Я хотела видеть свою дочь благородной дамой, хотела, чтобы она выучилась, выбилась в люди, чтобы не проводила дни свои под кем-то, но не случилось. Многие девушки, приехавшие из Молдовы, повыходили замуж, стали хозяйками. Поселок постепенно начинал жить, как окрестные села. В поселке уже не проводились танцы, сельская молодежь сюда не приходила, уже и не слышно было, что кого-то порезали из-за девушки. Поселковые дети ходили в школу в окружающие села. Твоя мать в девятом классе влюбилась в молодого человека много старше нее. Этот человек, как сказывали, был замешан в недостойных делах. Матери же твоей было все ни по

чем. Он каждый день встречал ее у школы. Стояли у забора, шептались. Разговоры их не кончались. Зная, что это может плохо кончиться, я отругала ее. Но она совсем голову потеряла, ничего слышать не хотела. Да и родители молодого человека были не согласны. Знатная, благополучная семья не могла позволить, чтобы их сын женился на дочери распутной женщины. Сбежала она с этим парнем. Какое-то время скитались по знакомым. Однажды отца твоего арестовали. Мать с ребенком на руках пришла ко мне. Из-за ребенка приняла, так бы в дом не пустила. Мать твоя оказалась верной женой. Все по тюрьмам ездила. За тобой присматривала подруга ее Гюлю. Это я говорю о твоей тете Гюлю. Отец твой кончил в тюрьме. Убили его. Мать твоя даже краем глаза на других мужчин не смотрела. Может, потому и с ума сошла. Не была бы я калекой, в доме бы оставила, но невозможно было, отправила в сумасшедший дом. Вот и все приключения нашей семьи.

– Да, послушав тебя, бабуля, повеситься хочется,
– сказала Самая, вставая.

Мария Топал вздохнула.

– Прежде чем самой повеситься, ты меня сначала повесь.

Генерал. Цветочные рейсы военных самолетов

Войдя в Святилище к Меликаждару, Каштан киши в шутку пожаловался.

– Ага, без тебя меня здесь мучают, на голодном пайке держат. Поесть дают, а чем приправить еду, чтобы лучше усваивалась, не дают.

– Кончай, Каштан-киши, – с мольбой обратился к нему Сейфал. – Ты ведь находишься в Святилище!

– Нет, ты погоди, – воскликнул Каштан, – русским здесь водку подать можно, это не грех!

– Я понимаю тебя, – согласился Меликаждар, – но ты все-таки побереги себя, доконает тебя однажды страсть легкой усвояемости.

– Ага, русскому водка не страшна, – Каштан продолжал шутить. – Ты уж лучше препоручи меня Мизи. Он человек рассудительный. Мы с ним, вспомнив бывшее, примем по пять капелек.

Мизи исподлобья взглянул на русского, тайна его была раскрыта.

– Каштан-киши, не тереби душу, не поминай прошлого, знаешь же, в завязке я.

Каштан потирал руки, он знал, что дядя с племянником не ладят.

– Да ты что! Деловым решил стать, как твой племянник Сейфал? Как вы уживаетесь дядя с племянником?

Видя, как менялись в лице Мизи и Сейфал, в разговор вступил Меликаждар:

– Ты мне скажи, как торговля идет. Цветы продавать удастся?

Каштан чуть не завыл, оставалось только вытащить из кармана платок.

– Какое там, ага. Раньше скупщики от ворот моих не отходили, сейчас никого. Я даже сам пошел к некоторым из них, бесплатно отдаю гвоздики, не хотят. Собираю, выбрасываю в мусорный ящик. Может, Рахиба попросишь, чтобы помог мне.

– Попрошу, – согласился Меликаждар, резко меняя тему. – Я позвал тебя совсем по другому поводу. Мне с генералом надо встретиться.

– Ты ведь знаешь инструкции, – начал Каштан после некоторого раздумья, – обещаю, даю слово передать ему все, что ты скажешь.

– Инструкцию иногда не грех и нарушить.

– Конечно, ага, – Каштан согласно кивал головою. – Но время сейчас мутное, генерал не хотел бы, чтобы имя его склонялось тут и там, ставилось бы рядом с агой.

– Каштан киши, – возмутился Сейфал, – он должен гордиться, что имя его звучит вместе с именем Меликаждар ага.

– Ты погоди, не суетись, – перебил Меликаждар Сейфала, обратился к Каштану, – генералу скажешь, что ага очень хочет встретиться.

– Скажу, ага, но не знаю, согласится ли генерал, – ответил Каштан.

– Ты передай мою просьбу! Ответ мне сразу же сообщи, даже если ночью.

Под вечер Каштан вернулся с доброй вестью. Меликаждар решил действовать.

– Значит, надо готовиться к завтрашнему вечеру?

– Да, ага, – сказал Каштан, он не скрывал своего удивления. – Как это ни странно, генерал сразу же согласился встретиться, я ему напомнил, что нарушает порядок, который он сам же и установил.

– Что ответил генерал? – Меликаждар, не скрывал своего интереса.

– Ответил примерно так, как ты и говорил. Сказал, жить, не нарушая правил, не интересно. Вы что-то от меня скрываете, да? – обиженно спросил Каштан.

– Я не могу пока сказать тебе, Каштан киши.

– Я что, уже вышел из доверия, да?

– Не вешай носа, пока нет ничего серьезного, чтобы тебе сообщить, – попытался обнадежить Каштана Меликаждар. – Одно могу сказать, если мы с генералом договоримся, ты в накладе не останешься. Мы ведь друзья, не так ли?

Действительно, они были старыми друзьями.

Продуктовый магазин в поселке, подведомственный войсковой части, находился под надзором заместителя командира части. Заместителем был армянин, упертый коротышка. Хотя и был Меликаждар директором магазина, но особого веса не имел. Заместитель, урезая с солдатского довольствия продукты, продавал их в магазине, выручку клал себе в карман. Меликаждар понимал, что армянин действует не сам по себе. За его спиной есть люди.

Система управления в поселке была путанной. В поселке имелась комендатура. На каменном карьере наряду с вынужденными переселенцами из различных районов страны трудились также и гражданские лица, и лица, досрочно освобожденные из тюрем, а также лица, привлеченные к административной ответственности за различные правонарушения. Гражданские лица для получения документов обращались в поселковый совет. Там подтверждалось, что они являются свободными гражданами. Остальные подчинялись коменданту.

Камни из карьера шли на нужды войсковой части, оставшиеся продавались гражданским организациям. При ничтожной заработной плате здесь использовался рабский труд людей, ограниченных свободой. При необходимости в карьер пригоняли и солдат из войсковой части.

Шли семидесятые годы. Страха в стране становилось меньше. Меликаждар стремился к свободе.

Как только появилась такая возможность, не упустил. Как раз в это время поменяли командира войсковой части. Магазин из подчинения войсковой части перевели для обеспечения рабочих. Ага свободно вздохнул.

С ним был дружен снабженец, прапорщик, привозящий в магазин товары. Фамилия у него была Каштанов, но все называли его Каштаном. Меликаждар после долгих раздумий, зная, что в войсковой части грядут изменения, решил рискнуть. Возвращая прапорщику деньги за товар, который от привез, сказал ему:

– Каштан, командиру части скажешь, что заведующий магазином больше не принимает товар без накладной квитанции.

У весельчака– прапорщика отвисла челюсть.

– Не боишься? – спросил он.

– Передашь так, как я сказал, – отвечал Меликаждар.

Прошло несколько дней. Новый командир войсковой части, офицер в звании полковника пришел к Меликаждару. Он не стал ругаться, молчал какое-то время, потом совершенно спокойным голосом сказал:

– Послание я твое получил. Прибыль будем делить поровну?

– Этобылобысправедливо, – ответил Меликаждар, усмехнувшись.

– Договорись, – сказал полковник. – Еще какие-нибудь вопросы имеешь?

Меликаждар не стал откладывать беспокоящую его проблему.

– Товарищ полковник, что, если снабжение продуктами войсковой части ты поручишь Каштанову? Хотя он и прапорщик, но очень толковый. – сказал он. – Боюсь, как бы твой заместитель не подвел тебя. Будет лучше, если ты избавишься от него.

– Хорошо, – согласился полковник, – и этот вопрос решили. – Полковник поднялся, не смог сдержаться. – Ну ты, маленький мужичок, не узнал меня, что ли? Разве командира своего забывают?

Меликаждар с трудом узнал Иванова. Это был его командир взвода. За пятнадцать лет лейтенант превратился в солидного мужчину. Они обнялись.

– Командир, что же ты письмо мое не отправил? – задал Меликаждар мучающий его вопрос.

– Прости, солдат, – полковник виновато склонил голову. – По поступившим из Венгрии сведениям я увидел твою фамилию среди без вести пропавших. Посчитал, что отправлять письмо уже не имеет смысла.

Через очень короткое время Каштан стал правой рукой командира. И оказался он весьма толковым молодым человеком. Не забывал того, кому обязан. Ага не ошибся в выборе.

Так продовольственное снабжение войсковой части долгое время было сосредоточено в руках простого прапорщика. Он, как человек смывленный, руководил своим хозяйством умело. Финансовые документы содержал в полном порядке, все отражалось четко, как в зеркале. Ревизоры военного округа придаться не могли. Не греб под себя, заработанным охотно делился. Несколько лет назад, когда он собрался было выйти на пенсию, командир части генерал Иванов рапорт прапора не подписал.

Каштан киши прибежал жаловаться Меликаждару.

– Ага, натерпелся, двадцать пять лет тружусь, не покладая рук, родине служу, но я тоже хочу жить, как человек. Иванов уперся, не отпускает.

Через несколько дней Каштан киши снова пришел к нему, но уже в гражданской одежде.

– Все, уволился, – сказал он.

– А что Иванов?

– Приятеля твоего повысили и в должности, и в звании. Теперь он генерал, переводят в штаб армии. Вечером дает отходную, гостей созывает. И тебя при-

глашает, – весело на одном духе выпалил Каштан киши.

– Я могу тебе еще чем-нибудь помочь? – спросил Меликаждар.

– Мне бы работенку какую-нибудь гражданскую, – попросил Каштан, – да и жилье, крышу над головой.

Меликаждар после некоторых раздумий обнадежил его.

– Ты не бойся, на днях определим тебя смотрителем рабочего оборудования и найдем временный приют. Не оставлять же семью твою на улице. Достаточно будет принести из войсковой части рекомендательное письмо.

– Правда? – обрадовался Каштан.

Генерал Иванов приехал не на своем персональном автомобиле, а на старом УАЗике. Не хотелось, видимо, бравировать своим новым положением. Да и не один он приехал, с внуком. Пятилетний мальчуган вел себя по-взрослому солидно.

Внук генерала, сын его дочери был смугленьким. По-русски говорил свободно, по-азербайджански с трудом.

– Видно, что этот фрукт из нашего сада, – сказал Меликаждар, здороваясь по-взрослому с мальчуганом за руку.

– Прямо копия Шириева, – заметил Сейфал.

Когда сказанное перевели генералу, он улыбнулся. Его зять, Шири Шириев, был азербайджанцем. Недавно был назначен директором огромного субтропического совхоза, расположенного вблизи села.

– Как у вас, ага, отношения с Шириевым? – спросил генерал.

– Да никак, – спокойно ответил Меликаждар. – Нет никаких отношений, он сторонится нас.

– Почему?

– Дружен с городским руководством, для чего мы ему нужны?

– Да, знаю я, – отвечал спокойно генерал, – зять мой бывает заносчив, не в меру важничает, задается. Но у меня к тебе просьба, ты присматривай за ним. Положение сейчас изо дня в день ухудшается.

– Что случилось? – спросил Меликаждар участливо.

– Из Шири слова не вытянешь, но вот Альбина как-то сказала, что приходил некто, предлагал Шири свое крышевание.

У Меликаждара вскинулись брови.

– Пусть пока не волнуется. Опасности нет, Саны Апшеронский в тюрьме сидит.

– О какой опасности ты говоришь, ага? Кто такой Саны?

Из краткого объяснения Меликаждара генералу стало понятно, что живет он в криминальном мире. Он растерялся, но уверенность, с которой говорил маленький мужичок, успокоила его.

– Так, слушаю тебя, в чем там дело? О чем ты хотел со мной переговорить?

Генерал был деловым человеком. Суть дела схватил на лету. Предложенное Меликаждаром ему не нравилось.

– С начальством аэропорта говорить бесполезно, – сказал генерал. – Милицейское руководство города меня не слышит.

– Одним словом, вмешиваться в дело ты не хочешь, – холодно заметил Меликаждар.

– Я подумаю, ага, – пообещал Иванов, потом вдруг, другим тоном спросил. – Военными самолетами цветы перевозить можно?

Меликаждар серьезно смотрел на генерала.

– Конечно, конечно, можно, – голос его звучал бодро. – У войскового штаба в наличии аэродром военный имеется.

– Сколько рейсов в неделю нужно?

Меликаждар мгновенно посчитал:

– Три-четыре рейса нам вполне достаточно. Дела пойдут на поправку. Надо будет, увеличим количество рейсов.

Генерал улыбнулся:

– Это не проблема.
– Какие самолеты будут?
– Разные, грузовые, вертолеты, надо будет, и истребители подключим.

– В какие города летают ваши самолеты? – спросил заинтригованный Меликаждар.

– Можно в любую точку страны.

– Ладно, техническая сторона дела ясна. Ее мы решили, – сказал Меликаждар, подводя итог.

– Ага, с технической стороной дела я как-нибудь разберусь, как с материальной стороной дела, – сказал Иванов. – Нам нужны средства.

Меликаждар знал слабую сторону генерала.

– Считаешь, что они достойны генерала? – недоверчиво спросил Иванов.

– Даже падишаха, – ответил Меликаждар.

– Сколько приблизительно?

Названная сумма Иванова впечатлила, он загасил в пепельнице сигарету.

– Да ты что! – не поверил генерал. – Не может быть!

– Да, генерал, да, даже не сомневайся, – отвечал Меликаждар. – Давай пять, генерал!

Иванов довольный протянул ему руку. Он знал, что этот маленький мужичок рожден для больших дел. Сколько уж лет знакомы. С его помощью много денег заработал. Неожиданно сказал:

– Мне кажется, что теперь мы будем чаще встречаться.

– Я всегда готов, – сказал Меликаждар. – Преграды ты сам поставил.

– Тогда так и надо было.

– Что поменялось?

– Гласность и перестройка. Не видишь разве, за ночь сменили руководителя Республики?

– Ну и что? – недоумевал Меликаждар.

Генерал удивленно покачал головой.

– Не знаешь, кто стал новым первым секретарем?

– Кто?

– Отец его в свое время был директором каменного карьера в поселке.

– Что ты говоришь! Кажется, вы с ним были крепкими друзьями.

– Да, ага! Так что, если что-то надо будет, смело обращайся. Проводишь меня?

– Конечно, – Меликаждар поднялся на ноги.

Генерал, попрощавшись со всеми, решительным шагом пошел к выходу. В машину, однако, садиться не стал, подождал идущего следом Меликаждара.

Сакиль Гочу. Экскурс в историю семьи

Сакиль Гочу вновь собрал вокруг себя молодое поколение рода в павильоне во дворе. Старик получал истинное удовольствие от общения с молодежью, нравилось ему вести поучительные беседы. Да и окружившие его Серраф, Адам ага, Мизиоглу Хитрый Абдул, Хатам ага жаждали с ним общения. Рассказам старика молча внимали и присевшие в сторонке подростки Сейфала. Они впервые были на таком мероприятии.

– Нас было трое друзей. Главным у нас был, да упокоит Аллах его душу, брат ахунда Мир Гадир аги, дядя Меликаждара, Мир Джанполад. Мы приходились с ним друг другу двоюродными братьями. Третьим у нас был отец Саны, Назыоглу Гулу. Молодость наша бедовой была, вовсе не благопристойной. Не знали, куда деваться, нищета нас выбивала из сил.

Некоторые молодые люди из села подались в город. Работали на нефтепромыслах. Деньги, конечно, зарабатывали, но выглядели они, мягко говоря, не очень. Ни в какой бане не отмыть их было от мазута и грязи. Мы такими быть не хотели. Имя отца Гулу не было известно, потому и называли его по имени матери Назы, Назыоглу, то есть сын Назы. Назы, наверное, знала, от кого у него ребенок, но по какой-то

причине скрывала, никому не говорила. По жизни она была особой скандальной. О ней многое говорили, но, поселившись у нас в селе, жила честно, невозможно было сказать ничего дурного. Она будто от кого-то пряталась. Моя покойная мать моя говорила: как она здесь оказалась, кто ее сюда направил знает лишь она сама и Аллах.

Когда она появилась у нас в селе с сыном-подростком, ей и тридцати лет не было. Приютили их при Святылище, в одной из построек. Потом Мир Гадир ага посоветовал Назы поселиться в лачуге на окраине села. Раньше там жила семейная пара, прихожане аги муж с женой. Они оба неожиданно, в течение одного месяца скончались от какой-то непонятной болезни. Ходить в ту сторону села никто не решался. Назы слышала об этом, но не испугалась, охотно принялась за обустройство. Привезла из Сураханов негашеную известь. Побелила пол, потолок, стены, да и все, что было вокруг, потом переселилась. Первое время жила пожертвованиями аги. Потом стала работать у богатых, убирала, стирала, матрасы стегала, наволочки шила, пододеяльники. В летний сезон отдыха не знала. Ее звали варить бекмез, собирать виноград и инжир, сушить его. Зимой шерсть обрабатывала, пряла, подкрашивала луковой водой, вязала все: от носков до верхней одежды.

Село было большое и торжеств соответственно было много. Всю черную работу на свадьбах, днях рождения поручали Назы. Хозяева, оплачивая ее труд, наполняли по договоренности оставшейся едой ее корзину, которую она приносила с собой. Бывало, перепадали ей и небольшие деньги, рублей пять-десять.

Если пытались сельские молодчики в страсти своей украдкой где-то прижать Назы, она спокойно, не спеша, открывала им свое личико. Увидевший ее пронзительный взгляд, второй раз к ней не подходили. Страшненькой была Назы. Лицо покрыто черными полосами, на лбу следы от язв. Смотреть на нее было неприятно.

Гулу был мелкой кости, драчливым пацаном. Сообразительный, в школе муллы учился лучше всех. Рассказчиком был отменным, мог такое рассказать, что мы заслушивались с открытыми ртами.

Любил рассказывать о драках, бойнях, грабежах. Спрашивали, откуда знает, не говорил, в тайне хранил. Тенью ходил Гулу за Мир Джанполодом, не знаю Назы ли ему поручила или кто-то другой, но от Джанполада ни на шаг не отступал.

Надо отметить, что Мир Джанполад, сын моей тети, был громадиной не очень привлекательной внешности. Однако силой обладал сказочной. Быка одним ударом с ног сбивал. Я сам был свидетелем,

шли как-то краем села, навстречу бык разъярённый, оторвавшийся от привязи, так он остановил его, схватив за рога, одним ударом кулака меж рогов свалил его, попятился бык назад, упал, несколько минут в себя прийти не мог, с места не двигался. Да, сын моей тети был как огонь. Разозлившись, все село вверх дном переворачивал.

Вышли однажды прогуляться. Проходили мимо дома Назы, она, увидев нас, попросила зайти. Вообще-то не хотелось идти. Тут Назы начала: «Что же вы такие храбрецы, господа милосердные, добродетели, вдову обижаете!»

Не могли после таких слов отказаться, приняли приглашение. Назы кружила вокруг нас. Самое вкусное угощение выставила. Посидели немного, когда собирались уходить, Назы вышла проводить. Сыну своему сказала, пойдём, проводим дорогих гостей.

Мне было семнадцать лет. Мир Джанполад, хотя и был старше меня всего на два года, но уже тогда заматеревший, выглядел, как мужик. Голос у него трубный, раскатистый. Мы с Гулу шли впереди, Назы вдруг опередила Миг Джанполада, встала перед ним. Дело, сказала, у меня к тебе. Мы отделились. Они долго беседовали. Каждый раз, когда Назы поправляла спадавшую на плечо чадру, голос сына моей тети снижался на тон. В конце звучал шепотом.

В это время приехал из города один из наших родственников. Мы как раз и шли, чтобы встретиться с ним. Узнали, что прислуживает он торговцу одному, стоит у лавки его, покупателей зазывает. Зазывалой работал. Профессия его нас рассмешила. Он восхищенно смотрел на Мир Дажанполада, – мне бы твою статью и мощь, разбоем бы занялся.

Эти слова его словно пробудили нас. Подумали, надо в Баку податься, проверить себя на деле. Готовиться начали. Скинулись, купили маузер, пару пачек патронов к нему, нашли пустырь за Святилищем. Соорудили мишень, стреляли, пока руки к маузеру не приноровились. Назыоглу Гулу стрелял лучше нас. Но преградой для нас был ахунд Мир Гадир. Без его разрешения мы не могли выехать из села.

Вор в законе Лоту Фахы

Лоту Фахы не без гордости называл себя вором, однако со стороны выглядел, как обычный работяга. Полжизни провел в тюрьме, но у него была лишь одна небольшая наколка на запястье.

Встретил Меликаждар Фахы стоя.

– Браток, ты превратил тюрьму с ее колючими проволоками в дом свиданий, приходишь, когда за-

хочешь, уходишь, когда захочешь, – улыбаясь, сказал он, показывая, куда присесть.

Фахы прошел, сел.

– Благодарю, я через любую колючую проволоку пройду, чтобы прийти в ваше Святилище.

– Ну, как дела идут? – поинтересовался Меликаждар.

– Все спокойно, – отвечал блатной Фахы.

– Говорят, разногласия пошли между армянами и азербайджанцами, – вступил в разговор Сейфал.

– Улеглось. Сколько дней как уже все успокоилось. Как только Саны появился в зоне, все стало в порядке.

– Каким образом? – спросил Меликаждар.

– Как только прибыл, обоих Равилей пустил вперед. Через день выявили армянина, который перерезал горло вору в законе, война закончилась.

Меликаждар молчал. Он не мог терпеть, когда проливалась кровь, избегал ее всегда. Лоту Фахы, взглянув на часы, поднялся.

– Ага, я в восемнадцать ноль-ноль должен прибыть в зону. Времени у меня мало, – сказал он, – есть еще пара мест, куда зайти должен.

Меликаждар понял, обратился к Сейфалу.

– Передай брату нашему общаковскую долю.

Жена Хатама

Был поздний вечер, когда Сейфал, возвращаясь домой, встретил поджидавшую его на веранде женщину. Это была жена Хатама. Женщина быстро накинула на голову платок.

– Сиди, сиди, сестра, что случилось? – участливо спросил он.

Дочь его тети, двоюродная сестра, была женщиной в теле, крепкая, домовитая. Сейфал сам лично давал согласие на ее брак с Хатамом.

– А ты что уши наострила, – сказал Сейфал своей жене, присевшей на стул рядом. – Иди пока делами займись.

Женщина обиженно ушла.

– Я даже стесняюсь сказать, но Хатам уже много дней не ночует дома, – тихо сказала она. – Уходит вечером, утром возвращается.

– Ну и что? – спросил Сейфал.

– Как это что? – не понимала женщина. – Нельзя, чтобы я тоже знала, куда уходит мой родной муж?

– Он мужчина, когда хочет уходит, может ночью уйти, днем может уйти, – объяснил Сейфал свою позицию. – Почему ты у него сама не спросишь, куда это он ходит.

– Разве у него можно спросить что-то, бить начинает, – пожаловалась женщина.

– Почему ты об этом отцу своему, Мизи, не говоришь?

– Сказала однажды, рассердился, отругал меня. Умоляю тебя, если знаешь, скажи, у Хатама любовница?

Сейфал разозлился, не сдержавшись.

– Лучше бы Хатам ага по ночам к любовнице ходил, – сказал он. – Это можно было бы понять!

– Если не к любовнице, то куда?

– Ты, сестричка, тайны хранить можешь?

– Конечно!

– Смотри, чтобы это осталось между нами. Никому не говорил, даже Тидоре ханум. Твой муж вступил на опасный путь, – сказал Сейфал. – Политикой занялся. Время проводит на антиправительственных собраниях.

Женщина засияла:

– Только бы не изменял, остальное я смогу выдержать, – сказала она.

Радости двоюродной сестры Сейфал не понимал.

– Я бы не сказал.

Сейфал поднялся, женщина стала его просить.

– Прошу тебя, Хатам не должен знать, что я приходила, иначе убьет.

Проводив двоюродную сестру, Сейфал, немного подумав, решил вернуться в павильон.

– Ты иди, отдохни, – сказал он дремлющему на диване Мизи, – я побуду здесь.

Хатама Сейфал ждал до полуночи. Чтобы не заснуть, зашел к сторожу. За полночь постучали в ворота. Сторож поспешил открыть ворота. Хатам заехал во двор, увидев Сейфала, устало улыбнулся.

– Ты, как всегда, на страже, брат Сейфал.

– Что делать, Хатам ага, кто-то же должен и в хлеву прибираться, или нет?

– Что ты этим хочешь сказать? – спросил Хатам, выходя из машины.

– То, что ты слышал, – ответил Сейфал строго. – Ушел в кусты, думаешь никто не знает, чем ты занимаешься.

– Ну, допустим, знаешь, и что? – спросил Хатам.

– Собрал вокруг себя пять-десять человек, надеешься с властью совладать?

– Эти пять-десять человек превратятся завтра в пять-десять тысяч, а потом в пять-десять миллионов...

– Может, тогда и меня запишешь в свой кружок? – спросил Сейфал, продолжая разговор. – Ты теперь, как я слышал, стал его руководителем, занял место хромого учителя.

– Так и есть, – подтвердил Хатам. – теперь я руковожу кружком. После того, как хромой оказался

предателем, ребята выбрали меня. Но принять тебя в кружок не могу.

– Почему?

– Ты же за порядок. Прямо чекист, ни дать, ни взять.

– Вижу, ты говорить научился!

– Учителя были хорошие... – сказал Хатам и, не прощаясь, направился к дому.

Дружина Джанполада. Переселение армян из Османской империи

На следующий день Сакиль Гочу продолжил свой рассказ. Молодежь, собравшаяся вокруг него, внимательно слушала. Всех интересовала история.

Мир Джанполад, не знающий страха, подчинялся лишь старшему брату. Его послушание основывалось на беспредельном уважении. Мир Гадир аге тогда не было и тридцати лет. Он вернулся на родину, не закончив обучение в Иранском городе Гум. Руководство сектой после смерти отца перешло к нему.

Выслушав брата, пришедшему к нему за благословением, Мир Гадир тяжело вздохнул. В задумчивости посмотрел на пытавшегося спрятаться за

его спиной Сакиля, смотрел долго, изучающе, потом обратился к Джанполаду.

– Я очень хотел, брат, чтобы ты учился, пошел бы по научной стезе. Не вышло, ты пошел в своих никчемных дядей, шутовство, затейничество поставил выше религии, духовного учения. Били тебя, ругали, но ты так и не вышел на правильный путь, напротив, пошел по кривой, как сказано в Коране, дорожке, не книгам отдал предпочтение, а пистолетам и кинжалам.

Мир Джанполад, взволнованно отвечал:

– У меня, ага, нет желания всю жизнь копать в земле, как червяк. Ты вот годами науке учился, где только не был, и как ты сейчас живешь. Лопату из рук не выпускаешь. Хочешь, чтобы я тоже в нужде и нищете проводил свои дни?

– И в нищете можно жить с достоинством, – нравоучительно заметил Мир Гадир ага.

– Разве можно сказать, что все живущие в богатстве и роскоши, бесчестны? – спросил Джанполад поникшим голосом. – С другого конца света приезжают в Баку иностранцы, становятся миллионерами, гребут под себя нефтяные деньги, а мы должны жить в нищете.

– Богатство, брат мой, счастье человеку не приносит, напротив, является причиной всех бед и несчастий.

Мир Гадир ага помолчал, отпускать братьев в город не хотел.

– Прошло уже наше время учиться, ага, – вступил в разговор Сакиль. – Разреши нам в город поехать, денег заработать. Сейчас как раз время пистолетов и кинжалов, – он решил пошутить.

– Пистолет и кинжал принципам нашей секты не соответствуют, – сказал Мир Гадир ага.

– Если даже пистолет и кинжал не соответствуют нашей секте, то вполне соответствуют нынешнему времени, – возразил Джанполад.

Опасаясь гнева Мир Гадир ага, Сакиль вновь решил перевести все в шутку:

– Ага, денег хотим немного подзаработать, приодеться, с нищетой покончить, потом вернемся в село. Ни секта никуда не денется, ни праведный путь.

Ага рассердился.

– Послушай меня, брат, сын моей тети, я в ответе за вас. Сбившись однажды с Божьего пути, снова встать на него трудно. Но вижу, вы решительно настроены. Даже если захочу, не смогу вам противостоять. – Мир Гадир ага, скрепя сердце, согласился отпустить их в город, зная, что всю жизнь будет сожалеть об этом. – Ладно! – А это кто? – он посмотрел на стоящего за Сакилем Гулу Назыоглу. – Я его не знаю. – Недовольство братьями болью отдавалось в душе.

Сакиль, опередив Джанполада, попытался объяснить.

– Не надо столько слов, – насмешливо сказал ага.
– Достаточно одной фразы.

– Какой фразы? – спросил Сакиль.

– Просто сказать, что это пасынок Джанполада!
Джанполад стоял, не смея поднять головы.
Сакиль был в растерянности.

– Мы не знали, что ты в курсе, – сказал Сакиль.

– Если известно всему селу, почему я не должен знать? – спросил Мир Гадир ага. – Ступайте, счастливого вам пути.

Дружина Джанполада, поначалу состоящая из трех человек, быстро разрасталась за счет примыкающих к ней молодых людей из сел, превратившись вскоре в боевой отряд. Богатели, да так, что некуда было деньги девать. И, конечно, у главаря доля была больше остальных.

– Где нам хранить столько денег? – спрашивал Джанполад у своих.

– Может, в банк положишь? – предложил Гулу. – Говорят, что богатеи там держат свои деньги.

– Неправильно это, всюду деньги с собою таскать, – согласился Сакиль.

Мир Джанполад, немного подумав, часть купюр перевел в золото, послал с Сакилем в село.

– Скажешь аге, пусть тратит, сколько хочет, остальное припрячет.

Мир Гадир ага, узнав причину приезда Сакиля в село, рассердился:

– Когда это я ел нечестный хлеб? На награбленное зарился?

Сакиль пытался его успокоить:

– Ага, о чем ты говоришь, что значит награбленное, нечестный хлеб; это все чисто, как материнское молоко. Мы денно и нощно трудимся, сторожим товары купцов и продавцов. Все деньги мы по договорам получили, почему заработанное нами нечестное?

Сакиль не сумел переубедить Мир Гадира, вернулся расстроенным.

Началась мировая война. Помощник полицмейстера Аракелов вызвал Джанполада к себе. Он взял с собою и Сакиля. Перед зданием полиции было многолюдно. Большей частью были богатые люди города. Вызывали по одному. Дошла очередь и до Мир Джанполада. Встретил его Аракелов уважительно.

– Ага, – начал он, – надо помочь освободившимся от Османского ига армянским беженцам. Они в очень тяжелом положении.

– С чего это мне помогать чужим? – насмешливо спросил Джанполад, – Наши живут хуже, чем армянские беженцы.

Помощник смерил его взглядом.

– Здесь не место для шуток. Я не лично от себя говорю, это приказ господина губернатора. Долг каждого богатого человека – оказать помощь армянским семьям. Пока поручаю тебе три армянские семьи. Они ожидают тебя на выходе, – сказал он. – Ни один человек не должен забывать, кому он обязан. Деньги ты заработал на нашем участке, благодаря нам.

Джанполад понял скрытый смысл этих слов. Возражать Аракелову не стал. Сакиль был удивлен, что друг его смолчал.

Две армянские семьи они разместили в одном из старых амбаров. Условия были не комфортными, но жить можно было. Для третьей семьи нашли более приемлемое жилище. В крохотном дворике была комнатка в два окна с сухой не протекающей крышей, колодец с солоноватой водой. Сакиль сразу же понял причину щедрости Мир Джанполада.

Армянская семья состояла из трех человек. Муж, жена и девочка-подросток. Глава семьи, тощий мужчина с прилипшим к спине животом, с огромным увесистым носом утопал в коротком бешмете.

Девочка лет четырнадцать была усталой, головы не поднимала, одежда на ней старая, грязная, потрепавшиеся от холода губы красные, цвета спелой вишни. Вьющиеся волосы, выбившись из-под шали, спадали на лицо. И это все тенью покрывало ее красоту. Молодая женщина была игрива, особой красотой не блистала, но радовала глаз, с улыбкой смотрела на быкующих парней. На Мир Джанполада бросала интригующие взгляды, будто что-то пыталась ему сказать.

Назыюглу Гулу с двумя членами отряда принес для этой семьи необходимые на первое время вещи. Чехол под тюфяк, медную посуду, продукты на пару дней и даже дрова, печь затопить.

– Думаю, пару дней обойдетесь, – сказал Джанполад, обращаясь к главе семьи.

Армянин говорил с османским акцентом, пытаясь выразить благодарность, схватил руку Джанполада, хотел поцеловать. Мир Джанполад не позволил:

– Я что, армянский каталикос, ты мне руки целуешь! – отойдя в сторону, сказал он. – Что ты можешь делать?

– Мой паша, я все могу, – сказал армянин. – Предки были кузнецами, жестянщиками. Для этого горнило нужно. Звать меня Артуш.

– Хорошо, Артуш киши, я пристрою тебя. С кузницей потом решим, – пообещал Джанполад, пока-

зал на Сакиля, — завтра найдешь этого человека, он покажет тебе место твоей работы.

Джанполад собирался уже уходить, Артуш остановил его, показал на свою жену.

— Мой паша, нельзя ли и моей жене работу найти?

— Это можно, Артуш киши, — ответил Джанполад.

— Жена твоя что умеет делать?

Женщина, приобняв дочь, стояла за мужем, повязку с головы сняла, ее смуглое лицо пылало жаром.

— Мой паша, я все умею. Звать меня Ануш.

— Ну тогда будешь готовить, прислуживать нам. Сумеешь услужить, жалование тебе положу. — Сказал Джанполад, отводя в сторону взгляд.

Артуш от радости прослезился.

— Да хранит тебя Аллах, — сказал он. — На одежду мою ты не смотри, в Турции я был не последним человеком. Все у меня было, жил, как человек. Дом, двор, сад, богатство. Голову нам заморочили, с пути сбили, не дали спокойно жить, сказали в Россию ехать надо, иначе турки вас убьют. Нам говорили, что русский император окажет помощь армянам, дом даст, работу даст, денег даст. Все ложью оказалось. Надежд не осталось, не знаю, что дальше делать. Хорошо, что встретились с таким человеком, как вы.

Мир Джанполаду эти душеизлияния уже довольно надоели.

Артуш снова пошептался с женой.

– Мой паша, – остановив Мир Джанполада у самой двери, – жена спрашивает, на работу ей когда выходить?

Мир Джанполад на мгновение задумался.

– Вы пока обустраивайтесь, отдохните, придите в себя, – сказал он. – Завтра в первой половине дня я приеду, отведу на работу.

Артуш все не отставал, крикнул вслед:

– Было бы неплохо, если и дочь моя Мара помогала бы матери.

На следующий день, когда Мир Джанполад с Сакилем пришли к ним, семья уже была на ногах. Женщина приделась, принарядила и дочь свою.

– Пойдем? – спросил Джанполад.

Не дожидаясь согласия мужа, Ануш ринулась к двери, будто только и ждала этого слова, они с дочерью пошли перед Джанполадом. Сели в фаэтон, ожидавший у калитки, Джанполад сел рядом с женщиной. Сакиль вскочил на подножку. Вскоре подъехали к одному из ближайших домов Джанполада. Во дворе, кроме садовника, никого не было. Увидев их, садовник направился в свою каморку.

Джанполад показал на гостевую комнату.

– Брат, поручаю тебе Мару. А я пока покажу Ануш кухню, – сказал он, завел только вошедший в моду граммофон. – Наслаждайтесь музыкой.

Ануш понимала, куда и зачем она пришла, ведь не ребенок. Бросив взгляд в коридор, Сакиль увидел, как Мир Джанполад ага, приобняв женщину, вел ее мимо кухни в спальню. Он принялся расспрашивать Мару.

Узнал, что она с раннего детства сирота. Ануш ее мачеха. После смерти матери отец привел в дом молодую женщину. Но не ужился с нею, не соответствовал ее требованиям. И месяца после свадьбы не прошло, связалась с местным священником и со старостой. По одному их в дом водила, один сменял другого. Мару била ни за что, ни про что.

– Когда она со священником или со старостой находилась в доме, я должна была стоять у входа, если кто появится, кудахтать как квочка. Проводив мужчину, мачеха давала мне сладостей, ласкала, волосы мне расчесывала.

Разговаривая с этой четырнадцатилетней девочкой, Сакиль отметил, что она, однако, уже созрела.

Жизнь менялась. Порядка не стало меньше. Непреклонно росло число голодающих людей. В городе шагу не ступить было от сирых и попрошаек.

Аракелов часто приглашал к себе в отделение Джанполада. Поручал ему все новые и новые армянские семьи. И он ни слова не говоря, помогал. Однажды Сакиль спросил у него.

– Когда это все кончится, брат?

– Ты о чем? – Джанполад его не понял.

– Ты посмотри, сколько армян появилось в городе! Куда ни посмотришь, армянина увидишь.

– Да это так, будь они нелады, скоро их станет больше, чем мусульман, – с усмешкой ответил главарь.

– С этими еле справляемся, а станет их больше?..

– Не дай Аллах увидеть нам эти дни. Но ты не бойся, им с нами не сладить, – сказал Джанполад ага, улыбаясь.

– А это не смешно, брат, боюсь, все это может плохо кончиться. Говорят, десять лет назад в 1905 году армяне в Баку резню устроили.

– Так– то так, Сакиль, – ответил Джанполад. Но... Сакил перебил его.

– ... но пройти мимо армянских девушек невозможно, да?

Джанполад осекся.

– В этом ты прав, брат, – сказал он. – Все может плохо кончиться для нас.

Семья Артуша, ни в чем нужды не зная, жила за счет Джанполада. Как только подъезжал фаэтон к

воротам, Ануш, приютив Мару, выходила из дома. Мать с дочерью, не спеша, назо соседям, сажались в фаэтон. Ануш старалась хорошо содержать девочку. Не мучила ее, как иные мачехи. Почему-то, куда бы она не шла, всюду брала ее с собою. Сакиль видел, что даже когда Джанполад с Ануш заходили в спальную комнату, Мара от них не отставала.

Он на обеих тратил много денег. Брал и в театр, и в синемаграф, на мероприятия.

Сакиль обратил внимание, что в последнее время он все чаще и чаще видит Назыюглу Гулу у лавки Артуша. Это его заинтриговало, вызвало интерес. Друг его уже несколько лет, как очень изменился. Превратился в привлекательного, хорошо одетого молодого человека. Пистолет и кинжал за спиной придавали ему уверенность. С оружием он обращался умело. Не было уже прежнего пацана на побегушках, его место занял молодой человек с претензиями.

В дальней комнате лавки они о чем-то говорили с Артушем. Бывало, что они вместе обедали, Артуш делился с Назыюглу едой, что приносила из дома Мара. Сакиль догадался, с чего это его друг водится с Артушем.

Это напрягало. Отозвал Назыюглу Гулу в сторону.

– Ты, односельчанин, держись отсюда подальше, не переходи дорогу Джанполаду.

Назыюглу не хотел поначалу признаваться, но, увидев, что Сакиля не проведешь, сознался:

– Откровенно говоря, я собираюсь взять Мару в жены, Артуш не против.

– Ты разве не знаешь, что Джанполад тебе ее не отдаст?

– Я люблю ее, – ответил Назыюглу с неожиданной тоской в голосе.

– Гулу, Джанполад намного раньше тебя с этими женщинами. Тратит деньги на них. Не стоит тебе вмешиваться, – Сакиль попытался вразумить друга.

– Ты в это дело не вмешивайся! – вдруг набросился на Сакиля Назыюглу Гулу.

– Подожди, не кипятись! Тебе нужна армянская девушка? В городе их полно. Из Турции прибывают, из Ирана. Тебе только Мара нужна? – уговаривал его Сакиль. – Не переступай через Джанполада из-за какой-то девки.

– Я собираюсь взять Мару в жены... – не отступал Назыюглу.

Сакиль был удивлен. Гулу было двадцать лет, но Сакиль не видел и даже не слышал, чтобы он интересовался женщинами. Жил один в небольшом доми-

ке. Когда они выходили вдвоем в город прогуляться, Сакиль замечал, как на хорошо одетого, красивого Гулу бросали взгляды девушки. Он же равнодушно проходил мимо. Сакиль точно знал, что его никто не интересовал. Теперь же он был просто поражен.

Шел как-то Сакиль по улице, его окликнул Артуш:

– Мой паша, у меня к тебе дело, – не зная, как начать, немного помявшись, он перешел к самой сути.

– Мой паша, Гулу хочет на Маре жениться.

– Ты отец девушки, – ответил Сакиль насмешливо. – Тебе лучше знать.

– Но Джанполад ведь от нее не отстанет. Каждый день гулять выводит.

– Ты отец девушки. Не позволяй.

– Мара меня не слушается... Может, поговоришь?..

– С Марой?

– Что ты такой непонятливый! Не с Марой. С Джанполадом, он послушает тебя. Пусть оставит мою дочь. Мара еще ребенок, не может отличить плохое от хорошего.

– Может, Джанполад сам твою дочку возьмет, сделает своею женою?

– У него уже есть две жены, третья ему к чему? Он не султан, чтобы гарем открывать. Если я даже согласюсь, жена моя не согласится. Помоги, мой паша.

– Это не мое дело, – отказался Сакиль.

Артуш принялся уговаривать:

– Помоги, мой паша. – Скоро свергнут императора русские рабочие...

– Ты, Артуш киши, поменьше бы пил водки да вина, – посоветовал Сакиль, – совсем голову потеряешь.

– Верь мне, паша мой, революция грядет. Все поменяется. Скоро Баку станет нашим. Армяне заживут, как хозяева...

Сакиль был удивлен тем, как вдруг заговорил жалкий, ничтожный армянин.

– То есть, Баку станет армянским городом?

– Да, эфенди, даже не сомневайся. Император давно нам отдал Баку.

– Не болтай попусту, Артуш киши.

– Увидишь. Наступит день, в Баку будут жить только армяне.

– Что станет с мусульманами?

– Мусульмане в Иран переселятся, – сказал Артуш, отступив на шаг от Сакиля. – Ты не бойся, мой паша, друзей мы не предаем. Кто будет за нас, тот вместе с нами и будет жить. Их никто не тронет...

Его удивило, что это ничтожество так заговорило. Он дал Артушу подзатыльник.

– Чтоб ты сдох!

Получив подзатыльник, Артуш молча пошел к дому.

Отношения Джанполада с Марой не могли не вызвать недовольство Ануш.

– Мой паша, ты оставь Мару в покое, – заявила гневно Ануш. – Обнимаешь ее при мне, целуешь, зажимаешь то тут, то там... Ей ведь всего шестнадцать, ребенок еще.

– Какой она ребенок, больше нас с тобой знает, – ответил главарь.

В тот же день Джанполад очень недорого купил небольшой домик, слегка приведя его в порядок, отдал Маре. Нанял для нее и прислугу. Мара стала ханум.

Однако уже через несколько дней Мир Джанполаду ага стало не до любовных утех. Наступили смутные, черные дни. У Джанполада пошли разногласия с другими группировками. Не понять было, что послужило причиной вражды, вдруг ни с того, ни с сего стали враждовать, случались и перестрелки со смертельным исходом. Несколько магазинов в округе сожжены. Дружина Джанполада заметно по-

редела, понесла потери убитыми, оставшиеся в живых вернулись в свои села.

Джанполад ежедневно менял место ночлега. Никто, кроме Сакиля, не знал, где он находится. Пока Аллах был милостив к ним, живыми и невредимыми выходили из перестрелок.

Как-то раз, когда продукты были на исходе, Сакиль решил сходить на базар, прикупить кое-что. Вернувшись, увидел весь дом в крови. Джанполад окровавленный лежал на полу. Сладить с ним в одиночку не каждому было по силам. Вероятнее всего, напавших было несколько человек. Или кто-то один подкрался, нанес удар неожиданно. Вход в погреб был закрыт, но внутри все перевернуто. Джанполад прятал там деньги, драгоценности. Убийца это знал.

Тело Мир Джанполада Сакиль повез в село. Брат Мир Джанполада Мир Гадир за день поседел, борода стала белой. Плач, истязания себя женщинами невозможно было выносить. Причитания Назы разрывали душу. Она сидела, закрыв лицо. Родственники попытались вывести ее с поминок, но Мир Гадир их остановил.

– Оставьте ее, она тоже была близка к покойному,
– сказал он.

После похорон Джанполада Сакиль вернулся в город. Остались мелкие незавершенные дела. Занялся ими. Через несколько месяцев в Баку образовалась Красная Коммуна. Объявился и Гулу Назыоглу. Он записался в Красную гвардию. Сыграл в это смутное время свадьбу. Взял в жены Мару. На свадьбу Сакиль пошел без приглашения. Был поражен, гостями на этой скромной свадьбе были одни лишь армяне. Все вооружены, с патронташами на груди. Назыоглу Гулу, увидев Сакиля, почернел весь, крикнул издали.

– Сакиль, ты останешься жив только потому, что хлеб с тобой делили, если встретишься мне хоть раз, мать твоя познает горе, – он взял маузер, не целясь, выстрелил в бывшего друга. Пуля, просвистев, задела руку, отпало всякое желание оставаться здесь.

Оказалось, что Артуш не попусту болтал. Действительно, Баку стал армянским городом. Во главе созданной Коммуной Красной Гвардии стояли армяне. Сакиль по поручению Мир Гадир ага собрал остатки отряда Джанполада. Ага и сам обратился к сельчанам. Услышав его имя, многие откликнулись на зов. Он сам проехал по селам.

– Сейчас настало то самое время, когда надо проявить отвагу и достоинство.

Подготовка, начатая вовремя, принесла свои плоды. Армяне в село войти не смогли. Получив отпор, разбежались, искали, где пристроиться, порубили саблями несколько семей, не успевших покинуть дачи, рубили всех подряд, не считаясь с детьми, стариками, женщинами.

После падения Красной Коммуны резня в Баку прекратилась. Потеряв покровителей, армяне рассыпались по провинциям. Создалась Азербайджанская Демократическая Республика, просуществовавшая недолго.

Первый арест Мир Гадира

Революционная стихия России свергла молодую, только получившую свободу республику. Революционные отряды, перейдя реку Самур, двинулись на столицу, по пути обстреливая села и населенные пункты, убивали оказывавших сопротивление людей. В Азербайджане устанавливали Советскую власть.

Мир Гадир ага – один из образованнейших людей своего времени, был в полном смятении. Прокляв установившийся миропорядок, оставил проповедо-

вание в мечети. Чуть ли не против бога пошел. Да и как было не идти? Земля и небо должны были разрушиться, не разрушились, планеты должны были сойти со своих орбит, не сошли, мир должен был погрузиться во тьму, не погрузился. Снова, как и прежде, на небе появлялось одно солнце, реки продолжали свое течение, море по-прежнему в волнах и в своих берегах. Оставалось только дивиться, не понять было, как Аллах может терпеть такие изменения, передел жизни.

В народ ага выходил лишь изредка. Все дни свои проводил вдали от села, на даче. Не ходил ни на торжества в селах, ни на поминки. Зимой и летом во дворе с лопатой в руках ухаживал за деревьями. Сажал зелень, лук-картофель выращивал. Большая часть провизии в семье была плодом его труда. Жена болела. Старший сын, оставив свое занятие моллы, пошел учительствовать в школу. Зять Мир Гадира был из мюридов, работал на нефтяном промысле. Относительно других, жил неплохо.

Советская власть селу Мир Гадира аги, находящемуся километрах в тридцати от города, не доверяла. Из села прогремела пара выстрелов по бронетехнике входящей в Баку Красной Армии. Теперь, когда окончательно установилась советская власть, об этом инциденте вспомнили. Всех мужчин, кто был на виду, увели на допрос в Чрезвычайную Комиссию.

Ага был среди них. Допрашивал его мужчина христианского вероисповедания. Переводчиком был щедушный молодой человек в очках, слабый, за нос схвати, не выдержит, богу душу отдаст. Хотя и был азербайджанцем, но по-азербайджански говорил с трудом. Вероятно, образование получил на русском языке. Он сидел за пишущей машинкой.

Мужчина в пиджаке нашел в списке его имя. Не спеша прочел указанные сведения о Мир Гадире. У него были голубоватые глаза, пшеничного цвета усы. Недоверчиво посмотрел на сидящего перед ним религиозного деятеля. Однако, предписание партийного комитета «о важности привлечения на революционную сторону колеблющейся части населения» выполнил. Он был профессиональным революционером. Из казанских татар. В силу того, что был из мусульман, позже принявших христианство, думал он двояко, как бы вел двойную жизнь. Он и как христианин не был христианином, и как мусульманин не был мусульманином. Знал немного историю Ислама. Не зря проучился два года на факультете востоковедения Казанского университета. Если бы его не исключили из университета за участие в студенческом движении, стал бы видным ученым. Потом учился бессистемно. Жадно читал все, что попадалось под руку. Шел на любую работу, на какую

бы его не послала партия. Участвовал даже в нападении на почтовые суда на Каспии. Не был против того, чтобы награбленные деньги использовать для нужд партии. Не считал это порочным. Жил среди рабочих, разговаривал, как рабочие, одевался, как они. Но мыслил гораздо шире. Допрашивал, как положено чекисту.

– Имя, фамилия?

– Мир Гадир Гамбар оглу Ахундзаде.

– Год рождения?

– 1870 год по христианскому летоисчислению.

– Образование?

– Получил высшее духовное образование в Тебризе.

– Занятие?

– Религиозный служитель.

– Должность?

– Никакой должности не имею.

– Разве вы не глава мечети?

– Я оставил это занятие, в мечеть больше не хожу.

– Почему?

– Разуверился в Аллахе.

После общих вопросов он задал Мир Гадир аге несколько вопросов, связанных с религией. В своих познаниях в этой области он не был уверен. Спрашивал не спеша. В учении ислама он не был большим знатоком.

Хотя и казались Мир Гадир аге вопросы немного странными, он отвечал на них подробно.

– В народе нас называют «независимыми». Секта наша основана моим дедом. Он получил образование в Халябе, был большим деятелем своего времени.

Чекист перебил его:

– Дед твой нам не интересен...

– Старших не перебивают, – сказал Мир Гадир ага. – Не имеет значения, что власть у тебя.

Переводчик с явным удовольствием перевел его слова. Чекист внимательно посмотрел на агу, покачал головой, будто упрёк и не услышал.

– Я хочу сказать, что не стоит уходить в сторону, – сказал он, – расскажите о секте.

– Да, перейдем к секте...– Мир Гадир ага погладил бороду.

– Однако, говорите покороче, – мягко попросил чекист. – Времени у меня нет.

Мир Гадир ага тянуть не стал.

– В Коране написано, что Аллах создал человека независимым, то есть человек – свободное божье творение. Если отнимать у человека свободу, значит, идти против воли Аллаха. «Независимость» не следует смешивать с учениями бабили, бахали. Мы не выходим за пределы Корана. Напротив, требуем со-

блюдения всех основ священной книги. Тогда не будет ни мучителей, ни мучеников. Все будут равны.

– Ты скажи аге, – перебил переводчика чекист, – что и коммунисты так считают. Мы тоже хотим видеть свободными всех трудящихся, рабочих, крестьян, бедняков. Такова цель нашей революции. Хотели свободы, равенства, и получили.

Мир Гадир ага усмехнулся:

– Насильно захваченное удержать в руках бывает трудно, – сказал он. – Все, будь то батрак или рабочий, образованный или неграмотный, рождаются свободными, но все ли ее достойны?

– Человек от рождения достоин свободы, – перебил его чекист.

– Так-то оно, конечно, так, господин, – тихо сказал Мир Гадир ага. – Но внешне свободный раб должен быть свободен и внутри, в мыслях своих. Для этого нужно миллион лет.

– Миллион? – переспросил чекист.

– Образно говоря, да, – подтвердил ага.

– Если раб не познает свободу, как ему понять ее вкус, – не соглашался чекист.

– Да, это так, – закивал головой ага, и сразу же добавил. – Но нельзя давать свободу невежественному, безграмотному рабу. Это может плохо кончиться.

Чекист удивленно посмотрел на этого бородатого мужчину. И он в первые годы революции, встре-

чаясь со своеволием, вседозволенностью, думал также, считал, что нельзя давать волю темной безграмотной толпе, оставлять ее без присмотра. И сейчас был в растерянности, восточный религиозный служитель говорил то же самое. «Вот тебе и дикий Восток!» – подумал он.

– Хотите сказать, что свобода человека должна быть ограничена? – спросил он заинтересованно.

– В последнее время я прихожу к такому выводу, – ответил ага. – Самоуправству вперед не пройти.

– Нашу власть принимаешь? – напрямую спросил чекист.

Мир Гадир ага ответил уклончиво.

– Аллах создал меня помимо моей воли. Следует принимать то, что Аллах позволяет. – Властью нашей доволен?

– Наше недовольство может что-то изменить?

– Нет!

– Тогда и спрашивать незачем.

Чекист усмехнулся. Больше задерживать агу не стал, его отпустили. На выданной ему бумаге с печатью чекист написал несколько слов. Улыбаясь, сказал:

– Ага, мне очень приятно с тобой разговаривать. По возможности заходи ко мне. Поговорим. Взял бы тебя в большевики, но ты религиозный служитель. Бумагу эту береги, в будущем понадобится может.

И действительно, Мир Гадир агу какое-то время не трогали, было ли это результатом значимости выданной ему справки с печатью, или по какой-то другой причине, неизвестно.

В двадцать первом году село снова затрясло. Вооруженные люди продовольственного отряда без спроса заходили в дома, амбары, в хранилища, тайники, забирали все, что им попадалось. В двух-трех дворах попытались оказать сопротивление, раздались выстрелы. Власти такого не ожидали, поэтому прислали карательный отряд. По заранее подготовленному списку мужчин собрали во дворе комитета. Карательный отряд действовал четко и слаженно. Нетрудно было догадаться, что за этим стоял хорошо знающий село человек. На глазах у всего народа, во дворе мечети, без суда и следствия расстреляли несколько зажиточных сельчан, купцов. Выяснилось, что во главе карательного отряда стоял Гулу Назыюглу.

Агу и его семью не тронули. Справка, выданная чекистом, возымела силу, иначе, если бы зависело от Назыюглу Гулу, пустили бы и его в расход. Он так и сказал, насмешливо глядя в глаза Мир Гадир аги:

– Ага, если еще раз попадешься мне, читай предсмертную молитву. Больше тебя никакая справка не спасет.

– Ты виновен в смерти моего брата, но я не хочу твоей крови. – Мир Гадир ага не сводил с Гулу пристального взгляда.

– Я не виновен в смерти твоего брата, – закричал вдруг проливший уже много крови Гулу Назыоглу.

– Кто виновен?

– Твоего брата убил помощник полицмейстера Аракелов.

– За что?

– Твой брат был бабником, он увел у Аракелова женщину.

– Но Сакиль говорит, что Джанполада убил ты!

– Пусть Сакиль только попадется мне, я ему покажу. Сакиль в селе? – спросил он.

Ага не ответил.

– Так говоришь, Сакиль говорит неправду?

– Конечно, я сам еле спасся от Аракелова. Я вам не кровный враг, но и не друг. Твой покойный брат нанес мне обиду. Будь он сейчас жив, я бы его прикончил. И больше, ага, не жалуйся. Кровь пролилась? Время сейчас кровавое, кровь вместо воды рекой течет? Захочу и твою кровь пролью.

– Ты ведь государственный человек, закон нарушишь?

– Меня только партбилет в кармане и останавливает. А так, поставил бы тебя к стенке, кто бы мог мне помешать?

Мир Гадир ага снова пошел на мировую:

– Тогда давай мириться...

– Ты что, меня за простачка держишь? – сказал Назыюглу Гулу с усмешкой. – У меня неограниченные полномочия. Могу кого угодно повесить, зарубить. Мне решать, – достал из кармана мандат. – Ты посмотри, кто его подписал?

Ага взял документ, прочитал, возвращая, шепотом спросил:– Назыюглу, все эти, подписавшие твой мандат, враги мусульман?

– Попусту не болтай, старик, – ответил встревоженно Назыюглу. – Они все революционеры.

– Не знаю, революционеры они или нет, – прошептал снова ага, – но фамилия, стоящая во главе, армянская, в восемнадцатом году он руководил бандой, напавшей на наше село.

– Ты ошибаешься, старик! – недоверчиво сказал Назыюглу.

– Ты еще молод, – ответил Мир Гадир ага с тоской, – не знаешь, зря вошел в союз с нашими врагами. Мир этот переменчив, не сегодня, завтра все может измениться.

– Не болтай, старик, это в мире ханов и беков веры нет, а мир трудящихся не может быть вероломным.

– Ты молод, сынок, не знаешь вероломства...

– Заткнись! Мировая революция не нуждается в твоих проповедях, – закричал Назыюглу Гулу. – Была

бы моя воля, я бы тебя наказал. Не посмотрел бы, что ты похоронил мать мою Назы.

Когда главарь отряда отделился от дома, из глубины двора появился прячущийся в высохшем колодце Сакиль Гочу, направился к Мир Гадир аге.

Маузер у него был заряжен, стоял на взводе. Если бы Назыоглу Гулу позволил бы с Мир Гадир ага чуточку большее, оскорбил бы его, он бы не посмотрел, что тот с вооруженными милиционерами, стал бы стрелять.

– Ага, я пойду уже.

Мир Гадир ага грустно посмотрел на него.

– Убегаешь?

Сакиль отшутился:

– Убегаешь – это не то слово, нехорошее, оно для меня неприемлемо.

– Как же это называть? – спросил, улыбаясь, Мир Гадир ага.

– Это называется, ага, исчезаю, линяю.

– Бегство остается бегством, как ни меняй название, суть одна, – сказал ага.

– Что на суть обращать внимание? – засмеялся Сакиль. – Главное, что голова осталась цела, а папаху к ней найти просто.

– Смотрю, ты совсем перепугался, напугал тебя этот выродок. Я тебя таким трусливым не знал.

Гочу упрека не принял.

– Если бы ты знал Гулу, как я, так бы не говорил. Этот выродок прелюбодеяния – Божья кара. Бери детей и жену, в Хызынские горы отправляйся. Там родственников полно. Пока не уладится все, там переждем.

– Ну что ж, браток, сын моей тети, не к лицу Мир Гадир бежать от отпрыска греха.

– Ага, – Сакиль все пытался его уговорить, – расправиться с этим выродком просто! Но сейчас он окружил себя такими же выродками, как сам, вот и правит.

– Не морочь мне голову, – Мир Гадир ага был тверд в своем решении, – я село не покину...

Сакиль, поняв, что убеждать бесполезно, сменил тему:

– Двери Назы были закрыты.

– Назы умерла несколько месяцев назад, – ответил Мир Гадир.

– Вай-вай! Не стоило хоронить ее, зря ты это.

Мир Гадир посмотрел на него недоуменно.

– Что ни говори, она была с нами связана, была любовницей брата, – сказал он. – После смерти Джанполада из дому не выходила. Однажды сказала

с горечью, если в смерти Джанполада есть вина Гулу, я прокляну его.

Сакиль не стал задерживаться, когда он повернулся, чтобы уйти, глаза старика наполнились слезами.

– Ты уходишь, я же чувствую в тебе Джанполада, надыхаться не могу.

Сакиль попытался его успокоить, сказал:

– Ага, как только обоснуюсь, приеду, навещу тебя.

Но Сакиль не сдержал слова, в село вернулся только после окончания Второй Мировой войны.

Симсар Акиль

Страна погрузилась в голод 1933 года. Беда, шедшая из России, разошлась по всем провинциям. К Мир Гадир аге пришел Акиль, один из его старых мюридов. Акиль прямо с порога, не поздоровавшись, сказал:

– Симсар ага, пропадаю!

Представители секты называли друг друга симсар, что означало коллега, сторонник, единомышленник. Мир Гадир ага удивленно смотрел на Акиля, всегда строго соблюдавшего установленные порядки, честь, достоинство.

– Симсар Акиль, что случилось? Чем ты встревожен?

– «Товарищи» забрали у меня последнюю пшеницу, залезли в зерновой колодез, унесли все, что было. Что еще должно случиться? Была у меня пара домашних животных, на них надеялся, заболели, ящур напал, подохли. Еды дома не осталось, дети голодные, одну зелень едят, уже позеленели. Что еще должно случиться? Прошлый год был не урожайным, ни капли дождя не пролилось, ячмень посадил, не взошел, пшеницу посадил, тоже не выросла, все пропало. И «товарищи» еще пришли на беду. Зерно, оставленное на посев, забрали. Что еще должно случиться?

Симсар Акиль будто ума лишился. Ага опечалился тяжелой ситуацией одного из своих мюридов. Акиль был щедрым человеком, никогда об аге не забывал. В год по несколько раз приходил к нему с паями. Вспомнив обо всем этом, ага призадумался. С младшим сыном погрузили на осла Акиля мешок ячменя. Расчувствовавшийся до слез от такой щедрости мюрид пытался поцеловать руки. Мир Гадир не позволил.

– Симсар Акиль, нельзя так поступать, грех это.

У аги и самого положение было не из лучших, жил трудно. Мог рассчитывать только на себя. Отошел от проповедей ахунда в мечети, браки не заключал, молитвы не писал, пожертвования не принимал.

Прошла неделя. Ага был у себя на даче, сидел у нагревательной печи. В небольшое окошко увидел двоих людей, поднимающихся в сторону дома. Шедший впереди был симсар Акиль. Мир Гадир отложил в сторону лежащую перед ним книгу, снял очки. Хотел было поручить младшему сыну, находящемуся во дворе, отправить назад пришедших, но посчитал это непозволительным, сам к ним вышел. Акиль вошел во двор, обнесенный колючим кустарником. За его спиной стояла женщина в чадре, держала в руках сверток. Но потом ага понял, что ошибся. Женщина поставила на землю укутанного ребенка. Это была девочка лет двух– трех. Акиль встал перед ахундом.

– Симсар ага, я прислугу тебе привел, – он помолчал какое-то время, стоя с приоткрытым ртом, глядя куда-то вдаль. – Та, что побольше, моя дочь, маленькая – внучка.

Глаза у Акиля были помутневшие, зрачки бежали. Кровь ударила в голову Мир Гадир аги, закричал на мюрида:

– Ты сдурел, симсар Акиль, я что, слуг держу? Сейчас время шутки шутить?

– Симсар ага, я не шучу, не до шуток мне, – заныл Акиль. – Ты в возрасте, должен же кто-то тебе прислуживать или нет? Один ты остался...

– Тебе до этого какое дело? Словом, твое предложение не соответствует ни устоям нашим, ни времени... – рассердился ага.

– Будь проклято это время! – заорал гость.

– Тихо, тихо, – попытался успокоить его ага, – чего кричишь, как бы беды не случилось. Не знаешь, что ли, везде сейчас есть уши, даже у земли.

Акиль тупо смотрел на него.

– Ага, я пошел, – сказал он.

Мир Гадир попытался его остановить.

– Стой, симсар Акиль, детей забери...

Акиль, отдернув руку, молча ушел.

Какое-то время Мир Гадир ага растерянно стоял посреди двора. Не сразу пришел в себя. Сказал дрожащей у колодца от холода женщине:

– Дети мои, пройдите в дом, будьте моими гостями, согрейтесь немного. Что-нибудь придумаем. Аллах милостив.

Гости прошли в дом. В прихожей было тепло. Мир Гадир ага пригласил присесть на устланную ковром низенькую скамью.

– Садитесь, – сказал он, позвал в приоткрытую дверь сына. – Хватит там сидеть, еду, что принес, поставь на печь разогреваться. Видишь, гости у нас, поспеши.

Младший сын аги, смущаясь, вошел в комнату. Не поднимая на гостей глаз, он достал из корзины кастрюлю, поставил на плиту. Осторожно положил в печь дрова, спросил у аги:

– Разрешаешь мне домой пойти?

– Иди, но к вечеру возвращайся.

– Хорошо, ага!

Мир Гадир ага стал накрывать на полу. Постелил на ковер скатерть. Достал из корзины дастархан, с полки взял две фаянсовые пиалы. Развернул дастархан, переломил надвое хлеб, одну половину положил на скатерть, другую, завернув в дастархан, снова спрятал в корзину. Половником разлил в пиалы горячую еду. Позвал гостей.

– Идите, садитесь, угощайтесь на здоровье.

Гостья в чадре и не пошевелинулась. Тело ребенка в рваной одежде содрогалось, девочка облизнула губы, но тоже с места не двинулась. Ага вышел во двор, от двери нарочно пригрозил:

– Не станете есть, плетью выпорю.

Ага стал заниматься делами во дворе. Почувствовав, что осенний холод пробирает его, вернулся в дом. Увидел, что скатерть убрана, посуда помыта, на

плите стоит чайник. Старшая сняла с головы платок, волосы ее спадали на плечи. Молодое лицо казалось тяжелым, глаза большие. Девушку трудно было назвать красавицей, но все же какого-то обаяния и привлекательности она не была лишена. Высокая объемистая грудь теснилась в кофте.

– Доченька, я в возрасте деда твоего, чувствуй себя свободно, да и наша секта требует того же. И советская власть тоже за свободу.

Наевшись, маленькая девочка, сморенная сном, неподвижно лежала на ковре. Дочь Акиля, подняв ее на руки, уложила спать на тахте.

Ага сел на ковер, сложив под себя ноги, под локоть положил небольшую подушечку.

– Садись, – сказал он девушке, – меня старика не стесняйся.

Девушка села на указанное место, развязала платок. Неожиданно заговорила. В ее голосе была такая нежность, что Мир Гадир ага вздрогнул.

– Симсар ага, мне не нужен дед. И свобода не нужна, отец мой меня привел сюда рабыней. Я согласилась с ним, чтобы помочь нашей семье. Буду прислуживать вам.

Девушка говорила прямо, мысли свои выражала ясно. Откровенность девушки аге понравилась.

– Доченька, мне ни рабыня не нужна, ни служанка. Старый человек. Не обращай внимания на слова

своего отца. Нельзя ведь так! Я и не думал, что симсар Акиль тронулся умом.

– Симсар ага, я не ребенок, знаю, что делаю, – девушка будто и не слушала его.

– Девочка... – Мир Гадир ага рассердился.

– Симсар ага, я не девочка, а вдова.

Мир Гадир ага растерялся.

– Я не знал, что ты вдова. – сказал он. – Муж твой умер?

– Нет, не умер, убили, – откровенно ответила девушка.

– За что, если не тайна? – поинтересовался ага.

Дочь Акиля открыто отвечала:

– Нет, почему же тайна? Мой сукин сын муж не мог жить спокойно, гулял направо, налево, шел против власти. Связался с такими же, как и сам. Однажды пришли милиционеры, забрали. Расстреляли без суда и следствия, террор вроде бы готовили. Свекор со свекровью содержать меня не стали, мол, тяжелая у меня нога, нам не подходит, беду в дом принесла. В отчий дом вернулась. У отца моего из-за мужа пошли осложнения. Он и не выдержал, стал искать повод избавиться от меня. Сказал, что я принесла беду и нашей семье тоже, что отправит меня в услужение к вам. Я согласилась. Все же лучше быть рабыней, чем жить впроголодь и проклинаемой.

– Ребенок твой? – спросил ага

– Нет, ага, это ребенок моей старшей сестры. После смерти сестры я ее растила. Привыкла, без меня и минуты не может.

Ага задумался, потом решительно заявил:

– Я верну тебя в дом отца.

Девушка помолчала, потом рассмеялась:

– Это невозможно, симсар ага.

Ага был оскорблен смехом женщины.

– Почему, ханум? Что может помешать мне? – спросил он удивленно.

Растерянность старика забавляла девушку.

– Симсар ага, отец, прежде, чем привести меня сюда, отвел к молле, тот зарегистрировал наш с тобою брак. Теперь мы засвидетельствованные Аллахом муж и жена.

Глаза у аги от удивления расширились. Под руки попали четки.

– Ханум, не надо так говорить, не надо. Я ведь не посылал адвокатов, чтобы за меня делами занимались. И отцу твоему не давал таких полномочий. Этот брак не действителен.

– Нет, симсар ага, – сказала девушка милым голосом. – Секта наша дает такие права. Члены нашей секты являются адвокатами друг друга! И на этом, и на том свете! Разве это не ваши слова!?

Ага сдался, сидел, поглаживая бороду.

– Ханум, это мои слова, но сказаны они были совсем по другому поводу, – сказал он. – Пойми, ханум, это противоречит государственным законам. Меня обвинят в двоеженстве, запутают мои дела.

– Государству какое дело, симсар ага! Об этом знаем только я да ты...

Ага поднялся на ноги.

– Этой власти есть дело до всего! – сказал он. – Ты, ханум, не можешь оставаться в одной комнате с чужим мужчиной. Отдохнули, теперь собирайтесь, отведу вас назад.

Женщина с места не сдвинулась. Развязала узелок, опустила чадру на плечи, упавшие на лицо волосы решительным движением головы отбросила назад. Мир Гадир ага был смущен, подергивая седую бороду, поспешил выйти во двор.

Вскоре стало темнеть. Ага загнал в курятник кур. Перед ослом, стоящим на привязи в задней части двора, поставил еду. Заметив, что животное мерзнет, накинул ему на спину попону. Укутавшись в толстое покрывало, прошелся по винограднику, пустому баштану. Не мог никак прийти к какому-либо решению. Будто Акиль загадал ему загадку, а он не может найти решение. «Чертовщина!» – пробурчал он, возвращаясь в дом.

Женщина расстелила скатерть, налила две чашки чая. Поставила сушеные фрукты. Времени, навер-

ное, даром не теряла, знакомилась с домом, что где лежит. Агу встретила следующими словами:

– Симсар ага, зря вы мерзли. Я по своей воле этот дом не покину... Садитесь, чаю попейте.

Ага растерянно прошептал:

– Не знаю, как быть, ханум, – сказал он, расчихавшись вдруг, сел с краю, снял носки. – Мне непонятно ваше упрямство.

Щеки женщины от тепла посвежели, она решительно сказала:

– Симсар ага, вы можете выгнать меня из дома, но в отцовский дом я больше не вернусь.

– Куда пойдешь?

– На паперть пойду. Всюду буду говорить, что меня вынудил на это мой муж, Мир Гадир ага.

– Что ты такое говоришь, ханум? – ага, действительно, перепугался, – ты меня шантажируешь, меня, годящегося тебе в деды? Не боишься Аллаха?

– Если человека вынуждают, он никого не боится, симсар ага!

Ага внимательно посмотрел на нее.

– Ты ханум, кажется, училась?

– У меня не очень большое образование, – ответила она. – Книги на арабском алфавите читаю, этому я научилась у отца. Латинской графике научилась при советской власти. Училась до пятого класса.

– А потом? – спросил ага.

– Потом здание школы сгорело. Сказали, что это дело рук наших врагов, не хотят, чтобы мы были образованными. Учитель полгода учил детей то в одном сарае, то в другом. Потом ему надоело, бросил все и ушел. Так и осталась я недоучкой. Отец отдал меня замуж, о школе пришлось забыть, – она, между тем, принесла медный тазик, налила в него горячей воды из чайника, добавив холодной, чуточку остудила, поставила перед агой. – Симсар ага, давай ноги тебе горячей водой помою, ты простудился, чихаешь.

Ага угрюмо сидел, ему уже все надоело, не сопротивляясь, молча закатал штанины, опустил ноги в горячую воду. Женщина опустила на колени, стала мыть, растирая ладонями его натруженные сельским трудом ноги. В ее прикосновениях было что-то, что пробудило его, навяло приятные воспоминания.

– Вспомнил, приезжал я лет пять– шесть назад в ваше село на поминки. Гостил у твоего отца. Ты та самая девушка, что, моя мне ноги, щекотала. Чуть было не захохотал на поминках.

Девушка, глядя на него искоса, рассмеялась.

– Ну, наконец-таки, вспомнил меня! Что мне еще надо было делать, чтобы привлечь к себе твое внимание? Старалась услужить, мигом исполняла любое твое желание, ты все равно меня не мог вспомнить...

– Ну как звать тебя, шалунья? – ага, улыбаясь, смотрел на женщину.

Она ответила, смерив его взглядом снизу доверху:

– Зовут меня Симсар, симсар ага. Говорят, что имя это дал мне ты, в честь нашей секты...

Ага вспомнил. Мировая война началась. Акиль пригласил Мир Гадира агу, чтобы дать имя своей второй дочери. Глава «независимых» согласился. Ага тогда был молод, да и настроение было прекрасное, игривое. Был одним из уважаемых людей области.

Перед глазами предстали прежние, давно минувшие времена:

– Вспомнил, Симсар ханум, вспомнил.

Женщина наклонилась, чуть ли не касалась головой коленей аги. Ловким движением отбросила назад упавшие на лицо волосы. Ага не выдержал, положил руку ей на голову. Девушка вздрогнула, схватила мокрыми руками сухую и теплую ладонь аги, с благодарностью прижала к своим губам, по щекам потекли крупные капли слез. Седая борода Мир Гадир аги блестела, увядшие стариковские губы запылали гранатовым цветом.

Советская власть не приветствовала двоеженство, такие дела были запрещены законом. Шла неприимимая борьба с пережитками прошлого. В это

смутное время у Мир Гадир ага и мыслей не было взять себе вторую жену. Возраст ему не позволял, и жить стало тяжело. Но сопротивляться реальности было невозможно. Он, как мусульманин, подчинился воле рока.

Через несколько месяцев Мир Гадир ага признался:

– Я знал, Симсар ханум, что Аллах подарит мне на том свете рай. Но я не ожидал, что и на этом свете он подарит мне его. Ты сделала меня счастливым, – сказал он. – Теперь я могу спокойно отправляться на тот свет.

От благодарности Симсар ханум вся светилась.

– Все, что случится на том свете, у нас никто не отнимет, ты говори о том, что сейчас, на этом свете. Я только белый свет увидела, жить начала по -настоящему, не ломай мне душу. Жить надо, умереть ничего не стоит, – сказала она.

– Родишь мне сына, сто лет проживу.

– Если Аллах даст, и это будет.

Обещание исполнилось, Симсар ханум родила сына. Назвали его Меликаждаром. Мир Гадир ага забыл обо всех тяготах, павших на него с приходом советской власти.

Но на сердце было не спокойно. С окраин поступали плохие вести. Акиля киши по доносу сослали вместе со всей семьей. Он не сумел скрыть этого от

молодой жены. Глаза у Симсар ханум не просыхали. Жалко было отца с матерью, младшую сестру, почти ребенка. Ага не мог ее утешить.

– В чем провинилась перед советской властью моя младшая сестра, ребенок? – говорила она сквозь слезы.

Ага не забывал и свою больную жену. Каждый день, оседлав осла, спускался в село. Полностью обессиленная жена говорить не могла, лежала, но все слышала и видела. На агу смотрела с укором. Знала о нем все. Скорее всего, невестка, жена старшего сына не сдержала язык за зубами. Недолго протянула больная жена аги, зимою 1937 года скончалась, оставив этот бранный мир.

Весной в селе снова случился переполох. На страшный суд со всей округи собрали зажиточных людей, беков, агаларов. Чрезвычайная комиссия достала из запыленных ящичков столов старые списки. На этот раз никого не упустили. И снова затеял все эти дела Назыюглу Гулу. Куда бы он ни направил свой палец, там начинался плач. Кто мог знать село лучше него?

На этот раз Мир Гадир аге спастись не удалось. И бумажка, выданная чекистом, не помогла. Милиционеры подвели агу к Назыюглу Гулу. Назыюглу Гулу встретил его радостно.

– Я же просил тебя, больше мне не попадайся, предупреждал, что плохо для тебя все кончится, – он выхватил из рук Мир Гадир аги бумажку, бросил на землю, растоптал. – Ты что думаешь, в прошлый раз меня остановила эта крохотная бумажка?

– Что же остановило? – спросил Мир Гадир ага, поднимая с земли запачкавшуюся справку.

– Мне сказали, что ты достойно похоронил мою мать, поминки достойные устроил. Это меня и остановило. Иначе я бы давно с тобой покончил. – Бумажка эта ни к чему, выбрось ее!

– Мужчина, что дал мне эту бумажку, у вас главный, не так ли? – растерянно спросил Мир Гадир ага.

-Был! Теперь гниет в Сибири...

– Хороший был человек, справедливый, – пробормотал Мир Гадир ага. – Жаль.

– Не беспокойся, – с готовностью ответил Назыюглу Гулу, – и тебя к нему отправим!

– В чем его вина?

– Контрреволюционером оказался, врагам революции пощады нет!

Ага, глядя в сторону милиционеров, спросил:

– Ты от души служишь этой жестокой власти?

– От души!

– Врешь. Твой конец таким же будет, как у того чекиста, – сказал ага и рассмеялся.

Назыюглу весь почернел. Ага оказался прав, он сам уже чувствовал, что над ним сгущаются тучи. Его постепенно отстраняли от дел. Да и теперешняя его должность не соответствовала званию, отмеченному ромбиками на вороте.

– Ну, тебе конец, ага, – сказал он и, обратившись к милиционерам. – Уведите!

Мир Гадир агу повели к машине, стоящей у ворот.

– Посадите в мою машину, – крикнул Назыюглу милиционерам. – Думаю, ага, поговорим с тобою по дороге.

– Эта дорога на тот свет? – спросил ага.

– Да, ага. Это ты точно сказал. – Назыюглу смеялся.

– У меня будет к тебе просьба.

– Говори, не тяни, – торопил Назыюглу.

– Сына моего малолетнего и жену на сносях не трогай, – попросил ага, показав на заплаканную Симсар ханум на веранде.

Назыюглу даже не взглянул на женщину.

– Когда в таком возрасте семя бросаешь, задуматься бы не помешало, ага. Пошли, – сказал он сержанту, ожидавшему от него команды произвести обыск.

– Начальник, по предписанию надо забирать и семью, – сказал сержант.

Глядя на армянина, требующего исполнения буквы закона, у Назыюглу сошлись брови. Он хоро-

шо знал, что сержант докладывает руководству о каждом его шаге. Несмотря на это, прикрикнул:

– Ты что, будешь учить меня?

– Простите, – растерянно сказал сержант.

– В таком случае, забудь, что ты армянин! Помни, что ты в мусульманском краю, – сказал он. – Запомни, настоящая семья арестованного находится в селе. Здешняя женщина – любовница аги. В предписании ничего не сказано о любовницах. И потом, мы имеем дело с мужчинами, а не с женщинами!

Назыоглу Гулу был в своей стихии, работал без устали. Хорошо зная бакинские села, он не забыл ни про одного богатея, принимал участие во всех операционных делах городской милиции. Каждый день направлял в тюрьмы все новых и новых людей.

Черная кровь текла по жилам Мир Гадир аги, впервые оказавшемуся в тюрьме. Камера была переполнена, с трудом нашел место, где присесть. Прошло несколько дней. Спокойно вдруг стало в тюрьме. Спокойствие нарушалось лишь три раза, во время еды и еще, когда заключенных вели на прогулку. Да и надзиратели были какими-то потерянными. Нарушился привычный ритм. Что-то произошло.

Потом все стало привычно. Мир Гадир ага не сразу узнал доставленного с допроса заключенного.

Видимо, допрашивали его с особым пристрастием. Смотреть было страшно, не лицо, а кровавое месиво. Он не узнал, скорее догадался, что это Назыюглу Гулу. Хотя и сам он стоял на дороге смерти, в душе почувствовал радость.

– Ты прав оказался, Мир Гадир ага, мир этот переменчив, – сказал тот, – видишь, что со мною сделали.

– Молчать! – закричал надзиратель, приставив винтовку к спине Назыюглу Гулу.

Назыюглу Гулу с трудом повернулся:

– Ты пристрелишь меня, своего бывшего начальника? – спросил он. – До вчерашнего дня ты считал честью смиренно стоять передо мной. Как быстро ты изменился.

– Заткнись, тварь контрреволюционная! – надзиратель ударил прикладом винтовки Назыюглу по спине.

Назыюглу, взыв от боли, стоял, покачиваясь. Мир Гадир ага, подняв голову вверх, благодарил небеса.

– Ахунд, за что благодаришь, говори открыто, не вилай! – крикнул ему надзиратель.

– Этот человек – мой враг, – сказал Мир Гадир ага. – Видя его жалкий вид, благодарю Аллаха.

– А ты думаешь, у тебя все хорошо? – спросил надзиратель.

– Пока жив, надежда есть! Кто знает, что завтра случится.

Но надежды не оправдались. Он оказался не столь стойким, сила воли не совладала с перегибами властей. Всю семью аги, сыновей, близких родственников привезли на железнодорожную станцию, погрузили в грузовые вагоны и отправили в степи Казахстана. Он их больше не видел. Не пожалели и его слабоумного сына. На допросе, когда следователь сообщил Мир Гадир аге об этом, сердце его усиленно застучало, зашлось, дыхание прервалось и уже не восстановилось.

Симсар

Симсар ханум не тронули. Природный ум подсказал ей правильный путь. На все можно было пойти ради маленького сына и ребенка, что был в утробе. Ее вызвали в сельсовет. Там она узнала о смерти Мир Гадир аги. Председатель сельского совета, мужеподобная женщина, хоть и разукрашена была, глаза подвела, все равно красивее не стала. Долго допрашивала ее. Но Симсар ханум ни разу не сбилась, не ошиблась.

- Ты жена Мир Гадир аги?
- Нет, ханум, – решительно ответила она.
- Я не ханум, а товарищ, понятно?
- Поняла, товарищ!

– Тогда, что ты делаешь в доме Мир Гадир аги?
Почему там живешь?

– Отец мой, когда я еще была ребенком, меня и мою племянницу отдал Мир Гадир аге служанкой.

– Служанкой, значит, прислугой?

– Да, товарищ!

– Почему?

Симсар глубоко вздохнула.

– Отец мой был из мюридов ахунда Мир Гадир аги.

Председатель сельсовета, подумав немного, пришла к выводу:

– Тогда, можно сказать, что ты наш человек, трудящийся. Напишешь заявление, примем в колхоз. Хочешь?

– Да, товарищ.

Председатель внимательно посмотрела на нее:

– Почему в чадру укуталась? Я тоже женщина...

Оставь эти старые порядки.

Симсар выполнила требование. Женщина удивленно посмотрела на ее большой живот:

– Ты беременна? Где твой муж?

– Я не замужем.

– От кого ребенок?

– От аги...

Председатель была взбешена.

– Так говоришь, что ты не жена?

Симсар ханум и на этот вопрос поставила жирную точку.

– Товарищ, когда это изнасилованная женщина считалась женой?

Председатель не смогла ничем возразить.

Поставила синими чернилами птичку в списке. Это значило, что не следует особенно доверять Симсар ханум. Дачный домик Мир Гадир аги у нее не отняли. Даже дали тридцать соток земли, примыкающей к даче. Однако оставшиеся от Мир Гадир аги виноградники, сады, посевные площади, дом в селе передали колхозу.

Состояние Симсар ханум ухудшалось с каждым днем. Вторые роды оказались тяжелыми. Страх, стесненные обстоятельства, смерть аги сказались на сердце. Племянница подросла, но ее сил хватало только на маленького Меликаждара. Симсар ханум, обремененная заботами, болью сердца, совсем потеряла голову. Недоношенный ребенок не выжил, умер. Она несколько дней не могла подняться с постели. Была между жизнью и смертью.

Симсар успела многому научиться у Мир Гадир аги. Могла сажать, сеять, собирать урожай, ухаживать за деревьями. Сушила инжир, виноград. Ага все время был в работе. Говорил, чьи руки в работе,

голодным не будет. Симсар ханум также была в работе. Должна была обеспечивать себя, племянницу, малыша. Работала и в колхозе. Первое время на нее смотрели, как на служанку аги, и отношение было соответствующим. Иногда относились к ней, как к прислужнице врага народа. Но дух Мир Гадир аги был надежной охраной ее дома, никто к нему не приближался. Симсар ханум содержала семью, как могла.

Началась война, стало еще тяжелее. Но была для нее от войны и выгода, многое забылось.

Колхоз направил все силы на выращивание пшеницы. По существу, апшеронская земля не была предрасположена к выращиванию этой культуры. Пшеница, ячмень росли плохо. Колосья были невысокими, как вырастали в полметра, собирали в мешки. Работали женщины, старики да инвалиды. Крохотная часть мучительно собранного урожая отдавалась колхозникам, все остальное шло в армию. Дни тянулись медленно. Жизнь шла уныло, безрадостно. Просыпались с мокрыми от слез глазами, трудились с мокрыми глазами, с мокрыми глазами и засыпали. Не могли от нужды вдохнуть полной грудью. Война и не думала заканчиваться, тянулась, как кишка.

Но вот, наконец, война закончилась, но не у каждого хватало сил для ликования.

Симсар ханум, чья жизнь текла, словно в потемках заключения, надежды свои связывала с сыном. Боялась, что после войны начнутся прежние пересуды. В колхозе создали отдельную бригаду из семей врагов народа, чтобы легче было контролировать. Руководство сменило несколько бригадиров, ничья работа их не устраивала. Наконец, остановились на хромом Бади. Ему и поручили бригаду.

Этот оказался настоящей находкой. Бади, вернувшийся с войны контуженным и инвалидом, был жесток. Ни женщинам, ни старикам, ни подросткам спуска не давал. Стоило только оставить лопату или топор, подбегал Бади, принимался махать плетью. На своей хромой ноге всюду поспевал. Никого из поля зрения не упускал. Все кружил целый день между двумя звеньями.

У Бади между участками на возвышенности имелась комнатка. Домой он не уходил, целыми днями здесь околачивался. Берег как зеницу ока от живущего впроголодь народа каждую кисточку винограда, каждую ягодку инжира.

За такое усердие на собраниях председатель колхоза поднимал Бади до небес, сквозь пальцы смотрел

на некоторые его шалости. Часто повторял: «Воин-победитель во всем прав!»

Меликаждару было тринадцать лет, роста он был небольшого, но крепок духом. После занятий приходил в бригаду. Матери помогал. Выполнял просьбы старших. Сакиль Гочу был извозчиком звена. Бригадиром звена была пожилая женщина, которую все звали не иначе, как Биби, то есть «Тетя». Иногда и ее внуки приходили на участок. Приносили ей еду. Несколько часов проводили на участке. Но они не работали, играли. Меликаждар отличался от своих сверстников трудолюбием и тем, что был молчуном.

Сакиль Гочу, которого все считали умершим, появился в селе несколько месяцев назад. Послушав пару минут рассказы старика, Симсар ханум ему поверила, отдала годами пустующий сарай.

Симсар ханум ходила всегда в повязанном на голове узлом платке. Издали из-за того, что прятала под платок свою привлекательность, казалась взрослой женщиной. Бади не обращал внимания на молчаливую сиюминутно исполняющую все приказания женщину, совестлив был к ней. Бывало, целыми днями ее и работающую с ней племянницу тяжелой работой не нагружал.

Однажды Меликаждар поздно вышел с уроков. Мать свою на участке среди женщин не нашел. В тот день двоюродная сестра его болела, осталась дома, на работу не вышла.

Звено, разделившись по двое–трое, отдыхало, кто где. Биби с Тамашой обедали в тени у арбы. Симсар ханум не было видно. Увидев Меликаждара, женщины стали перешёптываться. Позвали его, но Меликаждар будто и не слышал, стоял, как скала, спрятался за деревянными ящиками. Не отвечал, но слышал все, что говорили женщина.

Через некоторое время Симсар ханум, плотно укутавшаяся в чадру, присоединилась к женщинам. Села в стороне от накрытого стола. Взяла наполненную айраном чашку Тамаша, выпила одним разом.

– Что случилось? – спросила Биби.

Симсар ханум грустно ответила:

– Не отстаёт, хромой черт!

– Что говорит?

Симсар ханум, скривив губы:

– Говорит, взять в жены тебя хочу.

– А ты что?

– Что я, – зло отвечала Симсар ханум, – сказала, что больна, сердце у меня болит, у меня нет мыслей замуж идти, что на мне сын Мир Гадир аги. Он говорит, да что твой Мир Гадир ага, сейчас в этом селе я Мир Гадир ага. Говорю, отстань. Не отстану, говорит,

не согласишься, посажу тебя, да еще с таким грузом, что и в Сибири от него не избавишься.

– Правда, это он может! – сказала Биби. – Скольких вон сделал несчастными!

Биби собиралась еще что-то сказать, Тамаша перебила:

– Перестань, что ты за женщина, опять за свое. – Спросила испуганно, – Бади сделал, что хотел? Ну, сестра, признавайся...

– Да ну его к черту! – зло сказала Симсар ханум.

– Надо сказать Сакилю, – по-деловому заявила Биби. – Пусть он с ним поговорит.

– Нет, – ответила Симсар ханум. – Бади его слушать не станет, боюсь и Сакилю киши несдобровать.

– Да, это так, – согласилась Биби, – от этого бабника, сукиного сына, всего можно ждать. Но Сакилю сказать надо.

Меликаждар перестал ходить в школу. Вставал утром вместе с матерью и дочерью тети шел на работу, от них не отходил. Целыми днями был в поле. Симсар ханум пыталась его уговорить:

– Сынок, школу не бросай, учись. Выучишься, в люди сумеешь выйти, меня и двоюродную сестру на свет Божий выведешь...

Скала могла заговорить, но не ее сын.

Бади, видя Меликаждара, в их сторону даже не смотрел. Было что-то такое в этом ребенке, что при нем все вели себя сдержанно. Даже сверстники чувствовали себя рядом с ним беспокойно.

Комнатку хромого Бади женщины называли «конторой». Хранил он там свои тетради да книги. Внутри стоял маленький столик. Сбоку от него находилась высокая одноместная тахта. Это называлось мебелью. Два сшитых одеяла в сложенном виде заменяли подушку. В углу стояла электрическая плитка. На ней всегда стоял чайник. Когда плита была включена, комната прогревалась, как баня. С наступлением холодов Бади оживал, женщинами звеньев, как женами пользовался. Кого уговорами, иных под страхом приводил в «контору». Если встречал сопротивление, особо не печалился, хватался за перо. Доносы у него были четкими. Ведь всегда находились нарушающие закон женщины, пытавшиеся унести под грудью горсточку изюма, или сушеного инжира в носках. Возможно, кого-то можно было и простить, но не членов семей врагов народа. Составлялся акт, который сразу же передавался милиции. Бади был опасным человеком. За хромоту свою мстил каждому.

Вокруг конторы были посеы ячменя. Колосья поднялись до колен. Спрятаться в осеннем ячмене было сложно. Меликаждар подался на участок

с кукурузой. Бади верхом на осле проехал мимо него. Меликаждар, пропустив Бади немного вперед, пошел за ним. Бади часто, размахисто описав в пространстве дугу, подносил ко рту флягу, делал несколько глотков. Меликаждар знал, что во фляге водка. Напившись, Бади вытер руки о попо-ну на осле. Так дошли они до участка соседнего зве-на. Меликаждар вернулся назад. Путь его проходил через контору. Увидел, что дверь открыта. Видимо, Бади забыл повесить замок. Мальчику стало инте-ресно, вошел. Перелистал тетрадь трудодней. Под тахтой ничего не было, кроме высушенной лисьей шкуры. В тумбочке увидел две железные миски, нож, кусочек хлеба, завернутого в тряпку. Рядом с ополовиненной бутылкой водки на полу лежало не-сколько головок лука. Крутом было чисто, но кисло-ватый запах затруднял дыхание.

Напротив тахты стоял двустворчатый шкаф. В одном его отсеке были собраны матрас, одеяло, по-душка, чистое нательное белье, завернутое в платок. В другой половине шкафа висела верхняя одежда Бади.

Меликаждару было хорошо от тепла в комна-те. Бади забыл выключить электрическую плиту. Шомпол на плите накалился докрасна. Меликаждар взял его за деревянную ручку, рассмотрев, положил на прежнее место. Прошел, прилег на тахту. Его

сразу же одолела дремота. Прошло довольно много времени. Меликаждар проснулся от шороха. В маленькое окошко увидел Бади. Поодаль за ним шла женщина. Выйти у Меликаждара уже не было возможности, огляделся, быстро залез под тахту, пододвинул под себя шкуру. Но тут же сдал задыхаться, вылез и спрятался в шкафу.

Через несколько мгновений пьяный Бади, ворча, вошел в комнату.

– Снова забыл закрыть дверь. Не знаю, что случилось в последнее время с моей памятью.

– Хочешь, чтобы память восстановилась, не пей водку, – сказал женский голос.

– А что пить? – спросил Бади.

– Пей бекмез, сладкий чай пей, – женщина захотала.

Снова раздался ворчливый голос Бади.

– И плиту не выключил. Жара страшная.

– Мне заходить или нет? – спросила женщина.

Бади грубо:

-Заходи, стерва, в дверях не стой.

Женщина вдруг, словно обожглась:

– Уффф, ай аллах, больно-то как. Прохожу, прохожу, но дай слово, что не будешь мучить...

– Даю, – прохрипел Бади, прошел, сел на тахту. – Иди и ты сюда садись.

– Когда ты пьян, я боюсь тебя.

– Не бойся, я не так много выпил, выпью еще сто граммов.

– Аллаха ради, не пей, Бади.

– Подвинься-ка, – Бади открыл тумбочку, достал бутылку с водкой, стал пить крупными глотками. Вытер тыльной стороной ладони губы. Откинулся на тахту, под его тяжестью тахта закрипела.

– Иди ко мне!

В щелочку из шкафа Меликаждар все видел. Сначала решил, что это Тамаша, но потом, когда женщина повернулась лицом в сторону шкафа, понял, что это Дюрда из садоводческого звена.

Все, что он видел и слышал после, не вмещалось в его сознание. Даже закрыв глаза и уши, слышал скрип и грохотание тахты, которые не мог забыть долгие годы.

Через какое-то время Дюрда ушла. Меликаждар ждал, когда усталый Бади уснет. Бригадир долго ворочался на тахте, потом, захрапев, уснул. Меликаждар еще немного подождал, только собирався выйти из шкафа, как услышал шум, и снова закрыл дверцу. В замочную скважину шкафа видел лишь спину вошедшего в комнату человека. В руках у того блеснул кинжал. Вошедший какое-то время стоял неподвижно, словно раздумывал, потом спрятал свое оружие, взял с плиты раскаленный шомпол. Держа его за рукоятку, что есть силы, вонзил в

заросшее волосами ухо Бади. От ужасающей боли Бади, извиваясь, как змея, упал с тахты.

– Ааааа!

– Подыхай, развратник, – сказал с ненавистью убийца.

Потом вытащил кинжал, перерезал горло Бади. Кровь фонтаном полилась под тахту.

Став свидетелем убийства, Меликаждар словно потерял рассудок. Он смотрел на знакомый силуэт убийцы, постепенно приходя в себя. Какое-то время находился в беспамятстве. Придя в себя, уже не опасаясь, распахнул дверцу шкафа, боясь посмотреть на умирающего в агонии Бади, на заплетающихся ногах вышел из конторы.

Сыновья Меликаждара

Своего недовольства двумя старшими сыновьями Меликаждар не скрывал. Оба они были от первой жены. Их мать рано скончалась. Возможно, именно поэтому он был с ними мягок. Старшего звали Хатам, другого Адам. Несмотря на требования ага, учиться они не стали. Чтобы были при деле и не слонялись бесцельно, он устроил сыновей в магазин зерна в селе. По документам один из них был директором, другой продавцом. В магазине каждый день

продавались тонны товаров. Три-четыре грузчика еле справлялись. Власти о существовании зернового магазина и не подозревали, вся прибыль шла в карман Меликаждаровых сыновей.

Но сыновьям Меликаждара прибыли от продажи продуктов было мало. Даже отложенные на закупку зерна деньги транжирили.

Оставалось их только женить. Но и женитьба не помогла.

И теперь, когда Хатам примкнул к митингующим, ага тратам сына не удивился. Даже оставил без внимания, что он, собрав в селе молодежь, повел их митинговать на площадь. Ага понимал, что он оставит и это занятие, так как ни одно дело не доводил до конца. Но не случилось. Хатам с митингов не ушел. Днями не появлялся дома, а если приходил, то поздно. Говорили, что и ночевал в палатках. Станным выглядело участие в митингах этого праздного, бесшабашного человека. В селе все только о нем и говорили. За короткое время беззаботный разгильдяй стал рупором свободы.

Показав на место, где должен был присесть Хатам, ага начал без предисловий:

– Ты что творишь, сынок? – спросил он, стараясь быть спокойным.

– Ага, родину хочу спасти! – ответил Хатам.

– А что случилось с родиной? – казалось, ага не понимал.

– Ага, родина пропадает! Армяне отнимают у нас земли. Русские потворствуют этому.

Ага поморщился:

– Когда родина в опасности, не на митинги ходят, в руки оружие берут.

– Это тоже будет.

– Сынок, мы потомки пророка, наше дело молитвы.

– Ага, ты ведь сам тайно посылаешь митингующим продукты, дрова.

– А ты это откуда знаешь?

– Ага, и у земли есть уши. Слышал я, что и деньгами снабжаешь. Скажешь, вру, да?

– Нет, это правда, – согласился Меликаждар. – Ты знаешь, как свергнуть власть?

– У нас есть тот, кто указывает путь!

Сидящие рядом с агой племянники молча слушали. Но здесь Сейфал не выдержал, назидательно заметил:

– Это не тот ли чернорабочий с завода имени лейтенанта Шмидта, кто ведет вас, указывает путь?

Мизи захихикал.

– Есть и другие, позначимее его, – выпалил Хатам.

– Мы и их знаем, – усмехнулся Сейфал.

– Сынок, для того, чтобы вести за собой людей, надо быть образованным. А ты среднюю школу с грехом пополам закончил, – сказал Меликаждар.

– Не образование, а любовь к родине нужна, чтобы ее освободить.

– Не все, сынок, рождены для полета, родине можно служить и по- другому.

– Ага, я не сойду с этого пути.

Меликаждар не смог сдержаться:

– Ну иди, даст Аллах, добьёшься желаемого, – сказал он, отвернувшись.

После ухода Хатама в павильоне наступила тишина. Гнев Мекликаждара насторожил Сейфала и Мизи. Они еще никогда не видели агу столь несдержанным.

Только приход Рахиба внес оживление. Довольный собою, он делал отчет. Заканчивал пафосно.

– Одним словом, ага, это самое удачное наше дело. Генерал организовал действенный механизм.

Печаль Меликаждара прошла, он заулыбался, настроение улучшилось.

– Ага, в список можно включать новых людей? – спросил Рахиб.

Меликаждар согласно закивал головой.

– Мне кажется, что да, – потом обратился к Сейфалу и Мизи. – А вы как думаете?

– Только цветы тех, кто с нами дружен. – Сейфал был категоричен.

Мизи был более мягок и рассудителен.

– Это бизнес, нет смысла в отборе. Выгодно брать цветы всех цветоводов.

– Я согласен с дядей Мизи, – сказал Рахиб.

Меликаждар же поддержал Сейфала:

– Нет смысла помогать каждой выскочке. На это не стоит идти даже ради выгоды, – сказал он. – Ты передай имена тех, кто обратился к тебе, Сейфалу. Он решит.

Рахиб достал список.

– Есть! – сказал он. – Ага, я все хочу спросить, вы откуда знаете генерала Иванова?

Ага улыбнулся.

– Это долгий разговор. Когда я с ним познакомился, он был не генералом, а простым лейтенантом.

Призывник

После достижения призывного возраста Меликаждар вызвали в районный военный комиссариат. Сакиль Гочу собирался идти туда с ним. После смерти матери он опекал Меликаждара, ни на шаг

не отходил от него. Но Меликаждар решительно за-протестовал.

– Один пойду! – сказал он.

– Лучше, если я буду рядом, – уверял его старик.

– И служить будем вместе?

Сакиль рассмеялся.

– Кто тебя в армию возьмет, с твоим росточком в аршин! – Сакиль Гочу положил на плечо ему руку.

– Я пойду служить, вот увидишь! – уверенно заявил Меликаждар.

Сакиль Гочу поправил ему воротник, он знал, людей маленького роста на военную службу не берут.

Из военкомата Меликаждара послали в милицию. Нужно было получить паспорт. Он писал заявление.

– Слушай сюда, имя отца пиши просто Гадир, – строго сказала женщина– делопроизводитель. – Так и до беды доведешь, ни за что, ни про что, – прошептала себе под нос.

– Ханум, имя моего отца Мир Гадир ага. В паспорте должно быть написано так же. Если будет по-другому, паспорт я не возьму. Фамилия отца Ахундзаде, а не Ахундов.

– Подумай хорошенько, не упрямясь, иначе тебя арестуют, пошлют вслед за отцом.

– Отца моего арестовали не за имя, а за убеждения. Он был человеком прошлого, нововведения не

принял. Я же воспитанник советской власти. У меня советские убеждения. Не сомневайтесь в этом...

Четкие доводы Меликаждара поставили женщину в тупик.

– Ладно, начальник придет, скажу ему... – женщина отложила в сторону его документы. – Завтра приходи.

В открытой двери за спиной женщины– делопроизводителя показалась чья-то голова. Это был начальник. Он слышал разговор, потому внимательно смотрел на Меликаждара. Подал знак женщине. Желание упрямого парня исполнилось. Имя, отчество, фамилию в паспорте записали так, как он хотел.

Через некоторое время его призвали в военкомат. Меликаждар с готовностью пошел. Из военного комиссариата его вернули назад. Призывное свидетельство не давали тем, у кого рост меньше одного метра тридцати шести сантиметров.

– Отправьте меня в армию!

Врач, повидавший на своем веку много призывников, удивился:

– Твои сверстники, чтобы не пойти в армию, чего только не придумывают, а ты просишь отправить тебя в армию. Ты что, больной, сумасшедший? Может, тебя в дурдом отправить?

– Я в своем уме. Хочу родине служить, – сказал Меликаждар.

Врач развел руками.

– Когда подрастешь, тогда и отдашь свой долг.

– В армии я подрасту. Запишите меня...

Врач попытался его уговорить:

– Не могу позволить, сынок, с меня живьем кожу сдерут. Подрастешь, приходи.

– Доктор, что мне сделать, чтобы вырасти?

– Спортом занимайся, подтягивайся на турнике...

– В селе нет турников...

– Нет турников, тутовые деревья есть, – сказал врач. – Иди, не морочь мне голову.

Меликаждар полгода подтягивался на ветвях деревьев, часами висел на них. Разве что не спал на деревьях. Поначалу двоюродная сестра, дочь его тети, объясняя занятие Меликаждара странностью его, молчала. Когда узнала причину, разругалась.

– Что у тебя с головой, брат, кони там скачут? Не растешь, и ладно! Чего ты мучаешь себя? Так важно идти в армию?

Висящий на тутовнике Меликаждар не отвечал. Двоюродная сестра подошла ближе.

– Зачем служить власти, которая сгубила отца твоего Мир Гадир агу?

Меликаждар неожиданно для нее прошептал:

– Зря все это ты говоришь, что было, то прошло. Государство есть государство, а отец есть отец. Надо прийти к среднему...

Дочь тети, почувствовав в голосе Меликаждара какие-то издевательские нотки, пожаловалась Сакиль Гочу. Аксакал попытался убедить Меликаждара:

– Ага, то, что ты не велик ростом – это воля Аллаха. Почему ты идешь против его воли?

– Я пойду служить в армию.

– А если с тобой там что-нибудь случится, святой очаг останется пустым?

– Очаг и будет меня хранить, – ответил Меликаждар.

В этих словах было нечто, заставившее Сакиль Гочу оставить Меликаждара в покое.

К следующему призыву рост Меликаждара увеличился на десять сантиметров. Это было на несколько сантиметров больше требуемого. Осматривал его уже знакомый врач. Удивительно, что среди стольких молодых людей он сумел запомнить Меликаждара, похвалил его. С каким-то особым удовлетворением поставил штамп «годен» в его личном деле.

– Похвально, – сказал он и громко, во всеуслышание, чтобы слышали все в большой комнате, доба-

вил. – Я знал твоего отца Мир Гадир агу. Ты достойный сын своего отца. Да поможет тебе Аллах, береги себя, ага.

Служба в армии

Войсковая часть Меликаждара находилась где-то между Украиной и Молдавией. Сюда их направили после полуторамесячной подготовки. Прикипевших друг к другу молодых воинов разделили по взводам. Жили в палатках. Ударным темпом шло строительство казарм. К зиме должны были закончить.

«Старики», дембеля, с самого первого дня взяли «салаг», молодых солдат, в оборот. Во взводе Меликаждара верховодил некий верзила по прозвищу «Хохол». Стоило этому верзиле с крохотной, почти что детской головой, ударить кого-нибудь кулаком, бедняга неделю приходил в себя. Одним словом, Хохол был чумой их взвода. Его избегали не только солдаты, но и сержанты, порой даже офицеры.

Меликаждар был солдатом терпеливым. Приказы выполнял вовремя и без лишних слов. Не чурался тяжелых работ, не ныл. С закрытыми глазами мог разобрать и собрать автомат Калашникова. И самое главное, вперед не лез.

Меликаждар Иванов за его терпеливость, исполнительность всем ставил в пример.

Однажды произошел случай. Меликаждар в тот день был в наряде. Взвод находился на занятиях. Он убрался в палатке. Вошел Хохол, он обычно отлынивал от занятий, бросил ему под ноги свои грязные ботинки.

– Черножопый! Возьми, почисть, – сказал он, – чтоб блестели, как зеркало!

Меликаждар искося взглянул на Хохла, стоящего сбоку от него. Этот человек был в два раза выше него ростом. Не раздумывая, схватил тяжелый солдатский ботинок, с размаху бросил в верзилу. Попал прямо в нос. Произошло все так быстро, «старик» и опомниться не успел. Из носа пошла кровь. Хохол присел на пол.

– Ты ко мне не лезь, – сказал Меликаждар, глядя ему в глаза, – убью. – Он сложил пальцы пистолетом, – вот так, бах!

Не кровь из носа, не боль остановили «старика». Его испугал взгляд этого маленького солдата. Поднял свои ботинки, выходя из палатки, сказал:

– Увидишь, я закопаю тебя заживо.

Меликаждар представил, какие черные дни его ожидают, но то, что все прошло без свидетелей, несколько облегчало дело. Хохол не был злопамятным, усугублять не стал. Вскоре его демобилизовали.

Взвод был построен для проводов Хохла. Прощаясь со всеми, он остановился перед малышом. Вдруг, схватив его за ремень, легко поднял, держа перед собой.

– Это единственный мужик среди вас! – сказал он и поставил солдата на место.

Храбрость Меликаждара уже не была тайной, во взводе он занял достойное место.

Вокруг войсковой части было несколько полуразрушенных сел. Результат немецкой агрессии. В селах, в основном, жили женщины да дети, привести село в порядок у них не хватало сил.

Женщины, нуждающиеся в грубой мужской ласке, собирались у войсковой части. Развалины хижин, будки, виноградники стали гнездами любви. Обилие женщин опьяняло солдат. Уже не рассказы о любви имели место в действительности. У каждого была своя легенда. Женщины уверяли солдат, что немцы умели убивать, разрушать, сжигать, но удовольствия в любви не получали. Их не интересовали сырые, нищие, обездоленные красавицы.

Одним словом, войсковая часть, где было столько молодых, влекла и пожилых женщин. Конечно, добивались желаемого.

Несмотря на то, что война уже давно закончилась, в окружающих лесах было еще много сторонников Степана Бандеры. Они совершали разбойные нападения на отделения милиции, на сельские советы.

Командование части при чрезвычайных происшествиях издавало приказ на патрулирование местности, «прочесывание» территории. Меликаждара включили как-то в одну из таких групп. Он старался быть очень бдительным и осторожным. Без надобности не рисковал. Очень не хотелось получить бандитскую пулю. Уже стали забываться погибшие в ратном бою, а погибнешь от бандитской пули, вообще никто и не вспомнит.

В глубине леса наткнулись на небольшой хуторок. Обгоревшие дома были покрыты мхом. Только в одном вился дымок из дымохода. Это был подвал сгоревшего дома. Позвали, никто не откликнулся. По указанию командира отряда один из бойцов заткнул тряпкой дымоход. Через три-четыре минуты послышался изнутри кашель. Открылась дверь подвала, вышли два подростка. Одеты в лохмотья, жалко смотреть. Каждый что-то доставал из вещмешка, отдавал им. Лед был растоплен, мальчики потеплели к солдатам.

Задерживаться не стали, пошли дальше. Меликаждар, шедший последним, услышал, что дети говорят между собой не на русском, а на каком-то другом языке, остановился на месте, как вкопанный. Уловив несколько тюркских слов, вернулся, подумалось, что они азербайджанцы. Оказалось, что дети были гагаузами. Также узнал, что гагаузы, будучи тюркоязычными, являются христианами. Фамилия детей была Балтачи. Это поразило Меликаждара. Языковая схожесть привела его в восторг. Прощаясь, Меликаждар пообещал, что не забудет их.

Как только появлялась возможность, шел к хутору в лесу. Гагаузские мальчики были рады его приходу.

Однажды его вызвал к себе командир взвода старший лейтенант Иванов.

– С завтрашнего дня направляю тебя помогать жене командира части, – сказал он. – Будешь исполнять все, что она скажет.

Меликаждар рассказал о мальчиках, попросил дать ему возможность помогать им.

– Попросишь у жены командира, – сказал Иванов, – я думаю, она тебе разрешит.

Надо было заново выстроить сгоревший дом. Сил на это у Меликаждара не хватало. Привел в по-

рядок подвал. С помощью друзей крышу починил. Портной войсковой части жене командира отказать не мог, сшил ребятам из старой солдатской формы одежду. Ребята стали приходить в часть. Их опавшие щеки округлились, посвежели, зарумянились. Меликаждар от остатков со стола командира не отказывался. К осени построил им и баню. Починил насос колодца. Снял котел, привез его в часть, залатав дыру, вернул назад. Сложил из камней печь. Баню сам первым опробовал, получил удовольствие. Позвал и ребят. Младший прибежал с радостью, старший наотрез отказался мыться.

– Вы мойтесь спокойно, за огнем в печи я присмотрю, – сказал он, не глядя на голого солдата.

– Хорошо, – согласился Меликаждар. – В кармане моего бушлата мыло, принеси, хочу свое нижнее белье постирать, совсем грязное, но боюсь, что не успеет высохнуть.

– Думаю, к твоему уходу высохнет, – сказал Тедди, подбросив в печь дров, – а не высохнет, наденешь смену белья Саввы, роста вы одного.

Издали братья выглядели, как сверстники. Младший двенадцати лет, был весел, общителен, легко сходился с людьми. Звали его Саввой. Старший Тедди, лет четырнадцати-пятнадцати, был нелюдим. Савва его очень боялся. Стоило Тедди повысить голос, он чуть ли не в мышиную нору готов был залезть. О

своих родителей говорить не хотели, чувствовалось, скрывали что-то. Меликаждару уже после того, как они привыкли к нему, удалось выяснить, что отец их примкнул к бандеровцам, после окончания войны хотел сдать властям, но бандеровцы не позволили. Убили, дом сожгли. Их не трогали какое-то время. Семья жила в подвале. Было совсем неплохо. Куры, корова, кабанчик. Но в прошлом году мать, уйдя в лес, назад не вернулась. Мальчики остались одни.

Жена командира была совсем молоденькой, делам Меликаждара не препятствовала. Солдат в чистоте и порядке содержал деревянный дом, участок вокруг дома. Вовремя подавал еду, белье и одежду приносил из прачечной, чистыми, выглаженными. Она сквозь пальцы смотрела на то, что солдат на пару часов пропадал из виду.

Меликаждар как-то снова пошел в лес.

Савва, издали заметив его, помахал рукой, показал на переполненное вымя коровы.

– Тедди где? – спросил Меликаждар.

– К пруду пошел. Исккупаться решил.

Вокруг пруда, полнившегося дождевой водой, были заросли камыша и колючек. Всюду царили тишина и спокойствие. На высоком берегу пруда росла яблоня. Увидев под яблоней одежду, он понял, что

Тедди в воде. Меликаждар забрался на дерево. Пруд был как на ладони, но никого в пруду не было. И только когда он уже собирался спуститься с дерева, услышал всплеск. Внимательно посмотрел в ту сторону. Из воды вышла голая девушка. Она была похожа на русалку. Не хватало только длинных волос. Меликаждар чуть с дерева не свалился. Открыты были все прелести девушки. Он не сразу поверил, что это Тедди. Не мог себе представить, что вечно чумазный, одетый в грубую мужскую форму парень – прекрасная девушка. Тедди, стоя во весь рост, обтиралась полотенцем. Замерев на дереве, Меликаждар боялся вдохнуть. Вдруг раздался смешок.

– Ну, глупый солдат, чего ты застыл? Спускайся!

– Тедди, ты ведь был мальчишкой?

– Я всегда была девушкой, глаза у тебя были закрыты.

Жена командира Елена была к Меликаждару добра. Причины Меликаждар не знал. Елена сидела на качелях во дворе деревянного дома. Меликаждар, отложив лопату, подошел к ней.

– Можно к вам обратиться? – спросил он у Елены.

Елена вздрогнула, она не ожидала, что этот молчаливый солдат с ней заговорит.

– Ты меня напугал, – рассмеялась она. – Ну, говори, что ты хочешь?

– Вы для меня сделали столько хорошего, даже не знаю, как я смогу отблагодарить вас.

Елена остановила качели.

– У меня в Баку есть родственники, – сказала она.

– Да, вы мне говорили об этом.

– Несколько лет назад мама возила меня к тетке в Баку. Летние каникулы прошли в вашем городе. Незабываемые дни там провела, на пляже бывала.

– Я знаю.

– У тебя есть брат? – неожиданно спросила она.

– Нет.

– Ты похож на одного парня. С этим парнем я познакомилась в Баку. Жил по соседству с моей тетей со старой женщиной армянкой Ануш. Он был ее внуком. Высокий, статный, атлетического телосложения. Каждый раз, когда появлялся во дворе, все вверх дном переворачивал. Страха совсем не знал.

Меликаждар вздрогнул:

– Звали его Саны, да? – спросил он.

– Так точно, звали его Саны, – восторженно сказала Елена. – Ты его знаешь?

– Приходилось встречаться.

– Приезжал в прошлом году сюда, – сообщила Елена, смеясь.

– Вы переписывались? – спросил испуганно Меликаждар.

– Нет, конечно, у тети моей адрес узнал.

– С какой целью сюда приезжал?

– Не сказал.

– Один приезжал?

– Нет, с двумя друзьями.

– Что они делали?

– Как и ты, пропадали на лесных хуторах.

– Вас навестил?

– Приходил пару раз в военный городок, – сказала Елена горделиво, но, увидев, что я не обращаю внимания, обиделся. По-другому и быть не могло, я замужем. Не могу восстанавливать старые связи. Саны говорил, что его отец был революционером.

– Его отец был не революционером, а подонком. Потому его и расстреляли.

Елена внимательно смотрела на Меликаждара.

– Кем был твой отец?

– Мой отец был религиозным служителем. Его убил отец Саны.

– Вот оно как! – растерянно проговорила Елена. – Чем объяснить вашу схожесть?

– Бог его знает. Корни наши из одного села. – Меликаждар не стал скрывать то, что знал. – Саны, вероятнее всего, сейчас в тюрьме.

– А я-то думаю, почему давно его не слышно.

Меликаждар поспешно выполнял поручения. Елена дивилась, глядя, как он на бегу справлялся с делами.

– Солдат, что с тобой? – спросила она. – Куда спешишь?

– Да так, ничего.

– Ты весь светишься, похож на человека, спешащего на свидание!

Он не ответил, взял лопату, отошел от Елены, ждал, пока она уйдет в дом.

Улучив момент, вышел из войсковой части. Бегом направился в лес. Он не мог раскрыть причину своей спешки. Девушка ждала его. Они вошли в подвал. Тедди обнимала его.

– Брат может прийти! – сказал Меликаждар.

– Не придет! – спокойно ответила Тедди.

– Откуда знаешь?

– Я ему все сказала, сказала, что люблю тебя.

Их горячие взгляды, встретившись, требовали от него переступить через нерешительность, принять как ниспосланное Аллахом, положить свои натруженные ладони на маленькие, с детский кулачок, груди с округлыми сосками. Склонить голову, как сказал бы Сакиль Гочу, перед велением судьбы.

Время шло быстро. Меликаждар посмотрел на часы.

– Пора уходить, дорогая! – сказал он.

Тедди соскочила с тахты.

– Ты завтра придешь?

– Каждый день буду приходить, – уверенно сказал Меликаждар.

Однако прийти не получилось, не суждено было.

В ту же ночь прозвучал сигнал тревоги, объявили боевую готовность. После коротких сборов их привезли на железнодорожный вокзал. Посадили в грузовые вагоны, двери снаружи перегородили.

Меликаждар боялся потерять Тедди. Достал из вещмешка листок бумаги, написал несколько строк любимой: «Дорогая Тедди! Нас отправляют куда-то в неизвестном направлении. Подожди три-четыре месяца, если не будет от меня никаких вестей, поезжай в Баку. Там позаботятся о тебе и о ребенке. Я люблю тебя. Бакинский адрес...» Написав письмо, поднял голову. Увидел на платформе Иванова, сердце в груди запрыгало. После долгих просьб, отдав часть сухого пайка, он уговорил сержанта подозвать Иванова. Назначенный недавно помощником командира по тылу Иванов был уже в звании капитана. Он подошел к сержанту, спросил хриплым голосом:

– Что надо?

Проводить войсковую часть возложено было на Иванова. Приболевший командир из вагона не выходил. Капитан охрип от того, что все время приходилось кричать.

– Этот солдат хочет сказать вам что-то важное, – сержант показал на Меликаждара.

– Разреши, пусть подойдет.

– Говори, только коротко и быстро, – сказал Иванов подбежавшему к нему Меликаждару.

– Командир, вы остаетесь?

– Да, я здесь остаюсь, давай короче, говори, поезд сейчас отправляется.

Меликаждар вкратце изложил свои просьбу, передал сложенный тетрадный листок.

Иванов разругался:

– Разве сейчас время жениться? – но пообещал письмо доставить. – Не волнуйся, схожу на хутор, письмо любимой твоей передам.

Сердце у Меликаждара встало на место. Крепко пожав руку Иванова, успел вскочить в отправлявшийся поезд.

Хотя ничего невозможно было понять и разглядеть в маленькие щелочки с палец в дверях вагонов, но они уже знали, что отправляют их в Венгрию. Поезд остановился на окраине Будапешта. Солдаты

высыпали из вагонов. Поставили полевую кухню. После еды всем раздали боевое оружие. Перед тем, как отправиться на марш, выступил заместитель командира по политической части.

– В Венгерской республике произошел контрреволюционный мятеж. Советское правительство почитало своим долгом откликнуться на призыв братского венгерского народа, пришло к нему на помощь. Вперед, во имя победы мирового коммунизма!

Восставший, жаждущий свободы венгерский народ подвергся нападению обманутых советских солдат. Ничего не знающие толком и не понимающие ситуации советские солдаты лишь исполняли приказы. Приказывали «бить!» били, «убить» приказывали, убивали. Время службы здесь Меликаждар вспоминал, как сон. Через несколько месяцев Будапешт успокоился. Мадыяры, пролив кровь, стали кроткими, как овечки, но все равно опасность еще сохранялась. В спокойном и ласковом общении мадыяр крылась злоба. С радостью зазывая советских солдат в гости, насильно вручая им пивные бокалы, встретив в укромном местечке в одиночестве, готовы были всадить им нож в спину.

В городе был установлен комендантский час. Отправляясь на ночное патрулирование, солдаты группами распределялись по всему городу. После

нескольких ночных происшествий солдаты и днем не выходили в город по одному.

Последнее свое дежурство Меликаждар запомнил навсегда. Стояли в карауле у невероятно красивого здания, с цветочной лепкой по фасаду. На входе в здание Ратуши. Ближе к вечеру сдали дежурство. Обрадовались. Сдав смену, в веселом расположении духа едва отдалились от караула, как раздался грохот. Взрыв произошел в одном из фрагментов лепки. Были погибшие, раненые. Один из увесистых камней упал на голову Меликаждара. Голова его раскололась, как арбуз. Приняв его за погибшего, отвезли в мертвецкую палатку. Записали в список погибших.

Всю ночь до утра провел он с мертвецами, но ему повезло. Наутро пришел в себя, включилось сознание, пополз к выходу, чем очень напугал дежурившего на входе солдата.

Несколько месяцев пролежал в госпитале, вылез, но врачебная комиссия в часть решила его не отправлять, он был признан непригодным для продолжения службы. Забинтованная голова маленького солдата постоянно тряслась. О Тедди он вспоминал, но оттого, что был слаб, сразу же забывал.

Возвращение

В Баку Меликаждара привез военный фельдшер. В город поезд прибыл под вечер. Сдав солдата дежурному военного комиссариата, фельдшер посчитал свою обязанность выполненной, вернулся обратно. Дежурный связался с районным комиссариатом, посадил солдата-инвалида в машину и отправил в село, там Меликаждара несколько представителей военкомата передали семье.

Встретил Сакиль Гочу Меликаждара с болью в сердце, однако рук не опустил, сразу же принялся хлопотать. Обрушил на его несчастную голову всю мощь народной медицины. Через какое-то время стараниями старика Меликаждар стал приходить в себя.

– Может, нам женить тебя, ага? – выразил свое предложение Гочу Сакиль.

– Мне только женитьбы и не хватало, – улыбнулся Меликаждар. – А ты, старик, все шутишь.

– При чем тут шутка, шутка – это пустое, всего лишь слова, – Сакиль пытался его уговорить. – Ты непременно должен жениться.

– Прекрати, мне бы выжить.

– Ты давай соглашайся, уважь аксаккала, – настаивал на своем Сакиль Гочу.

– А может, нам тебя женить, – расхохотался Меликаждар, пытаясь отшутиться, – ты покрепче меня будешь...Пожалуй, с двумя женами сладишь.

– Я отдам тебя в такие руки, что присматривать за тобой будут лучше меня, – на полном серьезе сказал Гочу, не приняв шутку.

– Кто же это, интересно?

– Дочь твоей тети!

– Она же мне мать заменяла.

– А теперь женой будет!

– Да и больна она к тому же!

– Это во благо, – все пытался его уговорить Сакиль Гочу. – Ты не бойся, с такими болезнями по сто лет живут.

– Я ведь ее не люблю!

– Любовь потом приходит. Ведь не Меджнун же ты, и она вовсе не Лейли!

– Рано, мне еще надо работу найти, как я на хлеб буду зарабатывать?

– На хлеб Аллах даст. Торопиться надо. Очаг Мир Гадир аги угаснуть не может. – Уже откровенно заговорил Сакиль Гочу. – Аллах не дал мне возможности совершить паломничество, в роду остались только ты да я. Я уже все, считай, списан. Надежда была только на тебя, а ты вот таким вернулся из армии. Кожа да кости, а случись что, пропадут корни рода.

... Меликаждар вылечился заботами знахарей Сакиля Гочу, вившихся над ним, как бабочки, медикаментами военного госпиталя. Постепенно голова перестала трястись. Делал мелкие работы по двору. У него было еще одно занятие. Смотреть на своего новорожденного сына Хатама. Но брать его на руки не решался, боялся уронить. От возбуждения порой терял контроль над собой.

Однажды Меликаждар, рассказав вкратце свою любовную армейскую историю Сакилю Гочу, попросил совета. Сакиль Гочу – большой знаток любовных тем, с интересом принялся расспрашивать его. Выяснив для себя какие-то моменты, сказал:

– Если твоя любимая захотела бы, давно бы уже была здесь. Раздумала, наверное, приезжать. Забудь!

– Не могу, – пожаловался Меликаждар. – Кто знает, может от меня у нее и ребенок есть.

– И что, поедешь, привезешь ее в Баку?

– Согласится, привезу! Мы клятву друг другу давали.

– Клятвам женщин ты не особенно-то верь, ага.

– Знай ты Тедди, так бы не говорил.

– А ты не думаешь, что скажет на это твоя законная жена? – Сакиль Гочу опустил на землю витаю-

щего в своих мечтаниях, в облаках Меликаждара. –
Может, и у нее спросим совета?

Меликаждар жалостливо посмотрел на старика.
Сакилю Гочу стало жалко его.

– Ладно, я подумаю, что можно сделать!

Все как-то устроилось. Неизвестно, что он сказал
жене Мелдикаждара, но она согласилась.

– Ага, я вручила тебе свою душу, приму все, – ска-
зала жена со слезами на глазах.

Меликаждар, не ожидавший от нее такого, от из-
бытка чувств потерял сознание, упал.

Вторая беременность у жены Меликаждара про-
текала тяжело, живот разросся, чуть не до носа дохо-
дил. Еле жива была. Стелила она Сакилю Гочу на ве-
ранде, чтобы рядом был, если понадобится, поспел
бы на помощь Меликаждару.

Меликаждар, беспробудно проспавший всю
ночь, проснулся рано поутру. Солнечные лучи би-
лись в маленькое окошко. Он, откинув одеяло, встал,
оделся.

– Пойдем, отец!

Сакиль Гочу тут же проснулся от дремотного сна.

– Куда путь держим?

– Тедди приехала, отец.

Сакиль Гочу попытался отшутиться, но Меликаждар был, как никогда, серьезен. Он был одержим, словно видение ему было, освещенное светом от Мир Гадир аги.

Меликаждар взял свою трость.

– До меня донесся голос предков. Я слышал голоса всю ночь.

Сакиль Гочу покорно последовал за ним. Едва отошли от калитки, как увидели человека, направляющегося к ним. Это был юноша, что пас скот в окрестностях Святилица.

– Сынок, что случилось? – спросил Сакиль Гочу.

– Пришла какая-то русская женщина в Святилице, спрашивает Меликаждара.

Юноша еще не успел договорить, Меликаждар, оставив свою трость, уже мчался к Святилищу. Сакиль Гочу на мгновение замер, потом повернулся в направлении Каабы с молитвой.

Сводная сестра Бибигюль

Двадцать лет назад, когда сводная сестра Меликаждара Бибигюль привела к нему своих внуков, подростков Сейфала и Серрафа, она сказала:

– Ага, тебе известно, что внуки мои остались без отца. Боюсь, как бы на кривую дорожку не вышли,

связавшись не с теми людьми. Сам знаешь, в селе нашем можно кого угодно встретить. Привела их под твое крыло, покровительствовать им твой долг.

Его сводная сестра была женщиной властной. Но со своими внуками ладить у нее не получалось. Один единственный сын был, и тот оказался непутевым. Вел себя не как подобает сеиду. Видимо, пошел в отцовскую сторону. Взрывался по всякому пустому поводу, как каштаны в печи, хватался за нож. Никаким ремеслом не овладел, слонялся по тюрьмам, из одной в другую. В преступном мире звался он Черный Сеид. Сошлись они с Саны в одной из «зон». Тут же вспомнилось прошлое. Подрались два земляка, Саны оказался проворнее, кончил Черного Сеида.

Меликаждара Бибигюль ханум, покуда жив был ее сынок, за преемника своего отца Мир Гадир ага не признавала. Ей ничего нельзя было доказать. Даже Сакиль Гочу затруднялся ей что-то объяснить. После потери сына Бибигюль ханум примирилась со сводным братом, признала его единственным преемником наследия ее отца, Мир Гадир аги.

Меликаждар не стал возражать своей властной сестре. Так неожиданно для себя он стал главой рода. Взял под опеку внуков сестры.

Прошли годы, о верности братьев Меликаждару ходили легенды.

Сейфал

В начале восьмидесятых годов заботы о семье легли на Сейфала. Меликаждар слег, дала о себе знать травма, полученная в армии. В это время подручные Саны совсем обнаглели, уже и со Святилищем не считались. Это противостояние должно было закончиться бойней. Мизи сколотил из рыбаков две дружины, одну возглавить поручил Серрафу, другую своему сыну Хитрому Абдулу. Уже должна была пролиться кровь, но тут сказалось умение Сейфала.

Он сумел сделать ход, который остановил Саны.

Случилось это так. Лоту Фахы был одним из немногих, с кем дружил Черный Сеид, отец Сейфала. Черный Сеид тянул пожизненный срок в Туршулу. Сейфал часто вспоминал о Фахы, был признателен ему, посылал на праздники и памятные дни угощения. Лоту Фахы поспособствовал выдаче семье тела умершего в тюрьме Черного Сеида. Сумел договориться с тюремным начальством. Такое, как известно, не забывается.

В зоне Лоту чувствовал себя совершенно свободно, хотя и был осужден на пожизненный срок. Заслужил у воров такое доверие, что ему поручили «общак». С Лоту Фахы и руководство тюрьмы считалось.

Сейфала, пришедшего к нему на встречу, он принял уважительно.

– Против Саны я пойти не могу, – сказал он, выслушав Сейфала. – Весь род наш перережет.

Сейфал тогда вспыхнул, вылил на него весь свой яд.

– А вы, дядя, молодец, в авторитете! Лоту да, типа блатной? – с укором высказал Сейфал. – Вот что я вам скажу, вы, оказывается, трус, дяденька!

– Но я могу помочь тебе по-другому, – сказал Лоту, не обращая внимания на издевательский тон.

– Как? – спросил Сейфал растерянно.

– Знаешь, племянш, была в прошлом месяце в Сочи тайная воровская сходка. И я был приглашен.

– И что, ты хочешь сказать, что был недавно в Сочи? – недоверчиво спросил Сейфал.

– Ну, да, конечно. Что здесь такого! – Лоту пожал плечами. – Из тюрьмы я могу выходить, когда мне вздумается. Достаточно моего имени, чтобы выпустили.

– Они не боятся, что ты сбежишь?

– Конечно, нет! – Лоту рассмеялся. – Это невозможно, мне поручен общак, я могу потерять доверие. Так что побег хуже смерти для меня.

Сейфал перевел дыхание.

– Ну и что Сочи?

– В Сочи договорились, что деловые люди, добровольно внесшие долю в один из общаков, обеспечиваются покровительством и защитой «общака».

– Долю, это сколько? – попытался уяснить Сейфал.

Лоту рассмеялся.

– Вам это, племян, будет по силам, – сказал он.
– Достаточно будет ящичек, что вы ставите на входе перед святилищем для пожертвований раз год сдавать в общак.

– Саны успокоится?

– Саны не может нарушить договоренность, – заверил его Лоту. – Может станет что-то предпринимать чужими руками по-тихому, но на открытую вражду не пойдет.

Меликаждар узнал об этой инициативе Сейфала позже, когда выздоровел. Похвалил.

– Молодец, большое дело сделал.

Халис, младший сын Меликаждара

Из Баку шли тревожные известия. Да и в самой России положение нельзя было назвать стабильным, даже в таком отдаленном от центра краевом городе, как Красноярск, все было взбаламучено, кипело.

Халис не мог понять, что происходит. Сокурсник его, тихий, молчаливый армянин, вдруг заговорил. Этот трусливый парень резко изменился, вступал в дискуссии. Однажды спор на историческую тему завершился оскорблением нации. Халис не стал сдерживаться, двинул кулаком армянину в нос, тот взорвался кровью.

Халис, искренне признав свою вину, о наказании и не думал. Но оно оказалось неожиданно суровым, исключение из института он принял спокойно.

Сразу решил ехать в Баку. Побежал к встречающим его братьям. Обнялся сначала с Хатамом, потом с Адамом. С Сейфалом, стоящим поодаль, встретился холодно. Багаж ждали недолго. Братья, окружив его, вывели на площадь перед аэропортом. Их поджидал микроавтобус РАФ. Сейфал сел за руль. Больше его никто не встречал. Он знал, отец не любит излишней помпезности.

– Почему не приезжал так долго? – спросил Хатам.

Халису стало понятно, что отец не сказал братьям об исключении из института.

– Газеты в России писали о смуте в Баку. Забеспокоился, решил приехать, – сказал он.

– Для России это обычно – делать из мухи слона.

– Что происходит на самом деле?

Хатам ответил со знанием дела.

– Откуда ты все это знаешь? – спросил Халис.

– Наш старший брат теперь большой человек, – с сарказмом заметил Адам. – Стоит во главе народного движения.

– Он митинги посещает?

– А ты что, не знал? Наш брат стоит на трибуне вместе с Нейматом.

– Сегодня тоже митинг? – спросил Халис, заинтригованный.

– Каждый день митинги. Площадь не пустует.

– Власть не мешает?

– Даже если захочет, не сможет.

– Чем все это кончится?

– Кончится все плохо! Люди погибнут, – сказал Хатам. – Кремль не оставит это без ответа. Перебьют солдаты наших людей.

– Что говорит ага о твоём участии в митингах? – осторожно спросил Халис.

– Пока молчит...

– Недоволен?

– Наверное...

– Гнева аги не боишься?

– Мне, брат, уже тридцать пять лет, время бояться отца осталось далеко позади.

Приезд Халиса стал семейным праздником. Большой двор кипел. Дети Адама бегали по двору, к ним присоединились и сыновья Сейфала. Родственники, соседи нескончаемым потоком все шли к ним. Друзья, сверстники Халиса, с раннего утра и до позднего вечера от него не отходили.

К концу недели все постепенно улеглось. Только после этого родители смогли посидеть с сыном, поговорить.

Халис с улыбкой на лице слушал родителей. С самого первого дня приезда Халиса по сегодняшний день Тидора ханум все беспокоилась о будущем сына.

– Что с ним будет, ага?

Восстановиться в институте, откуда Халис был исключен с пятого курса, было возможно. Если бы сын был против, Меликаждар тут же оставил бы его в покое. В России настали смутные времена. Отец хотя ничего и не говорил, но возвращения сына в Красноярск не хотел. Лицо Меликаждара излучало свет и спокойствие, на шепот Тидоры он ответил монотонным голосом:

– У него хорошее будущее...

– Остался бы России, может, что-то и было бы. В Баку что ему делать?

– Чем Баку плох? – спросил Меликаждар, искоса бросив взгляд на увядающую красоту своей жены.

– Разве, ага, мы ведем разговор о том, что в Баку хорошо, что плохо? – с легкой иронией заметила жена. – Я говорю, что хочу знать, чем Халис сможет здесь заняться?

Его жена, приняв ислам, сменила полученное при крещении имя Теодора на Тидору.

Меликаждар оставил без внимания иронию жены.

– Он займется тем, чем занимаюсь я, – мягко заметил Меликаждар.

– Дело, которым ты занят, не имеет конца, – Тидора ханум не стала скрывать копившееся в ее душе. – Наш сын должен заниматься достойным его делом.

– Ханум, ты ошибаешься, в современном мире самое достойное занятие – это то, чем занимаюсь я! – Меликаждар чуточку изменил тон голоса.

– Я ничего не могу сказать. Но Халис уже взрослый человек. Может, ты спросишь и его мнение... – сказала Тидора.

– Я не ограничиваю его желаний. Пусть сам примет решение, – ответил Меликаждар ага.

Оба ждали, что скажет виновник их спора. Меликаждар, не глядя на сына, поднялся, Халис сказал:

– Мама, я с отцом буду работать.

– А как же высшее образование?

– Школа отца достойнее сотни высших школ, – сказал Халис, подходя к отцу.

Меликаждар приобнял сына, который был гораздо выше него ростом.

– Видимо, мои уроки не прошли даром, – сказал он. – Я думал, чужие края тебя изменили. – Тидора ханум, не выражая своего недовольства, вышла во двор, оставив отца и сына одних.

Как только они остались одни, Халис спросил:

– Отец, многое знаешь. Может, тебе известна и тайна моего исключения из института?

Меликаждар, не спеша, достал сигарету, прикурил.

– Это я сделал, – сказал он открыто, не желая ничего скрывать. – Теперь слово за тобой.

Халис стоял с открытым ртом.

– Отец, не стоило беспокоиться. Я всегда хотел быть рядом с тобой, – сказал он. – Для меня судьба семьи важнее всего.

– В этом деле обратной дороги нет, сынок, – предупредил Меликаждар.

– А я не собираюсь отступать, – заверил Халис.

Меликаждар решил подробнее рассказать о некоторых аспектах дела:

– Главное в нашем деле, что оно кормит много людей. Мы хорошо зарабатываем, но и тратим много. Нам не позволительно смотреть на работу сквозь пальцы. За нами пристально наблюдают и враги наши, и наши друзья. Мы привлекли к работе очень много людей, и должны оправдать их надежды. У нас нет права на ошибку. Не можем себе позволить пойти на врагов.

– Все это ясно, – сказал Халис. – Но мне одно не понятно. К тебе приходят с просьбами столько людей. За некоторых тебе даже приходится к кому-то обращаться, платить, тратишь деньги, свое время, нервы. Ни у кого не берешь и рубля. Даже гора разрушится с такими тратами.

– Величие рода накладывает на плечи наши большой груз. Наши предки отдавали, а не брали. С этого вечера ты всегда будешь рядом со мною. А теперь иди к Сейфалу, я поручил ему ознакомить тебя со всеми делами.

История Тидоры ханум

Тидора ханум находилась во дворе. Увидев спускающегося с веранды сына, взяла под руку.

– Я хочу рассказать тебе, сынок, историю своей жизни, – сказала она.

Для Халиса такое решение матери было неожиданным, он знал свою мать, как скрытную женщину. Растерялся.

– Есть в этом необходимость? – спросил он.

– Есть, сын. Выслушав, сделаешь выводы.

Не допуская и мысли о неверности любимого, она месяцами ходила в войсковую часть. Беспокоили ее и процессы, происходящие в утробе. Изю дня в день все более округлявшийся ее живот вызывал насмешки солдат. Выяснить ничего не удалось. В конце концов, поверила, что обманута, думала покончить с собою, но ребенок под сердцем не позволил.

Когда пришло время, с помощью Саввы родился мальчик. Назвала его Маликом. Рождение ребенка успокоило ее немного. Мальчик был похож на отца, но прожил недолго. Смерть ребенка явилась для молодой матери безутешным горем. Похоронив мальчика, Тедди была сама не своя. Потом, успокоившись, вдруг засобиралась в дорогу. Савва пытался ее отговорить.

– Зря едешь, сестра, – сказал он. – Женат он уже, наверное.

– Я скажу ему пару слов и вернусь. Ты не останавливай меня, брат, не надо. Если останусь, с ума сойду.

Савва попытался отговорить:

– Говорят, Баку большой город, как ты его найдешь?

– Найду, – неуверенно сказала Тедди. – Меликаждар говорил, вокруг Баку тридцать два села, их село самое большое. Говорил, что нет ни одного человека, кто бы не знал Святилище его отца Мир Гадира ага. Найду.

– А если он соврал? Что ты будешь делать тогда?

– Имя-то, фамилию его знаю, – разозлилась Тедди. – Даже из-под земли достану.

Тедди успокоилась, на сердце стало легко, когда она поняла, что не обманута. Жена Меликаждара, к изумлению Сакиля Гочу, встретила ее, улыбаясь. Обняла, расцеловала. Потом, как-то по -доброму, прочувствованно сказала:

-Сестра ты мне отныне.

Через месяц она родила Меликаждару еще одного сына, но ребенок радости ей не принес, она угасала. Не помог и вызванный фельдшер. Умерла, угасла, как свеча.

Тедди стала настоящей матерью ее детям.

Сейфал и Халис

Сейфал встретил радостно приход к нему Халиса. Он жил в одном из небольших домиков, окружающих имение Меликаждара. Хотя и был у него отдельный вход, но двор был общим, и забора между ними не было. Халиса удивили произошедшим изменением в доме Сейфала. Он сел на предложенное ему место.

– Не ожидал, что мой приход так тебя обрадует, Сейфал, – сказал он, перебирая четки.

С детства светлые, пшеничного цвета волосы Халиса наконец-таки потемнели, стали каштановыми. Он стал больше похож на отца, в каждом его движении чувствовался Меликаждар.

– Как ни странно, но должен признаться, что братья твои меня разочаровали, – сказал Сейфал, вздохнув. – Никчемными они оказались.

– Удивляешься? – Халис ага усмехнулся.

– Конечно! Для этих дел твой старший брат очень подходил, словно рожден был для них. Обаятельная улыбка, грудной с хрипотцой голос очаровывали. Жаль, что оказался не тем человеком. Сначала ушел в карты, потом ударился в разгул, сейчас политикой увлекся.

– А другой?

– Об этом и говорить не стоит, – махнул рукой Сейфал. – У него мозги ребенка. Не годен для наших дел.

Халис неожиданно рассмеялся.

– Сочувствую тебе, Сейфал. Ситуация вынуждает тебя принимать решения. Знал бы заранее, так и во все бы не приезжал, остался бы в Красноярске.

– Но меня очень радует, что ты остаешься в Баку, – с искренним чувством сказал Сейфал. – Будто с плеч моих груз сняли. Времена смутные, все может произойти. Род не должен оставаться без главы.

– Есть какая-то опасность?

Сейфал его успокоил:

– Нет, сын аги, все хорошо. Особо опасаться не стоит. С арестом Саны все немного успокоилось.

– Он так опасен?

– Когда освобождают от цепей десяток лет просидевшего на зоне, он становится бешеным псом. Способен на что угодно.

– Сил у него много?

– Силы у него есть, но сладить с Меликаждаром он не сможет.

– Я не знал, – согласился Халис. – Думал, что ага может только молиться.

– Вот и настало время тебе узнать. Таково поручение Меликаждара аги. Наш разговор будет долгим.

В тюремной зоне Туршулу

Весть о помиловании своих друзей Саны взбудоражила. Уже целый час он без устали ходил, мерил камеру шагами. Надзиратель, как это было положено, в двенадцать часов отключил свет. Саны смотрел, как друзья в свете свечи переговаривались между собой.

– Саны уже сотый круг делает, – прошептал Равиль-Тихий.

Равиль-Жердь любил точность:

– Ошибаешься, только девяносто пятый.

Тихий спорить не стал.

– Интересно, что это с ним? – спросил он.

– Хорошо, если с ума не сошел.

– Ночью надо все обдумать, – прошептал Тихий.

– Да, времени у нас мало, – согласился Жердь.

– С завтрашнего дня Саны останется в камере один. Бедняга, скучать будет без нас.

Жердь усмехнулся. Он не был таким сентиментальным, как его тезка.

Вор в законе Саны тянул третий год заключения. Ему уже надоели казенные харчи. У него был талант к преступному миру. Как правило, заключения в тюрьмах тянулись недолго. За примерное поведение

его раньше времени отпускали на волю. Но на этот раз было не так, терпение было на исходе.

Все эти три года Саны в камере был не один. С самого ареста было кому позаботиться о нем. Как и хотел, двух его подручных подсадили к нему.

С этими своими подельниками он познакомился еще двадцать лет назад на зоне в Сибири. С тех пор они не расставались. Оба по национальности были татарами и обоих звали Равиль. Они также были известны в преступном мире, считались ворами в законе. Но по иерархии были ниже Саны, под ним были, если не сказать «шестерили».

Саны, наконец, сел на тахту.

– Рад, что помиловали вас. Поздравляю! – сказал он.

– Спасибо, – Жердь приобнял его за плечо, – давай поцелую тебя на дорожку.

Саны зло отбросил его руку.

– Не глупи, – сказал он. – Морду расквашу, моргала выколю!

Жердь сразу же отошел. Понимал, что от Саны можно ждать, чего угодно, неожиданно ужалить может, как змея.

– Мы думали, что наше освобождение тебя опечалит, – сказал Тихий.

– Почему? Ваше освобождение – хорошее событие, – ответил с улыбкой Саны.

– Что хорошего? – сказал Жердь, – ты в тюрьме, мы на свободе.

– Помнить будете – это уже хорошо.

– Какие у тебя будут поручения? – спросил Жердь.

– У меня для вас есть несколько советов. Первое, сидите тихо, не суйтесь никуда. Спокойно живите. Пока я не выйду, ничего не предпринимайте.

– Почему так? – разом спросили оба Равиля.

– Самостоятельное дело – это не ваше, – открыто высказал свое мнение Саны.

– Почему? – удивился Жердь.

– Потому что на первом же шаге попадетесь. Я знаю, какие вы сообразительные.

– Ты нас вообще за придурков держишь? – Жердь был недоволен. – Если позволишь нам действовать, увидишь, каких молодцов рождает матеря.

– Не спеши, у вас еще будет такая возможность, – Саны печально улыбнулся.

– Когда это будет? – спросил Жердь.

– После того, как с врагом покончим.

– Да сохранит нас Аллах до дней этих. Без тебя мы пропадем... – сказал Равиль Тихий.

– С чего это вдруг? – спросил Жердь.

Саны объяснил.

– На воле ситуация полностью изменилась. Не видите разве, уж сколько лет о нас никто не вспоминает. Советская власть рушится, идет армяно-а-

зербайджанская война. От шефов наших ничего не слышно. Одним словом, чтобы снова сюда не попасть, надо быть осторожнее.

– Если ничего не будем делать, голодными останемся. – недовольно сказал Равиль-Жердь.

– Тебе-то что, поел ты, не поел, толку нет, можешь и на диете посидеть. – пошутил Тихий Равиль.

Равиль-Жердь, высушенный, как вяленое мясо, брезгливо посмотрел на своего страдающего от избытка веса тезку.

– Диета тебе нужна, разжирел, как свинья.

– Кончайте! – рассердился Саны. – Не надоело вам? Никто вас не обрекает на голод. Общак есть... Схрон.

Оба Равиля наострили уши.

– Говоришь, пользоваться запасами можно? – спросил Тихий Равиль. – Не рано ли?

– Нет, как раз время! Для кого собирали? – сказал Саны. – Гюлю ханум не оставит вас голодными.

Тайник под контролем моей бабки и Гюлю. Саны не скрывал от Равилей накопленное. Доверял им. Десятками лет не тратили, копили. Но услышав имя Гюлю среди тех, кому было доверено хранение, выразили недовольство.

– Ты зря доверился дочери Кюрсюм, – сказал недовольно Жердь.

– Почему? – спросил Саны. – Когда она каждую неделю корзинами еду приносила, ты так не говорил.

– Разве только она еду приносила? – возразил Жердь. – Наш верный друг, Бесноватый Джаны приносил, Саллаг Мамиш приносил, не говорю уже о Горелом. Да и Сука Пири приносил.

– Но им не было сказано, где лежит накопленное.

– И Кюрсюм, и ее сын при первой же возможности нас сдадут, – уверенно заявил Жердь. – Недостойные людишки. За деньги на что угодно подпишутся.

– Какой ты тупой. Наши схороненные деньги по сравнению с деньгами Кюрсюм – мелочь, копейки. – Она уже не та, какой мы знали ее раньше, миллионерша, – возразил Саны. – Да и потом, где хранятся сбережения, я не говорил ни Кюрсюм, ни ее сыну.

– Гюлю ни брата своего, ни мать тебе в обиду не даст, – сказал Жердь.

Саны не нашелся, чем возразить. Равиль-Тихий заговорил очень зло.

– Кто такая Кюрсюм, чтобы ее дочь что-то собой представляла. Она дочь своей матери, которая самого черта проведет.

– Гюлю – моя жена по шариату, – перебил его Саны.

– У вора в законе не должно быть ни жены, ни семьи, – Тихий повторил общеизвестное.

– Умолкни! – прикрикнул Саны.

Тихий и не думал умолкать.

– В каждом городе у тебя по женщине, всем им будешь раскрывать наши тайны?

– Всем нет, но Гюлю сказать можно, – Саны строго посмотрел на Тихого Равиля. – Ее верность я много раз проверял. Душу за нас отдавала. Каждый раз, когда освобождался от тюрьмы, отчитывалась мне о каждой потраченной копейке. Одним словом, ни Гюлю, ни ее мать Кюрсум, ни брат Кюрсюмоглу меня не предадут.

– Почему?

Саны рассмеялся.

– От страха. В семье этой, когда мое имя произносится, все дрожмя дрожать начинают. Да и потом, бабка моя старая Ануш умрет, тайник останется без надзора. Гюлю сколько лет уже прислуживает моей бабке. О тайнике знает давно.

Тезки вынуждены были смириться с реальностью. Вспомнив армянскую бабку, Тихий спросил.

– Чего это бабку твою не трогают, ведь армян, говорят, из города гонят?

– А ты что думаешь, бабка моя простая, что ли? С ней сладить может только ангел смерти Азраил. У нее везде все схвачено.

– Во всяком случае, мы вовремя выходим из тюрьмы, – сказал Тихий.

– Да, вовремя, – согласился Саны, – Гюлю бабку одну не оставляет, все время при ней, с вашим освобождением мне будет спокойнее.

– Как назвать наше занятие на свободе? – пошутил Жердь, – Телохранителями твоей бабки?

Саны легонько двинул Жердь по уху.

– Пока вы будете просто стеречь накопленное. Но к Ануш сразу не ходите. Подайтесь в поселок, найдите Гюлю. Если она посчитает нужным, отведет вас к ней. Так что гасите свечи, спать будем, до утра недолго осталось.

Первые дни Равилей на свободе

Равилей Гюлю боялась больше, чем Саны. При виде этих головорезов все тело ее сжималось. Выслушав поручение Саны, она предложила им разместиться в одном из домов брата на побережье.

– Вы пока там поживите, – сказала она. – На окраине спокойнее, чем в кипящем городе. Дикие массы могут, распалившись, пойти на армянские дома. Тогда и вы пострадаете ни за что.

Равили не согласились.

– Мы пришли, чтобы охранять старуху, – сказал Равиль-Жердь.

– Саны так хотел, – подтвердил Тихий Равиль.

Гюлю вынуждена была согласиться.

Жившая под страхом бушующей страстями площади Ануш радостно встретила подручных внука. Стоило Гюлю только рот открыть:

– Пусть живут, сколько хотят, – сказала она.

Большинство армян, продав свои дома, покинуло город. Оставшиеся не могли и носа высунуть наружу. Ануш надеялась только на Гюлю. Когда не было рядом подружки внука, Ануш оставалась одна в большом, как футбольное поле, доме с высокими потолками.

С появлением Равилей атмосфера в доме менялась. Эти постоянно спорящие друг с другом двое профессиональных убийц вели себя, как дети. Продукты из огромного холодильника таяли у них в желудках, как лед под солнцем, они все никак не могли наесться. Гости от накрытого стола не отходили.

Спина у старухи Ануш сгорбилась. Но зрение оставалось острым, цепким.

– Да чтоб вы лопнули! – ворчала она. – Когда уже наедитесь?

Равиль-Жердь не обижался.

– Если бы ты, бабушка Ануш, просидела в тюрьме три года, так бы не говорила, – сказал он, смачно откусывая мясо.

Ужин подходил к концу. Гюлю собиралась убрать со стола. Часы на стене пробили полночь. В дверь громко постучали, скорее даже, стали колотить. Бойкая на язык Ануш притихла.

– Не открывайте, – сказала она. – И прошлой ночью стучали, потом ушли.

За дверью не успокаивались. Стучали сильнее. Пошли в ход тяжелые предметы. Кажется, собирались выбить дверь. Равили, переглянувшись, поднялись.

– Возьмите на кухне топор, – посоветовала Гюлю. Жердь рассмеялся.

«Мое оружие вот», – сказал он, взяв со стола бутерброд. Чуть приоткрыл дверь, на лестничной клетке стояли двое. У одного в руках был лом, другой держал какую-то железяку. Жердь спросил:

– Чего отдыхать не даете?

Мужчина с железякой растерянно сказал:

– Ты не похож на армянина.

– Да, я татарин.

– А ты говорил, здесь армяне живут? – спросил человек с ломом у своего товарища.

– Я точно знаю, здесь живет армянка, – ответил другой.

– Послушай, татарин, давай сюда армянку, к тебе у нас дела нет. – Человек с ломом был серьезно настроен.

Тихий Равиль вышел на свет. Сразу же оценив его мощную фигуру, грабители попятились назад.

– Уже несколько дней, как армянка отошла в мир иной, – сказал он мощным, устрашающим голосом. – Теперь мы здесь живем. Проваливайте, не то хуже будет! – он захлопнул перед ними дверь.

С улицы еще некоторое время раздавались голоса грабителей, потом послышались отдаляющиеся шаги и вскоре стало тихо. Старуха Ануш дрожала.

– Если бы не вы, меня бы убили, – сказала она.

Равиль Жердь лениво дожевывал бутерброд, аппетит пропал.

– Чего тебе, старая, смерти бояться? – спросил он. – Свое ты уже прожила.

– Я хочу, чтобы меня убили не азербайджанцы, а армяне, – прошептала она.

– А какая тебе разница?

– Большая. Я хочу, чтобы моя кровь легла на армян, а не на азербайджанцев.

– Выходит, азербайджанцев ты любишь?

– Да! От них я знала только добро, – сказала Ануш. – Покончил бы Аллах со всеми армянами разом. Это все они затеяли. Из-за них дней счастливых не видела.

– Спать собираетесь? – спросила Гюлю. – Постелю.

– Спать нельзя, – сказал Равиль-Жердь. – Могут снова прийти.

Тихий Равиль пытался уговорить старуху.

– Ну, бабулька, сна уже все равно нет, расскажи что-нибудь интересное.

История Ануш

Светлых дней в судьбе Ануш было немного. Жизнь в Османской империи сейчас ей казалась счастливым сном.

Каждое утро она с трепетным ожиданием гнала овец на вершину холма, разделяющего два села. Мехмет, также погоняя животных, спешил на холм. Оставив овец, они развлекались, держали друг друга за руки, веселились, не замечали, как время бежало.

– Подрастай быстрее, Мехмет, – говорила Ануш, целуя его. – Опоздаешь, меня отдадут за другого.

– Я стараюсь, – отвечал Мехмет, стыдливо опустив голову...

Они были одногодками. Пятнадцатилетняя Ануш уже казалась взрослой девушкой. Мехмет ростом был мал. Когда они стояли рядом, мальчик едва дотягивался до округлившихся грудей девочки. Хотя подросшая Ануш красавицей и не была, но казалась привлекательной.

Занятая любовными переживаниями Ануш не обращала внимания на то, что творилось вокруг.

Молния ударила в дерево, под которым она спала с детства. Отец погиб, она же осталась жива. Тяжела сиротская жизнь. Была подручной дядиной жены. Работала за кусок хлеба с раннего утра до позднего вечера.

В село однажды пришли двое вооруженных мужчин. Говорили, что прибыли сюда с Кавказа. По-армянски говорили не так, как армяне села. Хорошо, цивилизовано были одеты. Но и осанка, и походка выдавали в них военных. Привезли с собою двуствольные ружья австрийского производства. По приказу старосты молодежь села стали обучать стрельбе. По вечерам, когда темнело, собирали всех в церкви, рассказывали о тяжелой доле армянского народа, о том, что остались без родины, о турках сообщали разные ужасы. Прибывших с Кавказа боялись, оба они были членами партии «Гнчаг».

– Как только начнется война, надо перебираться в Россию, – настоятельно требовали они от жителей села.

С ними не соглашались, но молчали.

Однажды, под вечер, эти двое пришлых остановили Ануш, завели на сеновал. Жена дяди, узнав, кто виновники позора, побежала к старосте села. Староста тоже боялся этих двоих, сначала не поверил. Пошел советоваться со священником. Они оба

после долгих раздумий, чтобы разрешить ситуацию, позвали в церковь приезжих.

Те подкупили старосту и священника, заплатив им. Договорились дать денег и жене дяди девочки. Не согласится, решить вопрос по-иному. «Гнчаги» пообещали выдать Ануш замуж. Дали слово взять на себя все расходы на свадьбу. Как раз у кузнеца села Артуша жена недавно скончалась, младшая дочь осталась сиротой. За хорошее приданое Артуш согласился взять девушку в жены. Ануш стыдилась смотреть в сторону Мехмета, оглядывавшего целыми днями с холма армянское село. Потом «гнчаги» исчезли.

Прошел год. «Гнчаги» снова объявились в селе. Теперь их было много. Пугали убийством всех тех, кто шел против них. Требовали, чтобы народ переселялся в Россию. Обещали людям деньги, земли. Чтобы сломить сопротивление сельчан, пристрелили в поле несколько коров, овец, сказали, что это дело рук турков.

Артуш был среди первых, кто решился на переезд. Как только получил приказ переселяться, сложил пожитки на арбу.

Опустевшие дома, дабы не доставались туркам, гнчаги подожгли. Переселением руководил представитель общины. Это был армянский купец в воз-

расте. Он же был и проводником. Не отказывал в помощи беспрекословно подчиняющимся ему людям. Ануш, часто навещающая его, никогда не возвращалась с пустыми руками. Он старался по возможности исполнять все просьбы этой привлекательной женщины.

В иранском порту Энзели руководитель группы оказался в затруднении. Судно, что должно было доставить армян в Баку, задерживалось. Молча подчинявшиеся ему еще вчера люди теперь уже не слушались. Невозможно было успокоить больных, голодных людей. Руководитель переселения терпеливо пытался их уговорить.

– Русский император отдал Баку армянам. В будущем он станет столицей Хаястана. Половина добываемой нефти мира дает Баку, это богатый город. Как только прибудем, вам дадут дома, деньги, продукты, будете жить не хуже, чем в Османской Турции. Потерпите, у нас будет родина, – уговаривал он. – Выполните свой долг перед армянским народом. Мы не можем всегда жить под кем-то. Надо использовать шанс, который дает нам русским император.

Наконец, прибыл ожидаемый корабль. Руководитель группы посадил людей на судно, капитаном которого был армянин. Исполнив свой долг, он уже сходил по трапу, как увидел свою, так нравившуюся

ему Анаш, и вновь разыграли чувства. Стал уговаривать Ануш пойти с ним в комнату в караван- сарае.

– Может, со мною останешься? – предложил он. – О будущем не беспокойся, деньги у меня есть.

Ануш рассмеялась.

– А если помрешь, что со мной будет? – спросила она, и, совершенно не боясь обидеть, добавила. – Одной ногой в могиле, а сам о будущем говоришь?

По прибытии в Баку армянские семьи расселили по домам. Их, действительно, ждали. Семья Артуша, благодаря жене, устроилась в относительно удачном месте. Забота о семье была поручена Джанполаду. В конце тысяча девятьсот семнадцатого года и Артуш взялся за ружье, вступил в отряд самообороны Аракелова. В городе царил переполох. Отряд все разрастался за счет непонятно откуда прибывающих армян. С утра до вечера проводили учения на пустыре в районе Баладжар. Как-то Артуш пришел домой, весь пропахший порохом.

– Послушай, глупец, что ты связался с головорезами? Убьют тебя, – сказала Ануш.

– Не вмешивайся в мужские дела, женщина! – таков был ответ Артуша.

Артуш вступил в отряд дашнакских головорезов, направляемых на расправу в неподчинившиеся советам районы Азербайджана. Стал участником резни безоружного тюрко-мусульманского населения.

Проявил себя отъявленным головорезом. Пощады не давал никому: ни детям, ни старикам, убивал каждого, кого встречал на пути.

Тоскуя от одиночества, Ануш, убивая время, ходила к соседям. Судачили о том, о сем, коротали дни, незаметно наступал вечер. Младший сын соседей Тигран давно примкнул к большевикам. Работал в городском исполнительном комитете, захватившем власть в городе. Шутил все время. Однажды Ануш пожаловалась ему:

– Тигран-джан, скучаю. Театр закрыт, синематографы закрыты, не знаешь, куда деть время. На улицу выйти боюсь. Всюду вооруженные люди, то тут, то там раздаются взрывы. Не знаешь, куда голову свою спрятать, чтобы пуля не попала. Было бы позволено, и я бы взяла в руки ружье...

Тигран как бы в шутку сказал ей:

– Тетушка Ануш, давай-ка я тебя в Баксовет отведу. Там найдешь себе место. Будешь комиссаром над женщинами.

Ануш с радостью приняла предложение. Утром пошла с Тиграном к нему в Баксовет. Там было много народа, разгневанного сброда, бандитов различных мастей. Кругом только и слышна русская да

армянская речь. Редко что можно было по-азербайджански услышать.

Через несколько дней Ануш по совету Тиграна вступила в партию большевиков. Устроилась в отдел по рассмотрению женских вопросов. На всякий случай, под кофтой носила с собой пистолет. Тигран все посмеивался.

– Тетушка Ануш, ввязалась же ты в это дело на свою голову.

– Почему, Тигран-джан?

– Ну, если мы не сумеем удержать власть, нас ждет один конец, всех поубивают.

– Ты о себе плачь, Тигран-джан, – сказала она, прихорашиваясь, поправляя прическу. – Я сумею о себе позаботиться.

Попав в царство мужчин, Ануш своих желаний не скрывала. С первого дня получала того, на кого глаз падал. Не скрывала своей любвеобильности. Пошли пересуды среди работниц Баксовета, вслед ей сотни слов говорили. Слухи дошли и до канцелярии, где работал Тигран. Он вызвал к себе Ануш, долго отчитывал.

– Это что такое, тетушка Ануш? Не зли женщин. Не позорь меня. Ходят слухи, что тетушка моя развратница.

– Ты еще будешь учить меня уму-разуму? – возразила Ануш.

Но с того дня стала вести себя скромнее.

Однажды Ануш увидела среди вооруженных людей Назыюглу Гулу. Она знала, что он тоже примкнул к большевикам, но давно его не встречала. С Назыюглу Гулу они говорили долго, он пожаловался на свою работу. Расспросил о Маре. Ануш ответила коротко:

– Дома.

– С тобой живет?

– Где ей быть еще? После смерти Аракелова прибежала ко мне, боялась одна жить, со мной теперь, – отвечала Ануш неохотно.

– Как она себя чувствует? – не отставал Гулу.

– Как араб, у которого верблюд сдох, – ответила Ануш. – Что больше не о чем говорить? Запомни, Гулу, у Мары тяжелая нога, кто с ней свяжется, вскоре погибает.

– У меня пока о скоропостижной смерти и мысли нет, – рассмеялся Назыюглу Гулу.

Бойкий ответ Гулу Ануш приободрил. Заматеревший за несколько месяцев, пока она его не видела, молодой мужчина казался ей интересным. Непонятно, что ей пришло в голову, но она, схватив Гулу под ручку, подвела к двери одной из комнат.

– Подожди, я сейчас, – сказала она, скрывшись за дверь. Тут же позвала. – Иди сюда.

Назыоглу вошел в комнату. Поздоровался с молодым человеком, сидящим за огромным письменным столом. Ануш познакомила их.

– Тигран-джан, это друг нашей семьи. Ты говорил, что нужен надежный человек из местных. На Гулу ты можешь полностью рассчитывать.

Через несколько дней Назыоглу ввели в Чрезвычайную Комиссию Бакинского Совета. Теперь они стали чаще встречаться. Ануш пыталась несколько раз затащить его в свой дом в Кишла. Но очень скоро поняла, что Назыоглу не соответствует типу мужчины ее мечты, и вообще женщинами не интересуется. Все у него начиналось с имени Мара, именем Мара и заканчивалось.

Но не по своей воле отступилась Ануш от Гулу.

Армянские отряды Бакинской Коммуны, разрушающие Азербайджан, ушли, услышав о приближающейся Турецкой армии. Комиссары сдали Баку без боя.

Вернулся домой Артуш неожиданно. Первым, кого он увидел, был Назыоглу Гулу, вооруженный, с патронташем наперекрест через грудь. Артуш пере-

пугался. Этот трус был храбр и жесток только вкупе с такими же убийцами, как и сам.

Назыюглу Гулу сидел за столом, чай пил, Мара и Ануш рядом. У Артуша затряслись руки. Бросил взгляд на свое семейство. «Пришел мстить!» – подумал он, глядя на вооруженного бойца.

Ни одна женщина, кроме Мары, не интересовала Назыюглу Гулу. Смерти Джанполада он не желал и не предавал его, ему нужна была лишь Мара. Ситуацией воспользовался Аракелов. События вообще происходили без ведома Назыюглу. Обвинённый в предательстве он какое-то время прятался, потом, решив, что раз уж Джанполад мертв, особо бояться некого, вышел из заточения. Записался в Красную гвардию.

Назыюглу подошел, обнял Артуша. Поговорив о том-о сем, сообщил о цели своего визита. Артуш, скопище низайших пороков, был поражен низостью Гулу. Не мог скрыть своей радости.

– Ты хочешь жениться на моей дочери?

Назыюглу закивал головой:

– Я люблю ее!

– После всего, что было, ты хочешь взять ее в жены? – удивлялся Артуш.

– Я люблю Мару! – повторил он.

– Болван! На улице идет бойня между армянами и азербайджанцами, – Артуш не сумел сдержаться.

– Какая еще любовь?

Ануш попыталась его отговорить.

– Ты погоди пока, пусть все успокоится, потом посмотрим.

Мара прекратила эти споры. Подошла, взяла Гулу под руку.

– Я согласна быть твоей женой.

Артуш больше спорить не стал, согласился. Османские войска рвались к Баку. Это ускорило события. Под звуки выстрелов провели маленькую свадьбу. Мечта Назыюглу сбылась. Армянские отряды, державшие в страхе Баку и пригороды, услышав о приближении Османской армии, хвосты свои поприжали. Они убегали. Когда раздавались первые пушечные залпы в Похлударя, Ануш на пристани прощалась с Артушем. Армянские отряды грузились на корабли. Упакованное в деревянные ящики и коробки награбленное ждало своей очереди. Груза было столько, что погрузка непрерывно шла часами.

Артуш уговаривал Ануш:

– Поедешь со мною? Пропаду я без тебя!

– Ты хочешь, чтобы мы опять жили впроголодь? Мне достаточно османского переселения.

– Не бойся, я уже не прежний Артуш, у меня золота теперь не меряно, ковров, паласов не счесть! – хвастал Артуш.

– Откуда у тебя все это? Награбил? – удивлялась Ануш.

Артуш пожалел, что проболтался.

– Какая тебе разница, – говорил он. – Главное, что есть. Едем со мной.

Ануш покачала головой. Со своей стороны попыталась уговорить Артуша.

– Останешься, может быть? Кто тебя искать станет? Да и зять у тебя турок. Не оставит, защитит!

– Ты знаешь, сколько я всего натворил. Если даже захочу, не смогу остаться, – сказал Артуш. – Турки меня на мелкие куски порежут, самый большой кусок будет размером с ухо.

– А что тебя заставило связаться с этими головорезами? Не мог спокойно сидеть?

Артуш молчал, потупив взор.

– Я больше тебя не увижу? – спросила Ануш.

– Не могу сказать, женщина.

– Будет возможность, возвращайся...

– Это трудный вопрос.

Ануш провожала взглядом Артуша, пока он поднимался по трапу на корабль, потом, когда он растворился среди толпы таких же, как и он сам, небритых вооруженных людей, на руках которых была кровь, без сожалений ушла. Артуша она из своей жизни вычеркнула навсегда.

...Семейная жизнь Назыоглу и Мары не складывалась, жили, как кошка с собакой. С самого первого дня, как положили головы на одну подушку, стали ссориться. Наговаривали друг на друга, проклинали, но не разводились. Видимо, от жизни такой удовольствие получали. Когда турки захватили Баку, Назыоглу решил вместе с женой перебраться в Астрахань. Ануш возражала:

– Ты не видишь ее состояния? – спросила она.

– А что делать? На кого ее оставлять? Я не могу оставаться, хорошо, если турки тех, кто служил большевикам, расстреляют, а то вообще головы поотрывают.

– Может, отвезешь в село, к своей матери Назы? – предложила Ануш.

Гулу покачал головой.

– Назы видеть меня не хочет, – сказал он. – Винит в смерти Джанполада.

– Соседей попросим. У меня немного золота есть, отдадим им, пока не вернемся, за ней присмотрят, – сказала Ануш. – Я не против взять ее с нами, но боюсь, не выдержит, умрет по дороге.

– Нет, ничего не будет, она крепкая, – возразил Назыоглу.

Около двух лет они жили в Астрахани. Гулу крепко держался за больную жену, заботился, на волю судьбы не полагался.

Настал 1920 год. Когда они вместе с 11 Красной Армией вошли в Баку, Мара была на сносях. Родившегося в эти смутные годы ребенка называли Бади. Беременность протекала тяжело, после рождения ребенка она и вовсе потеряла всякий интерес к жизни, мыслями витала где-то далеко в облаках. Жизнелюбивая, хваткая женщина стала, как высушенная айва. Появление ребенка радости не принесло, даже явилось в семье поводом для раздоров. Еле заметная схожесть в первые месяцы с Аракеловым по проществу времени проявлялась все больше и больше. Клятвам Мары Гулу не верил. Никто бы и не поверил, но Бади был похож на Аракелова. Сразу же бросался в глаза его большой увесистый нос.

– Хорошего наследника родила ты мне, – зло сказал Назыюглу Гулу.

– Клянусь Аллахом, нет моей вины, – Мара залилась слезами.

На помощь Маре подросла Ануш:

– Аракелов, он сколько лет уже как подох! Кости его давно сгнили, а ты все ревнуешь к нему Мару...

Все так, но не понятно было, почему ребенок похож на Аракелова.

Бади никто не любил. Мара к этому нежеланному ребенку относилась, как к чертенку. Когда он

плакал, готова была его задушить. О нем заботилась бабушка. Ануш любила его, как умела. Самое ее ласковое слово для него было «турецкий ишачок» или же «армянский отпрыск».

Жил Назыюглу в квартире, соответствующей его должности. Квартира с видом на море располагалась на верхнем этаже дома одного из бывших миллионеров. Ануш искренне старалась помочь зятю подняться на работе повыше. В Советах распоряжались армяне.

Она, даже не спрашивая Назыюглу, поселилась в его большой квартире. Сама же бросила якорь в горькоме партии в отделе по работе с женщинами. Считалась истинным большевиком. Однажды сказала Назыюглу:

– Надо присмотреться к этому антиреволюционному гнезду.

– Ты имеешь в виду наше село?

– Да.

– Что тебе от них надо?

– А ты думаешь из банды Джанполада никого не осталось, всех перебили?

– Ну, допустим остались, – пытался понять Назыюглу. – В чем они виноваты?

– Свидетели они, балбес, свидетели. Надо убрать свидетелей прошлого, чтобы потом под ногами не путались.

– Они все безграмотные, двух слов связать не могут. Кто их слушать будет?

– Есть и образованные... Мир Гадир ага!

– Мир Гадир агу бояться не следует...

– Он самый опасный, ты не знаешь...

– Хорошо, я подумаю...

Однажды она снова вошла в спальную комнату Назыюглу. После рождения ребенка Мара была сама не своя. Не в себе была. Ей стелили отдельно. Каждый день приходил врач, выписывал лекарства, делал уколы.

Ануш же была в самом соку. Как правило, таких женщин мужчины не пропускали. Назыюглу насмешливо смотрел на приближающуюся в нижнем белье к его постели тещу.

– Ты, теща, свои старые привычки никак не оставляешь.

– А я думала мы партнеры, – сказала Ануш.

– Мы партнеры везде. Но только не в постели.

– Что же мне делать? Моя молодая душа изнывает, гниет.

– Замуж выходи или найди другого мужчину, – сказал он, выпроваживая тещу. – Мне, кроме Мары, никто не нужен.

Ануш вынуждена была отступить, но трагедии из этого не сделала. Если она не приходила домой, Назыюглу знал, у тещи сегодня тайный гость. Дом,

отданный Джанполодом Артушу, служил Ануш для утех. Устраивала там иногда шумные сборища. Гулу то и дело приходилось вести с ней разъяснительные беседы, как с ребенком.

– Теща, води себя достойно! Не водись, с кем попало.

– С кем мне водиться? – спрашивала Ануш.

– С идейными товарищами, – говорил Гулу, лишь бы что-то сказать.

– Среди идейных товарищей мужества не осталось, – весело говорила Ануш, – все растратили на революцию. Но даю слово, что теперь буду только с идейными.

– Я не против, чтобы ты зналась с идейными, – пробормотал Гулу, – но смотри, не вздумай сбивать их с пути.

– Да, чтоб ты провалился, зятек называется. Ни на что не годен. Только проповеди читаешь, как мулла...

– Теща, говорю же тебе, води себя достойно, – не отставал от нее Гулу. – Не доводи до того, чтобы я выселил тебя из дома.

После этого Ануш хоть чуточку, но все же стихала, была осторожнее, в любовных связях своих старалась никому не попадаться на глаза.

Дела тещи не слишком интересовали Назыюглу Гулу. Ему хватало своих забот. Глядя иногда украд-

кой от домашних на спящего в колыбели ребенка, искал схожести с собою, не находил, еще больше печалился.

В работу в ЧК Назыоглу вцепился обеими руками. Должность была полезной. Дома, можно сказать, его не найти было, только ночевать приходил. Советская власть не согласных с нею в живых не оставляла, всех уничтожала. Работы у Назыоглу хватало, столько было людей, которых следовало посадить, расстрелять.

Пришлось пропустить через сито и село, в котором рос. Не было пощады всем тем, кто косо смотрел на него в детстве, кто обижал его мать или заставлял работать, как скотину у себя во дворе, на корню весь род уничтожал. Но и расправившись с врагами, спокойно жить не получалось, адское проклятие не давало.

Будь его воля, он на чужих женщин и краешком глаза не посмотрел бы. По ночам вертел туда-сюда иссохшее тело Мары.

Хотя и не было нужды во втором ребенке, но жена его в 1933 году произвела на свет еще одного сына. Назвали его Саны. Через несколько месяцев едва не случилось непоправимое. Отец чуть было не убил своего шестимесячного сына.

– Не сходи с ума, зятек! – Ануш вырвала у него из рук ребенка. – В чем Саны виноват?

– Вы доконали меня! – ревел в голос Назыюглу Гулу.

Этот ребенок был похож на погибшего много лет назад Джанполада. Будто бы разрезанное пополам яблоко. Давно уже павшая духом Мара от этой схожести стала оживать. Похорошела. Даже стала надсмехаться над Ануш.

– А ты думала, что можешь отнять у меня Джанполада?

В тридцать седьмом Назыюглу прямо дома арестовали. Посадили в «Черный воронок», отвезли в зиндан того самого здания, в котором он долгие годы работал.

Детские годы Саны

В сиротском доме Саны чувствовал себя, как рыба в воде. К суровым общежитейским законам привык с детства. Он отличался от сверстников силой и ростом. Если не наедался, отнимал у товарищей их долю. Одним словом, всегда был при хлебе.

Годы шли быстро. Саны вырос, стал большим. Приходил часто на помощь старшему воспитателю. Лишь он мог утихомирить ребят старших групп. Он ни с чем не считался, сразу же пускал в ход кулаки.

Был так жесток, что старший воспитатель порой жалел, что звал его на помощь. Начинал упрашивать:

– Саны, ребят не покалечь.

Иногда Саны и звать не надо было, достаточно было имя его произнести, чтобы шалуны успокоились. В благодарность за помощь старший воспитатель выделил Саны отдельную комнату, досыта кормил, закрывал глаза на некоторые его проделки.

И не без помощи Саны старший воспитатель проворачивал свои делишки. Урезая детские пайки, он с помощью Саны вывозил продукты за пределы детского дома. Каждый раз говорил:

– Смотри, это должно оставаться между нами, проболтаешься, мне кирдык, – прикусывал для наглядности язык.

Саны все больше выходил из колеи. Не слушался старшего воспитателя. Когда хотел, уходил из детского дома, когда хотел, возвращался. Иногда и женщин с собой приводил. Однажды дежуривший ночью старший воспитатель застал его на веселом кутеже. Воспитатель взбесился:

– Ты что творишь, подлец?

Саны посмотрел на него в упор.

– Заткнись, – сказал он. – Достаточно десятую долю того, что я знаю, сказать директору, и тебя вышвырнут отсюда.

Старший преподаватель вынужден был подчиниться, молча проглотить угрозу.

Саны был не один, собрав вокруг себя двух-трех крепких ребят, сколотил группу. Они повадились ходить на стихийный рынок в районе железнодорожного вокзала. Один отвлекал продавца, другой таскил, что под руку попало. Работали сначала на себя. Потом связались с начальником станции. Дань стали собирать с продавцов зелени, яблок, груш, солений.

Недолго это длилось, взяли их однажды, привели в милицию. Участковый инспектор, допрашивающий Саны, насмешливо спросил:

– Кто вас просил заниматься этим?

Саны не стал сдавать начальника станции.

– Никто, я один все проворачивал.

Инспектор внимательно посмотрел ему в глаза.

– Да, ты сказал, а я поверил. Дурачок, начальника станции уже сняли с работы. Дает показания в Управлении городской милиции. Нет смысла тебе его покрывать.

– Я все делал один, – не поддался Саны. – Дядя Мамиш ничего не знал.

Ответ молодого человека участковому инспектору понравился, но все же он настаивал на своем.

– Твой дядя Мамиш пустоголовый человек. На мелочь позарился. Наверное, все до копейки у вас отнимал. Не так, что ли?

Увидев, что скрывать больше нечего, участковому инспектору и так все известно, Саны сознался:

– Да, так, – сказал он. – Я говорил дяде Мамишу, оставь что-нибудь и нам. Он говорил, только пикнете, засажу вас.

– Так деньги не зарабатывают, – сказал участковый инспектор.

– А как зарабатывают? – спросил Саны. – Может, научишь?

– Если будешь следить за своим языком, научу, – сказал участковый инспектор. – Меня зовут Арам.

– Начальник, я стоворчивый человек, – покорно сказал Саны.

– Ну да, очень стоворчивый. Думаешь, я не знаю о твоих делах? Детский дом превратил в вертеп. Женщин водишь, пьянствуете, раздев их догола, танцевать заставляешь. Или это неправда?

– Молодость, начальник, – пытался отшутиться Саны, – ты разве не был молодым?

– Веди себя прилично, – рассердился Арам. – Я бы тебе показал молодость, жаль только твою бабу Ануш.

– Ты знаешь мою бабу? – Саны был растерян.

– Я даже и отца твоего знал.

– А отца откуда знаешь? – заинтересовался Саны.

– Он был моим начальником. Ничего не скажешь, достойным человеком был, – инспектор пристально посмотрел на Саны, с усмешкой добавил, – жаль, что азербайджанец.

– Начальник, я тоже азербайджанец, – зло заявил Сани.

– Что ты заладил, начальник да начальник. Так как мать твоя армянка, можешь меня дядей называть, – улыбнулся Арам.

– В таком случае дядя обязан помогать племяннику, начальник, не губить его.

– Конечно, – согласился Арам. – Я потому и здесь, чтобы тебя спасти. Бабка твоя попросила. Завтра будешь ждать меня у милиции.

– Хорошо, – согласился Саны, спросил осторожно. – Приходить одному или с ребятами?

Участковый инспектор задумался:

– Сколько у тебя людей?

– Надежных двое, – ответил Сани. – Оба мои сверстники.

– Их тоже приведешь с собою.

– Из детского дома меня выпустят? – спросил Сани.

– Выпустят, не беспокойся, я поговорил с директором.

– В котором часу мы возвратимся?

– Если все получится, возвращаться нужды не будет. Вам уже почти восемнадцать, не сегодня– завтра распрощаетесь с детским домом, работать станете.

– В чем будет заключаться наша работа? – поинтересовался Сани.

Арам ответил путанно.

– Это как пойдет.

Бульдозерами до каменного пласта соскабливался грунт, прокладывались рельсы, на них устанавливался камнерезательный комбайн. Так зарождался карьер.

Самосвалы, снуя туда-сюда день и ночь, возили распиленные на кубики в карьере камни в строящуюся под горой войсковую часть. Закладывали казармы, ангары, взлетные полосы, бункеры для ракет.

День ото дня разрастался и поселок, разбитый неподалеку от карьера. В охраняемый вооруженными солдатами поселок посторонних людей не пускали. В 1951 году военных уже не было, остался лишь комендант. Это был офицер запаса, русский, ведущий разгульный образ жизни. Столько водки и вина в себя вливал, что всегда ходил с потным, красным, лоснящимся лицом.

Сельские пацаны повадились ходить в поселок. Забирали все, что попадалось под руку.

В поселке большей частью жили женщины и девушки. Переселенцы из неблагонадежных семей. Жили там еще и условно освобожденные. Бараки построили своими силами. Работали в карьере, резали кубики, грузили в самосвалы. Занимались женщины, в основном, мужской работой.

Отдохнув пару часов после тяжелого труда, выходили на улицу в поисках забав и приключений. Собирались на площади перед клубом. По нечетным дням недели организовывались танцы. Эти молодые женщины своим звенящим смехом украшали апшеронские вечера.

Сельская молодежь, предвкушая плод запретный, стремилась в поселок.

Комендант с ними не справлялся, не удавалось предотвратить происходящие каждую ночь драки. Арам дал коменданту слово покончить с этим безобразием.

Прошлая ночь выдалась тревожной. Произошла драка с поножовщиной между местными и условно освобожденными. Подоспевший на шум комендант получил пару тумаков. Порядок удалось навести только после прибытия солдат из войсковой части.

Участкового инспектора комендант встретил недовольно:

– Когда ты нужен, тебя не найти! – комендант смотрел на него в упор.

– Ей-богу, зря на меня злишься, участок у меня большой, – оправдывался Арам. – Не успеваю!

– Да, спишь в теплой постели, а я здесь порядок навожу.

Участковый инспектор был в курсе вчерашнего происшествия, потому насмешливо спросил:

– Значит, говоришь, всю ночь блудниц сторожил?

Комендант понял, что участковый в курсе вчерашних событий.

– Прошу тебя, помоги, если пришьешь пару милиционеров, достаточно будет.

– Об этом даже не проси, начальник наш не согласится.

– Ну и как быть? Говорят, вы, армяне, народ сообразительный. Где твоя армянская смекалка? Придумай что-нибудь!

– Не спеши, в этом деле спешить нельзя. Ты знаешь, что змей ловят руками сеида Ахмеда?

– Кто такой сеид Ахмед?

– Ты не знаешь, это местная поговорка, – участковый ухмыльнулся. – Так вот, здесь поблизости детский дом находится, возьмешь на работу трех его воспитанников, трех сирот, проблема решится сама по себе.

– Так мне не сироты нужны, крепкие ребята.

– Они крепкие сироты. Сколько у тебя свободных мест?

– В штатном расписании имеются всего две свободные должности. Директор клуба и уборщица. Третьего куда определить?

– Третий станет внештатным помощником директора клуба. Пойдет?

– Ну, пойдет, – согласился комендант, – где твои сироты?

Участковый инспектор самодовольно улыбнулся.

– Сироты здесь, – сказал он. – Я подготовленным пришел.

– Если так, зови!

Летом пятьдесят первого года в дверь Ануш бойко, по-хозяйски постучали. Ануш посмотрела в глазок. За дверью стоял молодой человек. Женщина в ужасе отпрянула от двери. Этот человек был точной копией убитого более тридцати лет назад Джанполада. Молодой человек, как и тот несчастный, был страшным и представительным. Когда прошел ужас, открыла дверь.

– Бабушка Ануш, ты что меня не узнала? – сказал молодой человек, обнимая старушку.

Саны выглядел старше своих лет. Схожесть с Джанполадом вблизи поубавилась. При всей схоже-

сти с ее бывшим любовником выражение лица внука было не таким суровым. И на свету даже приобретало какие-то нежные черты лица его матери Мары. И это тоже хранило в себе какую-то таинственность.

Ануш крепко обняла его, расплакалась, все спрашивала:

– Это, действительно, ты, Саны?

– Это я, бабушка Ануш! Ты почему забыла меня?
– спросил Саны. – Почему не приходила ко мне?

– Сынок, – приняв жалкий вид, оправдывалась Ануш. – Болела я.

– Теперь я буду о тебе заботиться. Как только мне исполнилось восемнадцать лет, меня из детского дома выпустили. Я еще и на работу устроился, – ударя себя в грудь, сообщил Саны.

– Где ты живешь?

– Хочешь, у тебя останусь.

После войны Ануш могла забрать Саны из детского дома, но страх тридцать седьмого года жил еще у нее в душе. Схожесть с Джанполодом настолько ее поразила, что она обо всем забыла.

– Оставайся, Саны, кто у меня есть, кроме тебя, – сказала она, мечтая скрасить старость.

В последнее время она часто вспоминала отделенную от тела голову Джанполада. Присутствие рядом Саны хотя мало что меняло, но все же приносило ка-

кое-то облегчение, было такое ощущение, что взяла под крыло свое Джанполада...

В тот же год в Баку вернулся Бади. Спокойная жизнь Ануш закончилась. Старший внук был полон злобы. Он всех ненавидел. Ануш вообще за человека не считал. Детская память бывает цепкой. Бади считал, что все несчастья семьи от бабки. Ее он презирал, но к брату был милостив.

– Где ты был, Бади? – Саны положил руку на плечо брата.

Юноша был много выше его ростом. Да и здоров, как бык. Саны, достигшего восемнадцати лет, из-за плоскостопия признали не пригодным к военной службе. Хлопотами Ануш его полностью освободили от воинской повинности.

Низкорослый Бади, взглянув на своего младшего брата снизу вверх, коротко сказал:

– Сослан был в Казахстан. Первое время мучился, как собака, потом привык. Когда началась война, попросился на фронт.

Когда Бади сослали в Казахстан, Саны был маленьким мальчиком. Сейчас, стоя рядом с братом, Бади чувствовал себя неудобно. Хотя и текла в их жилах одна кровь, они были совершенно разными людьми.

Не прошло и часа, как разругались.

– В этом доме я не останусь, – заявил Бади.

Квартиру Назыоглу Гулу не отобрали. Эта огромная квартира осталась за Ануш. Старуха пыталась уговорить Бади:

– Не уходи, сынок, это наш с тобой дом.

– В этом доме отовсюду кровь сочится, – сказал Бади. – Я и Саны заберу с собой.

– Ты можешь идти, куда хочешь, – тут же заявил Саны, – я останусь с бабушкой.

Ануш была тронута защитой Саны, прослезилась.

– Все золото, что у меня есть, богатство, все это ваше. Кроме вас, у меня никого нет.

Слезы женщины Бади не разжалобили.

– Кому нужно твое богатство, – сказал он. – К коммунизму идем, а ты о богатстве все твердишь.

– Богатство, оно всегда нужно, – возразила Ануш.

– Чего эти армяне такие падкие до денег? – издевательски сказал Бади. – Все о богатстве говорят.

– Ты наполовину армянин, – напомнила Ануш, – не забывай об этом. Богатство – это хорошо.

– Избавь меня от этого. Долгие годы мне достаточно было одной шинели. И теперь обойдусь как-нибудь без твоего богатства. – Бади пустил к потолку колечко дыма от папиросы. – Интересно, почему после отца квартиру не отобрали?

– Куда я только не ходила, чтобы сохранить эту квартиру.

– Да, за квартиру ты просила, а за Мару нет.

– Почему так говоришь, сынок, если бы не я, разве отправили бы жену врага народа в сумасшедший дом? Или приняли бы Саны в лучший детский дом? Сил не хватило, я бы и тебя от ссылки избавила, но не смогла.

– Где были твои армяне, которые все могли?..

– Каждый свою шкуру спасал... – ответила Ануш небрежно. – Ты не должен, сынок, никого винить. Если бы ты знал, что произошло, не говорил бы так.

Бади рассказали обо всем, что произошло.

После ареста мужа здоровье Мары совсем ухудшилось. Ее бы тоже выслали. Поначалу думали, что жена врага народа, чтобы спастись, притворяется сумасшедшей. После повторной медицинской проверки поверили, что Мара, действительно, больна.

Бади выслушал, но с бабушкой мириться не хотел. Спросил:

– Дом в селе стоит?

– Стоит! Если бы не я, давно бы развалился, – похвасталась Ануш.

– Я там буду жить.

Ануш уговаривать его больше не стала.

– Идешь, иди, но посети могилу матери, пусть душа ее возрадуется.

– Душа Мары, будучи живой, мне не радовалась, – сказал Бади, – думаешь, мертвой обрадуется?

И тут Сани взорвался, вышел из себя:

– Разве так разговаривают с бабушкой?

Бади в упор посмотрел на Саны.

– Ты, брат, Ануш не знаешь, – сказал он. – Все беды нашей семьи именно от этой женщины.

– Не говори так, сынок, – Ануш вытерла накатившуюся слезу.

И все же Бади, по настоянию брата, на могилу матери, пусть и неохотно, но пошел, в квартиру же эту, несшую ему с самого рождения несчастья и огорчения, не вернулся.

Бади ничего не оставалось, как отправиться в село, о котором лишь слышал, но где никогда не был. Не хотел зависеть от Ануш. Устроился работать в колхоз, и уже через пару месяцев его неожиданно назначили бригадиром. Конечно, не без стараний Ануш. Она все же не могла оставаться безучастной к судьбе внука, украдкой помогала ему, но Бади об этом и не знал.

Жил Саны у Ануш без страха, ничего не боялся. Бабушка оберегала его, как ангел– хранитель. Чуть забрезжит какая-то угроза над ним, все вверх дном переворачивала. Бежала на всех парах в милицию. Что бы Саны ни натворил, в чем бы ни был замешан,

его сразу же отпускали. Армяне, крепко обосновавшиеся в городской милиции, хотя и встречали с насмешливой улыбкой эту бойкую женщину, но в просьбе никогда не отказывали.

Женщина, действительно, жила, дышала этим своим бедовым внуком.

Вообще-то ее слово проходило не только среди армян, но, по сути, везде. Проработав многие года в городском партийном комитете, не было должностных лиц, которых бы она не знала. Она являла собой живой архив. Возразить ей было трудно. В запутанных ситуациях она могла привести такие аргументы, что у оппонентов почва из-под ног уходила.

Если бы не связи Ануш, внуку жилось бы несладко, давно сгнил бы в тюрьме. Казалось, надо бы на ус намотать, но Саны уроков для себя не извлекал. Каждый раз, избегая наказания, он все больше наглед.

Наказание за нанесение увечий должностному лицу он получил мягкое, полгода принудительно-исправительных работ.

В зале суда Саны определили на работы в каменный карьер. Необычность наказания заключалась в том, что Саны там же и работал, в должности директора клуба...

– Ну и где твои всемогущие армяне? – выговаривал Саны пришедшей к нему на свидание Ануш.

Ануш слушала, не сводя глаз с внука.

– Плохо помогли? – спросила она. – Нельзя быть таким неблагодарным, внучок.

Саны не соглашался.

– Это называется помощью?

– Слава Богу, что так обошлось, – спокойно отвечала Ануш. – Другого на твоём месте отправили бы в Сибирь.

Семья Кюрсюм

Гюлю, оставив на Равилей Ануш, направилась к Самае. Самая была дочерью её подруги, Гюлю она встретила радостно. Они ладили, несмотря на разницу в возрасте. Мария Топал с Кюрсюм были давними подругами. Было время, когда они вместе бегали на любовные свидания. Гюлю помнила это хорошо. Разбогатева, Кюрсюм положила конец этой дружбе и уже не искала встреч с потерявшей обе ноги Марией. А дочери оставались верными дружбе.

– Откуда ты идешь, Гюлю-хала? – обрадовалась Самая. – Я по тебе соскучилась.

Гюлю дотронулась рукой до округлившегося живота Самаи.

- Как маленький хитрец? – спросила она.
- Не говори так, обижусь, – ахунд расписал нас с Хатамом ага.
- Хорошо, не обижайся, – сказала Гюлю. – Растет!
- Стучит ножками.
- Интересно, мальчик или девочка?
- Мальчик будет.
- Откуда знаешь?
- Говорят, если живот округлый, мальчик родится.
- Перепадет ему доля сеидская.
- Конечно, мой сын тоже будет из рода пророка.
- Интересно, на кого будет похож?
- На отца, наверное.
- А если нет?
- Не говори ничего плохого, – испуганно сказала Самая. – И без того голова разрывается от дум всяких.
- Все время хочу спросить, не решаюсь.
- Гюлю хала, ты и не решаешься? – расхохоталась Самая. – Впервые слышу.
- Как тебе удалось уговорить Хатама? – Гюлю не стала скрывать интерес.
- Самая ничего не скрывала от подруги матери.
- С большим трудом, – сказала она. – Каждый раз мучилась, когда тащила его к врачу. Я его не виню, сдавать сперму непросто. Сколько раз растили плод

в пробирке, врача все не устраивало, но Хатам, дав слово, сдержал его, был все время со мной в больнице, пока утроба не приняла.

– Жаль, что я бесплодна, – шутя, сказала Гюлю, – а то бы попросила Хатама быть донором, я бы ему тоже одного агу родила.

– Иди, пусть тебя Саны оплодотворит! – Самая не скрывала свою ревность.

– Да он же жадина, – Гюлю совершенно не стыдилась, – кончать не хочет, скупится.

У Самаи Гюлю задержалась ненадолго. Поговорили, она сообщила ей на ушко, что должна была сказать. Потом прошла в соседнюю комнату, где Мария Топал, сидя в коляске, смотрела телевизор.

– Как там моя сестрица – миллионерша? – весело спросила старуха.

– Душа у нее тоже еле в теле.

– Почему обо мне не вспоминает?

– Тетушка, какие вы уже теперь сестры?

– Почему? –спросила Мария издевательским тоном. – В молодости делили одного мужчину, сейчас уж и делить нечего?

Гюлю нахмурилась.

– Будет тебе, тетушка, языком молоть.

Мария Топал самодовольно рассмеялась.

– Сестрице моей скажешь, чтобы навестила меня.

– Сестрица твоя, если сможет подняться с постели, придет, – сказала Гюлю, отошла от инвалидной коляски.

Провожая подругу до ворот, Самая прошептала на ухо Гюлю:

– Ты не боишься идти против Саны?

Гюлю ответила, не таясь:

– Ты бы так не говорила, если бы пережила все, что я пережила.

Отец Гюлю был из тех, кто прислуживал держащему в страхе весь уголовный мир Саны, всегда, как раб, стоял наготове. Главой семьи он был никаким, удержать в узде жену свою не смог. Кюрсом была горячей штучкой, на глазах у мужа могла тысячу дел провернуть.

Саны приходил в их небольшую квартирку на поселке по ночам. Гюлю тогда было пятнадцать, Шикилю пять лет. Отношения Кюрсом с Саны проходили прямо на глазах у детей.

Однажды хозяин семьи проиграл в карты Саны жену и пятнадцатилетнюю дочь. После этого все упростилось, Саны открыто, когда вздумается, приходил к ним домой. Юная Гюлю настолько прищлась по нраву Саны, что он целыми днями не выходил из их спальни. Кюрсом попыталась прекратить любов-

ные отношения, но Саны не согласился, продолжал забавляться и с нею, и с ее дочерью. Страсти обуревали всех троих, порою все трое в одной постели засыпали.

Прошедший через многое в тюрьме Саны заинтересовался и маленьким Шикилем. Прямо при Кюрсум сажал его к себе на колени. Но Гюлю его остановила. Напугала Саны, которого все боялись:

– Брата оставь в покое, иначе голову тебе ночью отрежу.

Однажды хозяин дома, отец Гюлю, исчез, этот факт никого не заинтересовал, оставил равнодушным. Семья полностью отдана была Саны. В этом была и своя положительная сторона. В селе им никто не мог ничего сказать.

Разбогатела Кюрсум на изломе советской власти. Повсюду в стране открывались вещевые рынки. В разврате Кюрсум удалось немного денег поднакопить. С помощью одного из своих любовников, работающего в милиции, стала заведовать небольшим базарчиком при вокзале. Вскоре базар разросся, превратился в огромный хозяйственный рынок.

За короткий период Кюрсум стала уважаемой женщиной. Ходили слухи, что Кюрсум всем, кто назовет ее сестрой, дарит по сто американских долларов. У богатых людей свои причуды. Отмывшись под денежным дождем, бывшая развратница пре-

вратилась в почтенную женщину. Теперь знатные мужи города предлагали ей руку и сердце. Конечно, голова на плечах у Кюрсюм была, она всех отвергала. В этом возрасте о каком бракосочетании может идти речь? Да и женское здоровье ее не позволяло. Денег становилось больше, но и боли тоже прибавлялись.

Кюрсюм все чаще и чаще стала болеть, с постели не вставала, руководство бизнесом ложилось на плечи сына.

У разбогатевшего Шикиля появилась странная мечта, но все его попытки результата не давали, дядя его Шири Шириев мириться отказывался. Как-то Шикиль остановил его на улице:

– Дядя...

Шири Шириев его перебил:

– У меня такого, как ты, племянника нет.

Кюрсюмоглу Шикиль искал путь к сердцу своего дяди.

– Я пришел к тебе, дядя, по поручению Кюрсюм. Сестра твоя хочет видеть тебя.

– У меня сестры с таким именем нет, – сказал Шири Шириев и пошел своей дорогой.

Кюрсюм, оставив рынок без надзора, сидела дома. Позвала врача. После лечения пришла немного в себя. Шикиль, сидящий у кровати, был грустен.

– Что с тобой вдруг случилось, Кюрсюм? – спросил он.

– Последние дни мои, сынок, – Кюрсюм пыталась улыбнуться.

– Что я буду делать без тебя? – у Шикиля по щеке текла слеза.

– Твои слезы, как бальзам на сердце, – сказала она и тут же сменила тему. – Теперь скажи, ты с дядей встретился?

Шикиль не стал от матери ничего скрывать, рассказал все, как было.

– Твой брат не человек. Разве что не повторял, как попугай. «У меня такого племянника, как ты, нет!»

– Ну если так, то и нам такой дядя не нужен, – сказала Кюрсюм.

– Мне не дядя нужен, а его связи, – сказал Шикиль с усмешкой.

– У нас достаточно денег, – Кюрсюм пыталась приободрить сына.

– Ты ведь знаешь, чем больше у нас становится денег, тем больше и врагов.

– Да, это так, – согласилась Кюрсюм, похвалив сына. – Ты прямо на глазах растешь. Но возможности дяди не стоит переоценивать.

– У тебя есть новости? – заинтересовался Шикиль.

– Тесть твоего дяди собирается перебраться в Москву. Шири скоро останется без поддержки, – сообщила она. – Не спеши!

– Головорезов Саны выпустили из тюрьмы, – сообщил Шикиль матери новость, о которой узнал от Гюлю. – Хватит уже ходить, склонив голову. С ним кончать надо, пока не поздно.

– Будь осторожен. Если Саны что-то заподозрит, нам конец, – предупредила мать.

– Назад пути нет, – сказал Шикиль с неожиданной решительностью. – Мать, я устал унижаться.

– Ты прав, – согласилась Кюрсюм. – И Саны должен познать горечь унижения. Да поможет тебе Аллах.

Гюлю была очень привязана к брату. Заменяла маленькому Шикилю мать. Когда мать уходила в разгул, за малышом, оказавшимся нежеланным ребенком, присматривала десятилетняя Гюлю. С тех пор между братом и сестрой зародились надежные, доверительные отношения.

Желание брата наладить отношения с дядей ей не нравилось, но она и не возражала.

– Ты куда? – спросила Гюлю.

– Я не понимаю его, – пожаловался Шикиль, – никак не могу понять. Не хочет мириться.

– Я тоже тебя не могу понять. Зачем тебе с ним мириться?

– Мне поддержка нужна, – сказал Шикиль. – Ты знаешь, что я собираюсь воевать.

– Я не советую тебе воевать.

– Почему?

– Война всегда кончается плохо.

– Если ты меня поддержишь, все хорошо будет...

– Я всегда с тобой.

– Не передумаешь?

– Я уже сказала...

– Может...

– Этот человек испоганил мне детство, отнял у меня молодость. Несмотря на все это, я считала его своим мужем. Поседела, навещая его в тюрьмах. Видела я и благодарность его, чем отплатил он мне за все хорошее.

В прошлый раз, когда Саны вышел из тюрьмы, он вернулся не один. Привел с собой русскую девушку. Красавица была неопиcуемая. Гюлю не достойна была даже полить воды ей на руки. Саны содержал эту женщину в прибрежном дачном доме Кюрсюмоглу. Гюлю вынуждена была ей прислуживать. Но это длилось недолго, Саны вновь арестовали. Русская красавица, как неожиданно появилась, так же неожиданно и исчезла.

– Чего же ты тогда беспокоишься?

– Я боюсь тебя потерять, брат.

– Не бойся, Саны уже не прежний Саны. Хватку потерял, сколько уж лет из «зон» не вылезает?

– Тебе, брат, это только кажется. Ты не знаешь всей его мощи.

– За ним стояли армяне.

– Такие, как Саны, не остаются без поддержки. Он всегда у кого-то на цепи, – сказала Гюлю. – Может, обратишься к Меликаждару? Только на него и можно положиться...

... Хатам не мог отвести взгляда от Самаи. Беременность придавала ее красоте новый оттенок. В облике появилось нечто ангельское.

– Спешу, – Хатам в дом проходить не стал. – Думаю, что и сегодня из-за какого-нибудь пустяка вызвала меня.

– Нет, на этот раз по важному делу...

– Пусть Гюлю не выпускает из виду этих бандитов, – выслушав ее, сказал Хатам. – Сообщает мне о каждом их шаге.

– Агаоглу, береги себя, чтобы мой младенец не родился без отца.

– Не беспокойся, – Хатам вздохнул. – Зря я подключил тебя к этому делу.

– Ты меня пугаешь! – еще больше забеспокоилась Самая.

– Пока не родится ребенок, из дома не выходи, – сказал Хатам после некоторого раздумья. – Во двор не спускайся, никому, ни соседям, ни чужим двери не открывай, ни с кем в контакт не вступай. – Он несколько раз повторил номер телефона, попросил запомнить. – Спросишь Адама, позовешь меня.

Самая удивилась:

– Семье, близким своим о нас с тобой не говоришь, почему брат об этом должен знать? – спросила она. – Пойдет и тут же доложит аге.

– Брат мой человек ветренный, но не болтун, тайны хранить умеет, – успокоил ее Хатам. – С Гюлю общайся только по телефону.

– Это все из-за друзей Саны?

– Возможно, – сказал он. – С повитухой договорился, с завтрашнего дня будет оставаться с тобой.

– И ночью тоже?

– И ночью, и днем. Одним словом, пока ребенок не родится, с тобой будет, и ходить за продуктами, и готовить еду.

Самая с благодарностью схватила его руку, поднесла к губам, поцеловала.

...Меликаждар в раздумье перебирал четки. В беседе было тихо. Ага решил поделиться своим решением с находящимися рядом. Ни Халис, ни Мизи и

слова не проронили, хотя сказанное имело отношение к ним обоим. У Сейфала волосы зашевелились. Наконец, Мизи, еле ворочая языком, отметил:

– Значит, скоро и Саны отпустят. Так?

– Это правда, что его цепных собак, Равилей отпустили? – выразил сомнение Халис. – Случается, что подобные слухи оказываются ложью.

– Лоту Фахы врать не станет, – Меликаждар раскрыл источник информации.

– И Хатам ага то же самое говорил.

– Интересно, а он от кого узнал? – спросил Мизи.

Сейфал пожал плечами, в беседке снова воцарилась тишина.

Все ушли, Меликаждар с Сейфалом остались наедине.

– Как идет обучение Халиса? – спросил ага.

– Неплохо, все быстро схватывает, – похвалил его Сейфал, скоро ему можно будет поручить книгу расчетов.

Меликаждар не всем был доволен.

– Разве Халиса можно найти в Святилище, чтобы поручать ему книгу приходов и расходов.

Сейфал не стал скрывать:

– Да, это так, он не любит сидячую работу. Может, поручить ему охрану?

– А что делать тогда с Мизи?

– Да пусть в Святилище своим главным делом занимается, – решительно сказал Сейфал, – готовка еды, уборка. Постарел он уже.

Меликаждар тяжело перевел дыхание:

– Предложение интересное. Но меня не устраивает, что Халис будет связан с буйной молодежью. Я слышал, в одной из теплиц он организовал бойцовскую секцию, соревнования проводит. Надо узнать, зачем это ему?

– Я спросил его об этом. Он, рассмеявшись, сказал, что досуг так проводит.

– Поинтересуйся, какова его истинная цель, – попросил Меликаждар.

– Хорошо, ага, – ответил Сейфал и, отметив некую обеспокоенность в благообразном лице аги, вышел из беседки.

Шикиль

Шикиль, прислушавшись к совету сестры, несколько дней ломал голову, продумывал ход действий и вместе с тем решил быть осторожным. Дождлся вечера, в вечерних сумерках поехал в Святилище. Чтобы не вызвать подозрения, прошелся пару раз тайком вокруг святыни, положил в ко-

робку для пожертвований несколько крупных купюр. Потом послал за Сейфалом одного из охраны. Шикиль не успел докурить сигарету, как его окликнули. Это был Сейфал.

– Пойдем, ага тебя ждет, – сказал он.

Меликаждар и Халис были на ногах. Мизи стоял, прислонившись к косяку двери. Поздоровавшись с гостем, все сели.

От угощений Кюрсюмоглу отказался.

– Я пришел поговорить, – он виновато улыбнулся, – хотел бы поговорить с ага с глазу на глаз.

– Чужих здесь нет, – Меликаждар отрицательно покачал головой, – я им доверяю.

Кюрсюмоглу повторяться не стал, начал без предисловий.

– Я думаю вы знаете, Равили вышли из тюрьмы.

– Знаю, – на лице Меликаждара и мускул не дрогнул.

– Все знают, что Саны мой друг.

– Да, я и это знаю, – подтвердил Меликаждар.

– Все знают, что Саны мне доверяет.

– И это мне известно, – Меликаждар кивнул. – Знаю, что Саны только тебя пускает в свой дом, в твой ресторан приходит без телохранителей. О вашей дружбе ходят легенды.

– Но наши взаимоотношения с Саны нельзя называть дружескими, – сказал Кюрсюмоглу.

– А как можно назвать?

– По сути... по существу...

– По сути, Саны твой отчим, – не сдержался Меликаждар.

– Я бы так не сказал, – холодно заметил Кюрсюмоглу. – По сути, он любовник моей матери.

Услышав такое постыдное откровение, ага с интересом посмотрел на Кюрсюмоглу.

– Я этого не говорил.

– Сказал или подумал, какое имеет значение! Это Саны направил по этому пути мою мать.

Тут Меликаждар возразил.

– Саны не виновен в том, что мать твоя встала на этот путь! Моя молодость прошла в поселке. Кюрсюмогла сама выбрала этот путь.

Кюрсюмоглу поморщился.

– Мама о тебе всегда хорошо говорит, ноги тебе готова целовать.

Меликаждар смотрел на Кюрсюмоглу с опаской, как на змею, поднявшую голову, готовящуюся к прыжку.

Кюрсюмоглу не спеша достал из кармана пистолет, положил его на стол. Участники беседы разом побледнели. У Меликаждара и волос не шелохнулся.

– Это мне дал начальник милиции, – сообщил Шикиль.

Меликаждар осторожно спросил:

- Зачем он тебя вооружил?
- Как только Саны выйдет из тюрьмы, я должен убить его.
- Ты согласился?
- Другого пути у меня нет, – сказал Кюрсюмоглу.
- Начальник милиции держит меня за ворот. Не соглашусь, посадит на десять лет.
- Что ты натворил? – спросил Меликаждар.
- Когда-то в моем ресторане убили официантку, меня в этом обвиняет.
- Это дело ведь закрыли.
- Что стоит во имя торжества справедливости снова его открыть?
- Что, сказал, арестует тебя?
- Как говорит начальник милиции, на ноже, орудии убийства, есть мои отпечатки пальцев.
- О каком ноже идет речь? – Меликаждар не понял.
- О том самом, который вонзили в грудь официантке, – пояснил Кюрсюмоглу.
- Выходят, официантку убил ты!
- Что ты, ага! Я голову в сторону отворачиваю, когда курицу режут при мне, боюсь, сердце не выдержит. В тот день, наверное, мне в еду что-то подмешали. Ничего не помню. Да и не резон мне было ее убивать. К кому не пошлешь, шла, под кого скажешь, под того и ложилась.

– Значит, тебя подставляют.

– Да, это так, – согласился Кюрсюмоглу. – Но я иду на это не только потому, что меня подставляют.

– Какая еще причина?

– С Саны пора заканчивать, ага! Он ведет себя у меня дома, в ресторане, как хозяин, хочу этому положить конец.

– Убьешь Саны, тебя посадят!

– Не посадят, ага, – уверенно сказал Кюрсюмоглу.

– Откуда знаешь?

– Знаю, – сказал Кюрсюмоглу. – Меня могут убить, но не посадят. Ты не смотри, что я такой, мне много тайн известно.

– Люди Саны тебя прикончат. Они не оставят в покое убийцу Саны.

– Начальник милиции дал слово, что спасет меня от людей Саны.

– Ну, допустим, – Меликаждар перевел дыхание.

– Почему ты все это мне рассказываешь?

Кюрсюмоглу объяснил все очень просто:

– Саны твой кровный враг.

– Это все знают, – холодно заметил Меликаждар. – Известный факт.

– Я пришел к такому выводу, что и ты хочешь его смерти.

Меликаждар ответил холодно:

– Кто это тебе сказал? Начальник милиции?

– Нет, о моих предположениях начальнику милиции неизвестно, – ответил Кюрсюмоглу.

– Может, тебе видение было? – насмешливо спросил Меликаждар.

– Ты зря надсмехаешься, – Кюрсюмоглу и не думал обижаться. – Я знаю, что делаю.

Меликаждар после некоторого раздумья задал неожиданный вопрос.

– Почему начальник милиции хочет смерти Саны?

– Делиться не хочет. Знает, как только Саны выйдет, схватит его за горло, потребует свое.

– Не хочет, сразу же снова засадит его, как только выйдет из тюрьмы.

– Поймать Саны начальнику милиции не по силам. Есть кому за него постоять.

– Что же ты от меня хочешь? – спросил устало Меликаждар.

– Помощи!

– Я потомок пророка, а не убийца.

– Да знаю я, ага, – улыбнувшись, сказал Кюрсюмоглу.

– Знаешь, так что же тогда...

Кюрсюмоглу перебил его:

– На первое время, когда я убью Саны, мне скрываться надо будет, хочу, чтобы ты мне помог.

– Разве начальник милиции не обещал тебе охрану?

– Обещал.

– Чего же ты боишься?

– Не верю я ему, – объяснил Кюрсюмоглу. – Когда я Саны убью своими руками, кому надо будет меня охранять! Напротив, им будет выгоднее и меня убрать. Но если ты мне поможешь, никто меня не достанет.

Меликаждар отвечать не спешил, перебирал в руках четки. Непонятно, что уловил в наступившем молчании Кюрсюмоглу, но он вдруг сказал:

– Спасибо, ага! У меня еще одна просьба к тебе.

– Говори, Шикиль!

– Ага, я хочу, чтобы ты помирил меня с моим дядей.

Меликаждару все было известно, потому он сразу же отказался. Кюрсюмоглу повторил свою просьбу.

– Ага, мой дядя Шири только тебя слушается.

Ага покачал головой.

– Шикиль, сынок, Шири сейчас совсем другим человеком стал. Должность, богатство его полностью изменили, испортили. Он поверху летает, пока не споткнется, не упадет, не образумится, – сказал Меликаждар, потом поинтересовался. – Шикиль, сынок, чего это ты вдруг решил мириться со своим дядей?

– Знаешь, ага, у матери моей сейчас здоровье плохое, ждет своего брата.

Меликаждар хотя и не поверил сказанному Кюрсюмоглу, но все же сказал:

– Я, конечно, готов помочь, но твой дядя не тот человек, с которым стоит о чем-то говорить.

Кюрсюмоглу знал, что ага прав.

– Что ты посоветуешь?

Меликаждар, на мгновение задумавшись, дал совет:

– Не спеши, Шикиль, в скором времени произойдут перемены, найдется и повод для примирения.

История Шири Шириева, брата Кюрсюм

Когда родился Шири Шириев, его сестре Кюрсюм было уже двадцать лет. Отец работал на карьере, на работу каждый день ходил пешком.

С войны вернулся больным, чуточку контуженным. Шириев -отец дружил с рюмкой, хотел, залив спиртным, забыть земные горести. Не любил село, в котором родился и жил. Ему по нраву была бурная жизнь поселка. Зачастую приводил сюда, иногда и в клуб всю свою семью. В клубе часто показывали кинофильмы.

Дочь его Кюрсюм, познав прелести поселковой жизни, вскорости сбилась с истинного пути, по плохой дорожке пошла. Шириев-отец, хоть и был выпивохой, однако патриархальным сельским устоям жизни оставался верен. Распутную дочь свою из дома выгнал. После этого прожил недолго.

Мать Шири, устав от молвы, осуждений соседей, наспех, не торгуясь, продала дом в селе, перебралась в поселок. Чтобы прокормить маленького Шири, устроилась в контору уборщицей. Дочь свою прокляла, так как считала ее виновницей смерти мужа, до конца жизни с ней не помирилась.

Шири с самого детства пропадал в военном городке. Дружил с русскоязычными детьми, дочерьми Каштана. Когда полковник Иванов получил назначение в эту военную часть, познакомился с его дочерью Альбиной. Это и определило его будущее.

Военную службу прошел в Баку в войсковой части, к которой привык, где пропадал с детства. С помощью будущего тестя поступил в высшую военную школу. Закончив ее, какое-то время служил офицером, женился на дочери полковника. Позже ушел в запас по болезни. Благодаря поддержке тестя-генерала Шири стал директором крупного предприятия. Субтропический совхоз, которым он руководил, занимал огромную территорию Апшеронского

полуострова. Основан совхоз был на базе нескольких сельских хозяйств.

Талант умелого руководителя у бывшего офицера проявился быстро. Сумел восстановить разрушенные хозяйства колхозов. Трудно было поверить, что из вояки может получиться такой деятельный хозяйственник. Он привык жить по приказам. В армии дослужился до майора. Внешне казался очень серьезным человеком, но в душе не без странностей. Было в нем нечто шутовское. Укрепившись на месте, стал заигрываться. Работников совхоза ставил в строй, проводил учения. Учил поворотам направо, налево по команде.

Дошло это до генерала. Он вызвал Шири, стал выговаривать.

– Шири, что ты творишь, совхоз – это тебе не армия! – сказал он. – Перестань дурачиться.

Шири не согласился.

– Нет, пусть учатся, – сказал он. – На войне пригодится.

– С кем ты собираешься воевать?

– Война уже идет, генерал, – сказал Шири, – из Армении гонят азербайджанцев.

– Я это знаю, – генерал не верил, – центр не позволит.

Шири покачал головой.

– И центр не сможет остановить армян.

– Откуда знаешь?

– Служил с ними. Я армян хорошо знаю.

– Ты думаешь, армянам разрешат развалить страну? – спросил генерал. – Мне кажется, через пару месяцев все успокоится.

– Не успокоится. Наша война с армянами еще впереди.

– Во всяком случае из колхозника бойца не сделать, – генерал решил положить конец спору. – Для битвы нужны регулярные войска.

Шири от своих намерений не отступил. Через некоторое время стал снова отправлять на работы в приказном порядке. Этой его прихоти подчинялись, но требования исполняли не в полной мере.

Зная, что есть, на кого положиться, Шири работал спокойно. Заботился о вверенном ему хозяйстве, оберегал, как зеницу ока. Дрожал над каждым кустиком. И не думал, конечно, что совхоз в один из прекрасных дней станет его личной собственностью.

Шириев не знал покоя ни днем, ни ночью. Его двухдверный УАЗик был всегда в поле, всегда в пути.

На исходе советской власти совхоз становился все более лакомым кусочком. Если бы не протекция генерала Иванова, Шири бы оттуда вытеснили. Заполучить этот жирный кусок хотели многие. Чего

только в совхозе не было. Крупная животноводческая ферма, объекты, производящие молочную продукцию, бескрайние фруктовые сады, комбинат для переработки фруктов, образцовая птицеводческая ферма, куда на экскурсию приводили школьников. Было на что посмотреть в этом богатейшем хозяйстве.

Шириев был очень доволен своей судьбою, прекрасной женою. Генеральская дочь Альбина была очень заботливой, приветливой женщиной. У них был один ребенок, сын, скоро ему должно было исполниться семь лет. Поздний ребенок был любимцем и отца, и деда.

Шири, исходя из сложившегося положения в семье, с Кюрсюм никаких отношений не поддерживал. Жена его поначалу не вмешивалась в отношения между братом и сестрой. Прошло время, Кюрсюм разбогатела, стала миллионершей. Шикиль Кюрсюмоглу сумел найти подход к жене дяди, вошел в доверие. Однажды генеральская дочь сказала:

– Мне кажется, ты должен помириться с сестрой.

– Не стану я мириться, она опозорила нашу семью, – заявил Шири.

– Посмотри, сколько времени прошло. – Альбина пыталась его уговорить. – У нее дочь твоих лет, сын.

– Дочь ее такая же, как она сама, сожительствует с преступником.

– Гюлю говорит, что Саны не любовник ее, а муж,
– возразила Альбина. – Твой племянник Шикиль
очень хочет восстановить семейные отношения.
Приходил недавно, жаловался на тебя. Говорил,
дядя меня за человека не считает.

– Они тебя адвокатом наняли?

– Шири, дорогой, сейчас твоя сестра – шестидеся-
тилетняя старая женщина, пожалей ее.

– Это невозможно! – закричал Шири.

– Прошу на меня не кричать, – чуточку повывисив
тон, заявила Альбина, – она из богатейших людей, у
нее миллионы, встречается с государственными му-
жами, к ней на прием приходят священнослужите-
ли, к ее мнению прислушиваются, ты же...

– Честь не деньгами мерят, – Шири попытался за-
вершить этот неприятный разговор.

– Родственники должны быть опорой друг другу,
– продолжала хозяйка дома.

Шири поднялся на ноги:

– С этим разговором мы покончили, – сказал он.
– Больше его не начинай.

Альбина, какое-то время помолчав, сказала:

– Сестра твоя неизлечимо больна, она при смер-
ти, Шири.

– Не умрет! – Шири отказывался слушать.

– Потом ты будешь жалеть!

– Не буду.

Альбина ханум обиженно отвернулась от мужа. Несмотря на небольшие разногласия, они хорошо и счастливо жили под крылом ее отца. Иногда, правда, это Альбину ханум пугало.

Новое назначение генерала Иванова

Генерал рано утром неожиданно постучался к ним. Чтобы не пугать дочь с зятем, поспешно заявил:

– Не беспокойтесь, пришел сказать вам, что получил назначение в Москву. Конечно, это не та высокая должность, которую я желал получить, но тем не менее.

Альбина поднесла палец к губам.

– Ребенок спит, папа.

Генерал, чтобы не разбудить спящего в соседней комнате внука, тихо сказал:

– Приказ дали прошлой ночью. Сегодня я должен отбыть в Москву.

Шири почесал затылок.

– Без тебя плохо будет, – сказал он.

Альбина, узнав о новом назначении отца, сказала:

– Зря ты, отец, согласился. Новая должность совсем тебе не подходит.

– Согласиться мне было трудно, – сказал генерал.
– Но оставаться в Баку я больше не могу.

– Почему?

– Митинги в городе плохо закончиться могут. Войска должны будут вмешаться, – объяснил генерал. – Остаться в стороне станет невозможно. Вынужден буду пойти танками, БТРами на друзей. Этого я себе позволить не могу.

– Меня раздавят, – Шири говорил о своем. – Даже при тебе возникали порой проблемы. Что будет после тебя, даже представить трудно.

– Не бойся, я поручу тебя Меликаждар аге, – сказал генерал. – Заеду к нему перед отлетом.

– Что может сделать Меликаждар? Он ведь не министр, а священнослужитель.

– Он значимее министра, – сказал генерал. – Увидишь!

Стоял полдень. К штабу Святилища подъехало несколько легковых автомобилей. Все с военными номерами. Из машин вышли военные высоких чинов. Генерал шел впереди.

Встревоженный охранник побежал в павильон к аге. Двустворчатые ворота распахнулись. Меликаждар ждал появления генерала. Находящиеся с ним люди вышли встречать гостей.

– Что же вы все попрятались за спину генерала, это противоречит правилам, – Меликаждар, улыбаясь, здоровался с каждым гостем за руку.

Генеральская свита немного растерялась. Генерал шутку оценил.

– Да это еще что, ага, – сказал генерал. – Будь их воля, оставили бы своего начальника, разбежались.

Меликаждар дал знак, чтобы стоящие поодаль Сейфал, Мизи, Халис подошли. Подождал, пока они поздороваются с гостями, взял генерала под руку:

– Проходи, – сказал он, – мы вас ждали.

Генерал заходить не стал.

– Времени мало, – сказал он. – Военный самолет меня ждет.

– Куда собрался? – удивился Меликаждар.

– Пришел с тобой попрощаться, – генерал отошел от своей свиты. – Отойдем в сторону, я тебе должен кое-что сказать.

– Меня зовут в Москву. Там буду служить.

– Счастливого пути! – Меликаждар пожелал ему удачи.

– Хочу сказать, вне зависимости от того, что происходит, я всегда ваш друг.

– Я это знаю, – сказал Меликаждар. – Генерал, а что с нашей договоренностью?

– Сейчас сказать трудно, – ответил генерал, позвал телохранителя. – Пока держи связь с капитаном. Там посмотрим.

Меликаждар недоверчиво посмотрел на стоящего в двух метрах от них капитана. Спросил у генерала:

– Деньги тоже капитану отдавать?

Генерал кивнул, чтобы снять все подозрения Меликаждара, сказал:

– Этому человеку доверять можно. Много лет уже со мною.

– Поживем, увидим, – Меликаждар вздохнул.

– У меня к тебе одна просьба, – сказал генерал после некоторого молчания.

– Пожалуйста, генерал.

– Ты присматривай за Шири Шириевым.

– Как только зять твой обратится, я всегда приду на помощь, – ты же знаешь, я верен в дружбе.

Генерал кивнул.

– Да хранит тебя Аллах, – сказал он.

– Не забывай нас, генерал, – сказал Меликаждар, протягивая руку.

Генерал не стал пожимать его руку, просто обнял маленького мужчину. Потом решительным армейским шагом направился в сторону ожидавших его людей.

Водовоз Пири

После отъезда гостей все направились в переговорную комнату, оставаться на улице было холодно. Как только Меликаждар достал свои четки, Сейфал обратился к нему.

– Прости, ага, знаю, ты устал, но водовоз Пири давно уже ждет на улице перед переговорной.

– Что ж теперь делать? Зови, – сказал Меликаждар, тяжело вздохнув.

– Какие перемены! После генерала водовоз, – Халис пытался улучшить настроение отца.

Сейфал знаком подозвал водовоза Пири. Тот быстрыми шагами подошел к аге. Поздоровавшись, сел на указанное место. На мгновение наступившую тишину нарушил тихий голос аги:

– Я же говорил тебе, что сам найду тебя, когда нужен будешь.

– Прости, ага, но я услышал дурные вести. Пришел узнать о твоём самочувствии, – сказал Пири виновато.

– Что ты такого услышал? – спросил Меликаждар.

– Ага, говорят, Саны вышел из тюрьмы, – Пири сглотнул слюну.

Меликаждар был встревожен скоростью распространения этого слуха, но сказал честно:

– Не Саны, а его головорезы.

– Ты говоришь о Равилях, ага?

Меликаждар кивнул головой, водовоз Пири привстал на колени.

– Тогда позволь мне уйти, ага, – сказал он.

– Сиди, у меня есть, что сказать тебе.

Водовоз Пири снова сел на ковер.

– Пожалуйста, ага, – потом вдруг непонятно, что ему пришло на ум, спросил. – Не знаешь, когда Саны самого выпустят?

– Полагаю, что в ближайшее время, – ответил ага и после паузы добавил. – Я тебе в прошлый раз говорил и теперь повторяю, Пири, брат, смирись с реальностью, выбрось дурные мысли из головы.

Пири побледнел.

– Ага, ага...

– Что, Пири?

Пири приподнял прикрывавшие лоб седые волосы. Показал надпись старым алфавитом на лбу.

– Лоб мой огнем пылает... Эту надпись на лбу мне нацарапали лезвием бритвы, когда я был без сознания. Десять лет пылает. Дотронься рукой.

Меликаждар знал о надписи на лбу Пири, касаться ее не стал, положил руку ему на плечо.

– Прошное надо простить, Пири. Саны теперь шестьдесят лет, одной ногой в могиле. Не лезь снова в беду, продолжай трудиться.

– Прощения быть не может, ага. Даже если это будет мой последний день, я должен отомстить, – сказал Пири, ударив вдруг кулаком по колену.

– В твои годы в тюрьме нелегко тебе будет...

– Покончу с Саны, а там будь, что будет, – с готовностью сказал Пири.

– Ты не очень рассчитывай на мою помощь, – сказал Меликаждар, – бывают времена, когда делу не помочь ни словом, ни деньгами.

– Я должен отомстить!

Меликаждар, воздев руки к небу:

– Аллах свидетель, я сделал, что мог, чтобы отговорить тебя.

– Этот грех запиши на меня, твоей вины здесь нет, – сказал Пири, потом обратился с тайной просьбой.
– Твоего благословения будет достаточно.

Меликаждар решительно отклонил его просьбу.

– Я благословения на убийства не даю, – сказал он и сменил тему разговора. – Машина твоя на ходу?

Зная странности аги, водовоз Пири жаловаться не стал.

– Твоей милостью колеса крутятся, – сказал он. – Не беспокойся, Святилище и поместье без воды не оставлю.

Семь-восемь лет назад Пири, освободившись из тюрьмы, пришел в Святилище просить помощи. Сказал, что его никто не берет на работу. Меликаждар договорился, ему дали водовоз, десятитонный КрАЗ. С тех пор Пири возит питьевую воду в сельскую школу, детский сад, иногда где-то подхалтуривает, тем и кормится.

Если у вас больше ничего нет, ага, я пойду.

Меликаждар покачал головой.

– Иди, машину держи на ходу, – сказал он, и отчего-то обратился к Халису. – Проводи брата Пири.

Тюремные годы Пири

Пири, конечно, не ангел. Детство было шаловливым. В тюрьму попал, будучи еще пацаном из-за воровства. И в детской колонии вел себя беспокойно. Несчастные дети, собравшись, нанесли увечья жестокому надзирателю. Пири прибавили срок, нагрузили еще пять лет. Когда уже вырос, стал совершеннолетним, перевели из детской колонии в одну из зон в Сибири. Так получилось, что Пири и Саны попали в один барак. Там было двадцать заключенных. Вокруг Саны сплотилось трое-четверо мусульман. Христиане же держались вора в законе по кличке Кулик. То, что Пири попал туда, вызывало у него сожаление. Саны его к себе почему-то близко не подпускал.

И христиане его не жаловали. Пири находился между двумя группировками. Им все понукали. Холодными зимними ночами он должен был следить за печкой, не дать погаснуть огню. Он опустошал парашу, чистил обувь, убирал в бараке. Должен был бегом беспрекословно выполнять поручения заключенных, нельзя было замешкаться, иначе избивали.

Противостояние между группировками никогда не переходило в открытую войну. Не вмешивались в дела друг друга. Хотя мусульман было меньше, хри-

стиане сладить с ними не могли. Даже надзиратели опасались суровости Саны, его необузданности, его тяжелых кулаков.

Кулик убил человека, но с виду казался вялым, флегматичным, вечно сонным. Это было всего лишь маской. Если кто по незнанию затевал с ним драку, становился жертвой этой маски. Кулик был быстрым, отлично орудовал лезвием.

Надзиратели в этой «зоне» слыли особенно жестокими. Достаточно было один раз попасть в блок наказаний, чтобы этого хватило на все остальное время. После блока наказаний заключенный, едва услышав грубый окрик надзирателя, мог намочить штаны. Редко кто, попав в блок наказания, сохранял в себе человеческое.

Старшим надзирателем барака был выросший в Баку русский парень. На зону назначение получил недавно. Работал шесть-семь месяцев. Услышав от заключенных нечто, царапнувшее слух, он заинтересовался. Готовый на все ради повышения по службе, сразу же побежал к начальнику.

– Начальник, идет подготовка, готовится побег.

– Откуда узнал? От Шерлока Холмса? – начальник к известию отнесся скептически.

Надзиратель не сдался, стал настаивать и, наконец, получил разрешение начальника.

Новый надзиратель какое-то время с интересом наблюдал за Пири, оказавшимся между двумя группами. В памяти его оставалось несколько азербайджанских слов. Он вспомнил их. Несколько дней ставил Пири на легкую работу.

Однажды подозвал убирающегося в кабинете Пири.

– Земляк, иди сюда, сядь!

Он протянул Пири, присевшему на край табурета, буханку белого хлеба.

– Здесь ешь, в барак отнесешь, отнимут.

Пири был тронут добрым отношением надзирателя. Схватив буханку обеими руками, начал есть, не поднимая головы. Соленые слезы заменили соль.

– Я переживаю за тебя, – сказал старший надзиратель с деланной озабоченностью. – Вижу, обижают тебя со всех сторон. Один ты совсем. Поможешь мне, и я не позволю, чтобы тебе срок накрутили.

– Я готов помочь...

Надзиратель решил еще больше расположить его к себе.

– Мы знаем, что мать у тебя русская, – сказал он. – Почему по-русски говоришь плохо?

– Меня воспитывали отец с бабушкой, поэтому плохо знаю русский язык.

– Но это не имеет значения, я все равно тебе буду помогать. Иначе вообще сдохнешь здесь.

Пири прижал обе ладони к груди.

– Спасибо, – сказал он. – Гражданин начальник, что я должен делать?

Надзиратель внимательно посмотрел ему в глаза.

– С этого дня будешь мне сообщать, о чем говорят в бараке и в зоне в целом. Понял?

Пири согласно кивнул. Надзиратель поднялся, взял дубинку, именуемую резинкой.

– Опустит голову и крепко стой на ногах, – приказал он.

Пири, удивившись приказу, опустил голову.

Надзиратель неожиданно нанес ему пару ударов. Профессионально разбил нос, лицо. Заключенный взревел от боли.

– За что бьешь, гражданин начальник? Я же согласен...

Надзиратель остался доволен своей работой.

– Глупец, для твоей же пользы бью. Пусть в бараке видят, что ты наказан. Теперь иди работать. Держи язык за зубами, не вздумай меня обманывать.

Через несколько дней Пири поправился. Каждый день, заходя в отделение прачечной, сообщал о том, что слышал и видел.

– И это все?

– Да, все.

– Ну тогда проваливай.

Летом на зону поступила новая партия заключенных. Одного из них по кличке «Адвокат» поместили в их бараке. Заключенный был болезненного вида. После того, как они с Куликом пошептались несколько минут под одеялом, его перевели поближе к печке, чтобы пропотел, выздоровел. Вскоре выяснилось, что Кулик считается с ним.

Пири как-то возвращался в барак из прачечной. Живот вдруг прихватило. В кусты подался, только присел, как услышал голоса, прислушался. Разговаривали двое, Кулик и недавно прибывший заключенный.

– Не могу сказать, не могу. Одно скажу, спрятал, крепко спрятал. Выйду из тюрьмы, поделим. Даже не сомневайся! Это я говорю, Кулик! – Кулик говорил зло.

– Видно, кличка твоя тебе по вкусу пришлась, – сказал второй. – Балбес, я тебе дал эту кличку, чтобы ты здесь передо мной красовался?

Кулик заговорил спокойнее.

– Я никогда не забуду твое добро. Но давить на меня не надо, не советую.

Адвокат ухмыльнулся.

– Братан, то, что ты спрятал, это ведь не только твое. Общее.

– А если я скажу, что все мое, – вновь повысил голос Кулик. – Никто не знает, через что, через какие муки я прошел! Но они так и не узнали, где деньги.

– За это все тебя и ценят! Но сейчас друзьям нужны бабки. Скажи, где ты их спрятал, твою долю не тронут, оставят. Я гарантирую.

– Пока я в тюрьме, деньги будут там, где я их спрятал, – решительно заявил Кулик после некоторого раздумья.

– Тебе сидеть еще десять лет. Ведь бабки сгниют, пока ты выйдешь, – задумчиво сказал Адвокат.

– А я здесь не гнию! – Кулик заговорил спокойнее. – Вот если бы побег устроить!

– Отсюда сбежать трудно, на сотни километров – ни души, тайга! О побеге забудь. Побег невозможен.

– Ну, как знаете! – спокойно сказал Кулик. – Пусть тогда деньги гниют в земле. Мне, дураку, надо было всех заложить. Почему все взял на себя? Зачем терпел карцеры, электрошокеры?

Адвокат слушал с издевательской улыбкой.

– Ты, братан, цену – то себе не набивай. Меня отпустят через месяц. План побега я на всякий случай

уже продумал, – сказал он, самодовольно добавив, – чем, по -твоему, я здесь занимался?

Кулик улыбался.

– Так бы сразу и сказал! Чего тогда пытаешь меня? Так сразу бы и начинал.

– Я проверял тебя.

– Дай-ка тебя обнять, братан. Я так соскучился по Москве белокаменной.

Адвокат на разделял его радости.

– Ты не особо радуйся, – сказал он. – С теми документами, что будут у тебя, и Уральские горы не пересечь. Надо будет отсидеться в Казахстане, в Средней Азии.

– Да хоть на другом конце света, – продолжал радоваться Кулик, – лишь бы на свободе. Говори, как организуешь побег?

– Потом поговорим... Идем, поздно уже.

Кулик с Адвокатом отошли от зарослей. Пири вышел из укрытия. Чувство солидарности с заключенными поселило в его душе отвращение к тюрьме, к надзирателям. Пири решил молчать.

Однако произошло нечто, что заставило его нарушить воровскую солидарность. Проснувшись утром, Пири увидел свои ботинки на Кулике.

– Брат, ты по ошибке надел мои ботинки, – осторожно намекнул Пири.

– Ну и ты по ошибке надень мои, – сказал Кулик.

Пири окинув взглядом окружавшую Кулика сору, слотнул слюну. Ботинки у него были ладные, сухие, не промокали, надзиратель ему их дал. Пири молча натянул на ноги влажные ботинки Кулика.

Покатил тележку в сторону прачечной.

Через месяц вдали от «зоны» Кулика поймали, приволокли в лагерь. Всех, кто был связан с побегом, посадили в карцер. Куликовскую группу разогнали. У Саны развязались руки, теперь в бараке верховодили его люди.

Вышедшего из карцера Кулика было не узнать. Харкал кровью. Пири его уже не боялся. Считал дни, он был в шаге от свободы.

Ночью его схватили четыре человека, рот заткнули тряпкой. Соорудили шатер из одеял, чтобы свет свечи не заметили надзиратели. Устроили судилище над Пири.

– Братаны, какова должна быть участь стукачей, участь тех, кто сучит на своих братьев? – спросил Кулик, обращаясь к участникам «суда».

– Смерть! – выкрикнули хором несколько человек.

– Теперь слово тебе, – обратился Кулик к приглашенному на судилище Саны. – Этот предатель твой земляк. Решай ты...

Саны презрительно посмотрел на Пири:

– Убить это просто, – сказал он. – Убьете, всем вам набросят срок. Я против убийства. Надо придумать другое наказание.

– Давайте напишем у него на груди «Сука», то есть предатель, чтобы помнил и больше не сучил, – предложил кто-то.

– Хорошая мысль, – согласился Кулик. – Но написать не на груди, а на лбу. Чтобы все издали видели, кто этот человек... Саны, ты согласен?

Саны посчитал это решение справедливым.

«Художника» барака накрыли одеялом. Ему объяснили, что он должен делать. Он сразу же достал из кармана иголку, тушь.

Пири выплюнул изо рта тряпку, обратился к Саны:

– Саны, гедеш, быть мне пылью у твоих ног, собакой в твоём дворе, пусть пишат в другом месте, только не на лбу.

– Заткнись, ублюдок, – сказал Саны с отвращением, – это тебе за то, что ты унизил нас перед русскими.

– Держите этого подонка крепко, чтобы не шелохнулся, – сказал «художник», приступая к работе.

В Святилище

Меликаждар очень любил рыбные блюда, настроение у него было превосходным. И у Сейфала тоже было хорошо на душе.

Увидев приближающегося Халиса, Меликаждар, оставив еду, весело сказал:

– Присоединяйся, сынок, без тебя кусок в горло не лезет, где пропадаешь?

Халис бросил взгляд на рыбу, от которой остались лишь хвост да голова, шутливо заметил:

– Зря ты, отец, на аппетит жалуешься.

– Чего ты так долго...

– Пири не отпускал.

– Что ему опять надо?

– Говорит, достань мне пистолет, Саны убивать буду, – засмеялся Халис.

– Тебе надо было сказать, глупец, разве Святилище склад боеприпасов, чтобы там оружие было? – зло заявил Сейфал.

– Сказал. Говорит, что мне тогда делать? Спрашиваю, с какой целью прячешь под сидением машины двустволку? Длинная, говорит. Сделай обрез, отпили ножовкой ствол, забрось за спину, не хуже пистолета будет.

– Ну и что, убедил? – спросил Сейфал.

– Вроде бы призадумался.

– Зря ты ему это сказал, – Меликаждар не скрывал своего недовольства. – Стукнет ему в голову, возьмет и на самом деле убьет.

– Нам-то какое дело, отец? – спросил Халис, потом брезгливо добавил. – Одна сволочь убьет другую сволочь, что в этом плохого?

Меликаждар, перехватив взгляд согласного с Халисом Сейфала, понял, что внук сестры на стороне сына, расстроился.

В это время вошли Мизи с Сонгулу.

– Рады видеть вас, ага! – сказал Сонгулу.

Сонгулу впервые так обратился к нему. Меликаждар это отметил.

– Что это за дружба? – любезно приветствовал его Меликаждар. – Не видно тебя, не слышно, не заходишь.

Сонгулу был из старых торговцев. Сам он и его домочадцы жили тихо, спокойно, вперед не лезли. Зарабатывали приличные деньги, но голов не поднимали, послушно склоняли, подчинялись властителям закона. В селе у них было два магазина и хлебопекарня. Приобрели на окраине столицы несколько старых объектов. Старались держать свои дела в тайне.

От радушного приема Сонгулу разговорился.

– Я пришел к твоим дверям, ага, с надеждой. Наши деды были друзьями. И ты прими мою дружбу...

– Конечно, я с благодарностью пожимаю твою протянутую руку. Когда вместе в одной конторе работали, ты всегда поступал, как мужчина. Можешь всегда положиться на нашу общину, – сказал Меликаждар, но не удержался, чтобы не подшутить над старым коллегой. – Думаю, ты обеспокоен появлением двух татар.

– Не надо, зря ты решил, что меня привел к тебе страх перед подручными Саны, ага. О своих намерениях я и раньше говорил Сейфалу, каждый раз ответ был один, жди! Я бы подождал, но неожиданно дело возникло.

– Слушаю, Сонгулу.

– Семья Бесноватого Джаны дружна с моей женой. Хотя отношения не особо теплые, но они заходят к нам. Из разговоров я как-то узнал, что Бесноватый больше не дружит с Саны, хочет убить его.

Меликаждар сосредоточил все свое внимание.

– Речь, наверное, идет о Джаны, продающем старое барахло на базаре? – спросил он.

– Да, ага, – подтвердил Сонгулу, нахваливая Джаны. – Стоящий мужик, раскрутился на старье.

У Меликаждара были иные, более полные сведения. Он знал, что Джаны поднялся не на торговле

поношенной одеждой, а на сбыте ворованных товаров. Он тяжело вздохнул, решил не переубеждать Сонгулу.

– Ну, хорошо, почему Джаны хочет крови Саны?

Сонгулу, видя, что Меликаждар заинтересовался, с удовольствием продолжил:

– Несколько лет назад Саны по просьбе Джаны пошел сватать девушку для его старшего сына. Он засватал за сына Джаны дочь Горелого Руштана, одного из своих поделщиков. Да и свадьбу сам устроил, я помню ту свадьбу. Из страха перед Саны, ага, боялись уйти со свадьбы, гуляли до утра, танцевали, валились с ног, музыканты еле на ногах держались, певцы пели уже охрипшими голосами. После такой знатной свадьбы выяснилось, что... – Сонгулу усмехнулся, – невеста порченная.

– И что? – спросил удивленно Меликаждар.

– Невеста не хотела называть имя виновника. Говорила, что боится, он весь род наш уничтожит. Отец с сыном настояли, она все же созналась. Это был Саны. Именно он лишил девушку девственности. Джаны решил отомстить, и чтобы не быть заподозренным, невесту оставил, родителям не вернул. Держал в доме, будто ничего и не было, скрывал позор. Но не успел отомстить. Саны арестовали. Теперь Джаны с сыном с нетерпением ждут освобождения Саны из тюрьмы.

-Это хорошая весть, – сказал Меликаждар. – А свата в доме не принимает?

– У Джаны с Горелым отношений нет, мать невесты иногда навещает свою дочь. Но они не оставляют невестку с матерью наедине, чтобы она не проболталась.

– Не верю я, что родители невесты не знают об этих делах, – высказал сомнение Меликаждар.

– Кто знает, ага. Даже если Горелый в курсе, молчать будет, он шестерка, и против Саны не пойдет. Джаны же другой человек, бодаться с Саны не побоится. Он ищет силы, на которые можно положиться. Знает, что мы приятели, похлопотать за него просит. Завтра снова придет. Что ему сказать, ага?

Меликаждар достал четки, повертев их немного в руках, осторожно сказал:

– Намекнешь ему, но только чтобы это шло не от меня, а как бы от тебя, что, мол, Меликаждар готов дружить с врагами его врагов.

Смерть Кюрсюм

Всего лишь неделя прошла после отъезда генерала, а тучи над его зятем Шири уже стали сгущаться. Головы некогда было поднять от бесконечных судебных разбирательств, инспекционных проверок. Контрольные органы, словно с цепи сорвались.

Чем дольше продолжались сотрясающие Баку митинги, тем беспомощнее становилась власть. Появлялись все новые и новые алчущие власти силы. Они шли в открытое противостояние. Мечтали отобрать у старой номенклатуры финансовые ресурсы власти.

Со всех сторон ощищивали Шири. Он сопротивлялся, как мог. Эти трудности он считал временными, но кольцо вокруг него все сужалось.

Его жена Альбина, руководящая бухгалтерией совхоза, была в курсе дел. Видя, что положение усугубляется, дала Шири совет:

– Согласись, пусть забирают. Видишь, в покое не оставляют. Уедем в Москву.

Шири молча выслушал жену, но совету не внял.

– Я буду стоять до последнего.

– Ширишка, дорогой, не упорствуй.

– Но это ведь не справедливо!

Альбина расплакалась.

– Твои поиски справедливости могут дорого нам стать, – сказала она. – Может, тебе лучше пойти к Меликаждар аге, послушать, что он скажет.

Шири какое-то время молчал, потом неохотно сказал:

– Будет лучше, если ты сама пойдешь к аге. У меня с ним прохладные отношения, а тебе он не откажет.

Однако, в святилище Альбине идти не пришлось. Кюрсюм неожиданно скончалась. В день похорон дядя и племянник стояли рядом, как чужие, друга на друга не смотрели, оба молча принимали соболезнования. В похоронах участвовали все хозяйственники района. Среди соболезнующих были и те, кто зарился на место Шири. По тому, как они были удивлены, увидев его, Шири понял, что не все знали о его близком родстве с такой известной женщиной, как Кюрсюм. Похороны прошли на высшем уровне. Кюрсюмоглу денег не жалел.

Поминки позволили утрясти многие вопросы. Руки, что держали Шири за горло мертвой хваткой, ослабли. Он, наконец, задышал свободнее. Со смертью своей сестры Кюрсюм он приобрел опору. Уже больше никто не решался беспокоить брата миллионерши. Дядя и племянник заложили фундамент добрых отношений.

Поминки Кюрсюм на сороковой день были еще более пышными. Кто на них только не пришел. Были даже несколько министров, по просьбе Альбины из Москвы приехал генерал Иванов. Словом, примирение дяди с племянником прошло удачно.

Хатам

Хатам периодически навещал Самаю. Беременность женщины протекала тяжело. Она хотела чаще видеть возлюбленного. Обижалась на каждый пустяк, слезы горькие лила.

Подошла повитуха, коротко и прямо заявила.

– Хатам, не слушается нас ханум. Не спит, не отдыхает, спускается в сад, деревья подкапывает, с курами возится. Нельзя, говорю, так нельзя, не слушает.

– Я ей объясню, – пообещал Хатам и поднялся в дом.

Самая встретила его встревоженно.

– Сын аги, я не хочу, чтобы ребенок мой рос сиротой!

– Что опять произошло? -осторожно спросил Хатам.

– Ты говорил, что отошел в сторону. По телевизору тебя опять показывали на митинге, шел с флагом впереди...

Хатам попытался ее успокоить:

– Это старые съемки, не обращай внимания!

Самая сразу же поверила, заулыбалась.

Освобождение Саны

После освобождения подельников Саны остался один. Время шло тяжело. Будто к нему гирию подвесили. Терпеть уже не было сил.

Прикормленный им сержант был на дежурстве. На полуденной прогулке он прошептал Саны на ухо:

– Тебя сегодня отпускают!

Камеру Саны покидал с отвращением. Забросил за спину сумку с вещами. Его привели к начальнику тюрьмы. Хозяин кабинета был человеком жестоким, но его округлые щеки источали любезность. Саны он встретил с улыбкой.

– С тебя магарыч, Саны, у меня радостная весть для тебя, – сказал он. – Ты освобождаешься по УДО. Условно досрочное освобождение.

– А я знаю, начальник, – сказал Саны со скрытой иронией, – о магарыче придется забыть.

– Чего тогда не радуешься? – спросил начальник тюрьмы. – На свободу выходишь.

– Чему радоваться, – ответил Саны. – Здесь хорошо. Здесь меня слушаются, прислуживают, что еще надо человеку?

– Не надо так говорить, Саны. Не стоит говорить о благах тюрьмы. Свобода – это все-таки свобода.

– Начальник, на свободе все вверх дном перевернуто. Каждый авантюрист мнит из себя начальника.

Собрал вокруг себя несколько человек, ходит командует. Страшно оказаться между ними. Не знаешь, к кому податься. К русским, армянам, в народный фронт?

– В уме и сообразительности тебе не откажешь, – сказал начальник уважительно. – Все-то ты знаешь, не пойму только, как человек такого масштаба мог выбрать себе такую жизнь?

– Много знающая птица из-за клюва в силки попадает, – сказал Саны грустно. – По мне, так в тюрьме бы и остался.

– Конечно, конечно, такому головорезу, как ты, в тюрьме и место. Жаль не в моей это воле, – выразил свое сожаление начальник тюрьмы. – Не выпустил бы.

Выйдя за пределы обнесенной в несколько слоев колючей проволокой территории исправительной колонии, Саны глубоко вдохнул. Он сразу же узнал человека в гражданской одежде, поджидавшего его у машины на небольшой площади перед тюремными воротами. Это был работник городской милиции Хасы. Поздоровавшись с Саны, он сказал:

– Теперь ты будешь иметь дело со мной.

– Что с Арамом? – спросил простодушно бывший арестант.

Хасы, криво усмехнувшись, пафосно объявил:

– В независимом Азербайджане нет более нужды в услугах армян. Со мной будешь работать, тебя и Равилей потому и освободили из тюрьмы.

– Вряд ли мы найдем общий язык!

– У тебя другого выхода нет.

– У каждого человека есть право выбора, – возразил Саны.

– К тебе это не имеет отношения, – рассмеялся Хасы. – Ты должен знать, жизнь твоя в моих руках. Я теперь большой начальник. Должность, которую я сейчас занимаю, генеральская, теперь только так и будешь ко мне обращаться.

– Да будь ты хоть маршалом, ты – Хасы, так им и останешься, – зло сказал Саны.

– Что тебе во мне не нравится? – удивился Хасы.

– Тоже мне, большим начальником заделался, – Саны говорил с нескрываемым пренебрежением. – Забыл, что ли, как в конторе зады армянские целовал?

Хасы от души рассмеялся.

– Будто я один целовал армянские зады, – потом неожиданно бросил. – С нами работать будешь?

– Если не соглашусь? – ответил сразу же Сани.

Хасы вновь расхохотался.

– Не согласишься, о твоём сотрудничестве с ментами узнает весь преступный мир.

– Кто тебе поверит? Это надо доказать!

– Довожу до твоего сведения, что твои армянские шефы все задокументировали. Все папки с документами у меня. Стоящие документы. Хочешь, копии тебе подарю.

Подумав немного, Сани вздохнул:

– Не хочу, – сказал он. – Я согласен.

Хасы покачал головой:

– Поражаюсь, каким образом такой трус, как ты, мог наводить ужас на весь город. Я не знал, что ты такой слабак. – Показал рукой на машину. – Поехали.

– Ты езжай, завтра в городе встретимся, – сказал Саны. – Меня придут встречать.

– Никто не придет, – сказал Хасы, – мы твоей любовнице и ее брату сказали, что тебя завтра выпускают.

Ошибки в информации, полученной из нескольких источников, быть не должно было. Меликаждар спросил мнение Сейфала, затем Мизи, потом еще и Халиса. Обсуждение полученной информации затягивалось. Серьезность ситуации требовала присутствия и всех остальных. Ага так и сказал:

– Было бы неплохо посоветоваться и с другими членами семьи.

Привлечение остальных длилось недолго.

Хитрый Абдул отправил вернувшихся с моря своих рыбаков на ликвидацию последствий урагана. В некоторых теплицах ураганом было повреждено покрытие.

Глаза у Серрафа были сонными. Он только вернулся с моря, от усталости не чувствовал ни рук, ни ног.

Амбалоглу Рахиб, едва войдя, стал жаловаться:

– Ага, «фронтовики» машины наши остановили, не пропускают в войсковую часть.

– Надо было найти Хатам агу, – взревел Сейфал.
– Догадаться не мог?

– Мог, догадался, – Амбалоглу Рахиб горько усмехнулся, – мне сказали, что он поехал в город на совещание Народного фронта. Должен скоро вернуться.

– Саны выпустили из тюрьмы, сейчас он в Карьере, – коротко сказал Меликаждар, подняв вверх руку.

Всех будто окатили холодной водой. Меликаждар продолжил:

– Детей повзрослевших, набравших силу в мускулах, никуда не отпускать, держите при себе, – сказал он, потом бросил, ни к кому конкретно не обращаясь. – Обязанность сторожей – стеречь теплицы и товар, а не навоз таскать.

Амбалоглу Рахиб покраснел, это он заставлял сторожей таскать навоз.

– Виноват, ага. Сторожа проштрафились, проспали, оставили воду открытой, все новые посадки водой смыло. Я их и отправил в теплицы, чтобы жирок немного спустили, похудели, – сказал он, виновато ухмыляясь. – Дядя Мизи, раздув эту мою, может быть, ошибочную инициативу до трагедии, донес до аги.

Мизи промолчал, слово взял Халис.

– Сторожа у Мизи все, как на подбор. Один глухой, другой слепой, один калека на руку, другой на ногу. Будто нарочно всех инвалидов собрали.

Сказанное Халисом вызвало смех.

– С этого дня мой дядя Мизи будет следить за порядком на кухне имения, охрана святилища и имения отдается Халис аге, – сообщил, улыбаясь, Сейфал. – Посмотрим, какую охрану он соберет, способна ли она справиться с Саны и его бандитами?

То, о чем сообщил Сейфал, никого не удивило, эти разговоры давно велись. В смутные времена в стране семья нуждалась в таких решительных людях, как Халис.

Когда снова зашла речь о Саны, Серраф не сумел сдержаться, запальчиво сказал:

– Ага, если бы ты дал разрешение, я бы давно еще...

Меликаждар Серрафа будто бы и не слышал, устало откинулся на свисающий со стены тяжелый ковер.

Серраф с горечь прошептал:

– Терпеть больше уже нет сил, ага, отец мне каждую ночь снится. Ты только позволь, сам оставайся в стороне, увидишь, каких сыновей родит наша земля.

– Глупый ты человек, внучок, – огорчил его Меликаждар ага.

– Почему, ага?

– Ну, это пусть тебе объяснит твой брат, – Меликаждар знал о напряженных отношениях между братьями. – Мне кажется, что Сейфал сможет объяснить тебе лучше меня.

– Ага, я ему много раз говорил, что один на один ты с Саны не справишься, – спокойно сказал Сейфал. – Он никак не может оставить эту мысль. Не зря Саны ходит со своими дружками– татарами. Пока ты дотянешься до оружия, они превратят тебя в решето.

– Ну и как быть? – Серраф все еще не терял надежды.

– Потерпи, увидишь, – с заботливой лаской сказал Меликаждар. – Пусть повар Шабалы подаст нам еду.

Они только приступили к трапезе, когда вдруг объявился Каштан. Старый прапорщик был встревожен.

– Генерал звонил, ага, – сообщил он. – Просил тебе передать, что в город скоро войдут войска. Тебе надо предупредить своих близких на площади, на баррикадах.

Мизи был удивлен.

– Говоришь, откроют огонь по безоружным людям?

– Всякое может случиться, – сказал Каштан. – Джина выпустили из бутылки.

– Интересно, дернет ли Москва Ереван за веревочку? – вмешался в разговор Сейфал.

Каштан пожал плечами.

– Кто знает, чья веревка у кого в руках.

В это время вбежал советник Святилища.

– Ага, пришел Бесноватый Джаны, говорит, что хочет видеть тебя.

– Джаны киши один? – спокойно спросил Меликаждар.

– Да, ага, один, – закивал головой советник.

Меликаждар достал из кармана четки, тут же снова положив их в карман, обратился к Халису:

– Гостя отведешь в прибрежный домик Серрафа. Мы туда скоро подойдем. – Потом обратился к Каштану. – Ты должен простить нас, солдат, срочное дело. Но было бы неплохо найти время, повспоминать былое.

Бесноватый Джаны

Каспий штормило. Шум волн проникал в комнату через закрытые двери и окна. Меликаждар не дал возможности гостю встать, быстрыми шагами подошел к нему, поздоровался, сел на полу, сложив под себя ноги. Вошли и Сейфал с Мизи.

Джаны нервничал, чувствовал себя неловко, сразу же перешел к сути:

– Ты уже знаешь, что Саны выпустили из тюрьмы?

– Знаю.

– Наверное, Сонгулу киши тебе говорил, я хочу покончить с Саны?

– Продолжай, – попросил Меликаждар.

– Саны затронул честь моей семьи, я не могу оставить его в живых, – Джаны назвал свой основной аргумент.

– Чем я тебе могу помочь?

– Я не хочу гнить в тюрьме после того, как убью Саны.

– Ты хочешь, чтобы убийство было согласовано с властями? – спросил Меликаждар, подозрительно глядя на него.

– Да, хотел бы, но они тебя не послушают, – решительно заявил Джаны.

– Почему так думаешь? – спросил Меликаждар с серьезном видом, тщательно скрывая насмешку.

– Мне кажется, в верхах у Саны есть связи.

– Того, у кого есть связи, в тюрьму не сажают, – сказал Халис, ухмыльнувшись.

– Может, его в тюрьму и упрятали, чтобы спасти? – выразил предположение Джаны.

Меликаждар отчего-то промолчал. Халис снова вмешался в разговор.

– У аги связи имеются и, во всяком случае, будут посильнее связей вора.

– Саны Апшеронский, это не какой-нибудь простой вор, – сказал Джаны, почему-то перешел на шепот. – Возможно, он работает на два фронта. Связан и с верхами, и с воровским миром, делает дела по заказу милиции.

– Допустим, с властями я улажу, – Меликаждар решил уточнить некоторые обстоятельства. – А что будешь делать с воровскими друзьями Саны. Они ведь за Саны отомстят!

– С ними справиться я смогу, не трудно будет. Как только они узнают, что он на два фронта работает, отстанут от меня.

– Как я слышал, поймать Саны врасплох сложно. Он очень быстр и ловок. Всегда вооружен, – заметил Меликаждар.

– Я его на свадьбу приглашу, – расхохотался Джаны.

– На чью свадьбу?

– На свадьбу младшего сына.
– Когда свадьба?
– Дату свадьбы, по нашей просьбе, сам Саны и назначит.

– Это ты хорошо придумал, – Меликаждар одобрил задумку. – Но Саны придет не один наверняка с ним будут оба Равиля.

– Я и это продумал. Всех троих расскажу по отдельности. За всем будет присматривать мой старший сын. Знатных гостей посажу с Саны, он любит почет. В еду подмешают снотворное. – Доложил обо всем Джаны.

– Хочешь разом покончить со всеми троими? – спросил Меликаждар.

– Нет, ага, упаси Аллах, кровь Равилей я брать на себя не хочу. Снотворное нужно для того, чтобы просто нейтрализовать их. – После паузы продолжил. – Семью свою поручаю тебе, ага. Если что-то случится со мной и с моими сыновьями, не оставляй их.

Меликаждар пообещал, Джаны собрался уходить.

– Приду, когда определится дата свадьбы.

– Нет, не стоит, твое частое появление здесь может вызвать подозрение, с кем-нибудь передашь, – предупредил его Меликаждар.

Джаны согласился:

– Правильно говоришь, ага. Однако, сейчас найти кого-то надежного трудно.

– Куда ты спешишь, не отведав хлеба моего...–
сказал Меликаждар.

– Все село ест твой хлеб, – улыбнувшись, добавил.
– Оставим на следующий раз.

Первый день свободы Саны

Саны с пришедшими к нему на встречу воровскими друзьями был холоден. Некоторых даже на порог не пустил. Свое это решение Равилям он объяснил.

– Старые связи, – сказал он, – только все путают.

Это послужило справедливому недовольству Равилей. Тихий даже не сдержался:

– Саны, это же наши кореша, – сказал он с упреком.

– На что сдались эти протухшие воры! Они мне еще на зоне глаза мозолили, – ответил он. – И на свободе с ними сидеть коленка в коленку?

– Как вору с вором еще сидеть, кто должен прийти тебе на встречу, не кинозвезды же? – уколол его Жердь.

– Следи за базаром, – сказал Саны, в руках у него неожиданно блеснуло лезвие кнопочного ножа. Глаза Жерди полезли на лоб. – Не ищи приключений на свою...

Шикия Кюрсюмоглу, пришедшего вместе с Гюлю, он встретил, как родного. То ли оттого, что

постарел, то ли потерял в тюрьме бдительность, он не чувствовал фальшивого радушия брата и сестры. Выразив соболезнование Шикилю, стал хвалить бывшую любовницу.

– Кюрсюм была голова, умная женщина. Да упокоит Аллах ее душу.

От хвалебных слов о матери глаза Кюрсюмоглу наполнились слезами. Забыл, что собирается убить Саны.

– Ты посмотри, как он встретил сына этой своей... – сказал Жердь тезке.

Тихий строго посмотрел на него, потрепал по уху. Саны, немного пообщавшись с сыном бывшей любовницы, проводил его. Подошел к Равилям.

– Кюрсюмоглу согласен дать нам в распоряжение свой дачный дом, – сообщил он. – Очень удобное место, для нашей работы подходит. Скоро туда отправимся.

При этих словах Жердь поперхнулся. Тихий, сделав вид, что не заметил, обрадованно рассмеялся. Саны всегда добивался, чего хотел.

Равили не знали, что и думать. Саны впустил в дом такого мелкого карманника как Хлыст Сафи, пользовавшегося в тюрьме дурной славой Горелого усадил

во главе стола, а своего старого друга Бесноватого Джаны видеть не хотел.

– Не нравится он мне!

– Почему? – поинтересовался Жердь.

– Слишком усерден! – сказал Саны, пытаясь закончить разговор.

Тихий не позволил, он хорошо знал характер главаря, потому и продолжал:

– Саны, Джаны мужик надежный. За три года, что мы сидели, сколько раз он к нам приезжал? Денег не жалел, а ты его на порог не пустил. Это неправильно, – сказал он. – Твои сомнения на его счет ошибочны. Он наш человек.

Жердь поддержал тезку.

– На свадьбе своего сына он тебя встретил, как падишаха! Под ноги тебе ковер постелил. Этого забывать нельзя, – сказал он.

– Да и сын его парень неплохой, – подошел к вопросу с другой стороны Тихий. – Мы ходили, видели ЗИМ твой, блестит, как куколка.

Наконец, Саны согласился. Бесноватый Джаны с сыном вошли встретиться с ним. Едва войдя, бросился к старому главарю, раскинув руки, облобызал всего. Сын от отца не отставал, схватил руку Саны, поцеловал. Сомнения Саны искренней радостью друга были рассеяны.

– Машина внизу, Саны, – сказал Бесноватый. – Как ты и поручил, несколько месяцев назад съездил

в Губу. Нашел там спрятанную в травах машину, привез в Баку. Показал лучшим мастерам. Сейчас она работает, как часы.

– Машина пока мне не нужна, – сказал вконец успокоившийся Саны. – Пусть она побудет у тебя. Когда попрошу, привезешь.

Поговорив о том, о сем, Джаны перешел к сути.

– Свадьбу младшего сына мы отложили до твоего освобождения из тюрьмы. Это радостное событие я хотел отметить вместе со своими друзьями.

– Поздравляю, – сказал Тихий. – Свадьба когда?

– Неизвестно еще.

– Закажал приглашительные?

– Я хотел, чтобы дату назначил сам Саны, – уважительно заявил Джаны, – и сам бы принял участие на свадьбе. У тебя легкая нога. Верю, что и младший сын будет так же счастлив, как старший.

Жердь радостно потер руки.

– Эта свадьба должна быть не хуже прежней.

– Свадьба, в которой вы принимаете участие, не может быть плохой, – сказал Джаны.

– Готов? – спросил Саны. – Может, есть в чем нужда?

– Да нет, все, слава Аллаху, есть, – Джаны поднялся, чтобы уйти.

Саны пошел его провожать.

– Через пару дней дату назову, ты закажешь приглашительные открытки.

Бесноватому Джаны дышалось легко.

На ловле рыбы

Находясь среди рыбаков, Меликаждар чувствовал себя превосходно. Если что-то не ладилось в делах, шел в рыбацкий домик на берегу. Серраф только что вернулся с уловом. Рыбаки, приготовив мангалы, собирались жарить шашлыки. Меликаждар, Халис, Мизи и Сейфал подоспели в самый раз. С их появлением Серраф сразу засуетился. Меликаждар это заметил.

– Вижу, у тебя есть что мне сказать? – спросил он.

– Да, ага, не собирался пока говорить, но, видимо, придется, на нашем участке судно новое появилось, мешало нам, замучились с ним, все кружило вокруг.

Меликаждар не проронил ни слова.

– Ага, разреши мы их ...– Серраф не договорил.

– Не надо! – строго сказал Сейфал. – Море не наша собственность, любой человек может ловить рыбу, где захочет.

– Началось... – проворчал Мизи.

– Пока не трогайте, – сказал Меликаждар с нетерпением ожидавшему его решения Серрафу.

Халис, выходя из рыбацкой вслед за отцом, дал Серрафу совет:

– На всякий случай, выходя в море, идите на нескольких катерах, чтобы побоялись угрожать.

Недели не прошло, как Серраф принес в Святилище плохую весть.

– Ага, наш «заброс» исчез, сетей нет.

Как правило, рыбаки, забросив вечером сети, оставляли на буйх красную метку, чтобы легко найти их потом. Утром, когда пошли за уловом, сетей своих не нашли.

– Кого подозреваете? – спросил Меликаждар, но сам он уже знал, чьих рук это дело.

– Думаю, это те самые новые рыбаки, – уверенно сказал Серраф. – Я же говорил, на нашем участке неизвестное судно появилось, вы решили не обращать внимания.

– Может, буи были не крепко привязаны, – предположил Сейфал.

– Брат, речь идет о сотне забросов, если бы один или два, можно было так подумать.

– Не переживай, Серраф, решим, что делать, – сказал Меликаждар, потом обратился к Халису. – Ты, сынок, постарайся разузнать, кто это там резвится.

Халис с радостью согласился.

– Но только смотри, сынок, – предупредил он, – чтобы все было в пределах нами оговоренного.

Халис изменил систему охраны владений Святилища, старых, пожилых сторожей-инвалидов сме-

нил на молодых крепких парней. Но старики, отстраненные от работы, не остались без куска хлеба, были направлены в теплицы.

Мизи был немного обижен, сказал Сейфалу.

– Сын аги, кажется, не ведает, что творит, собрал молодняк.

Сейфал в отличие от своего дяди намерения Халиса понимал.

– Наверное, воевать собирается.

– Послушай-ка, племянник, – Мизи не поверил, – ты же знаешь, этот очаг всегда служил справедливости.

Сейфал попытался отшутиться:

– Видимо, с появлением Саны Апшеронского очагу этому недостаточно одной справедливости.

Все входы и выходы во владения Халис заложил камнями, оставив лишь один вход. Повесил на деревья осветительные лампы, осветил двор, усилил охрану, которая теперь патрулировала день и ночь.

Построил игровые площадки, переместив тем самым детей на задворки поместья. Убрал со дворов поместья домочадцев, шастающих в шлепанцах по всей округе, снял бельевые веревки. Святилище приобрело торжественный вид.

Распоряжения свои Халис отдавал прямо на ходу, потому как всегда был в движении. Он был везде, слухи о нем доходили то с берега, то из теплиц, бывало, его видели и в центре города на митинге.

Серраф очень любил уже выросших сыновей брата. Каждый раз, появляясь в поместье, находил время, чтобы встретиться, пообщаться. Проснувшись поздно, Сейфал, увидев брата, весело разговаривающего с его детьми, подошел к ним. Поговорив о том, о сем, спросил:

– Есть известия о новоявленных рыбаках?

– Не отстают от нас, десять дней не можем выставить на базар товар. Прячутся, следят за нами. Мы, бросив сети, оставляем метки и возвращаемся обратно. Как только к берегу подходим, они появляются из-за Желтой Скалы. Уничтожают все прямо на наших глазах. Пару раз пытались догнать, не смогли, будто у них двигатель боевого корабля, пока мы собираемся, они уже, пройдя Желтую Скалу, уходят в открытое море.

– Они рыбу не ловят, что ли?

– Их дело, брат, вред нам нанести, а не рыбу ловить. Сотни наших сетей испортили. Только что я рассказал все аге.

– Что ага?

– Что ага? Он плохо себя чувствует, сказал, поручу Халису, тот что-нибудь придумает.

Рэкет

Шириев, освободившись от притязаний врагов, наслаждался жизнью. Ни разрастающиеся митинги, ни совхозные дела, ничто не портило его хорошего настроения.

Народный фронт обрел мощную силу. Власть дала слабину, собраний не проводила, никаких указаний не давала. Над городом сгустились тучи, не было сомнений, что скоро грянет гром. Но и это несколько не трогало Шири.

Из дома они выехали, как обычно, в начале восьмого. Он сам водил служебную машину. Водитель нужен был лишь для видимости, пользовался его услугами только когда ездил на поля. На работу Шири ездил вместе с женой Альбиной ханум. Впереди сидел с недовольным видом их сын, Бехан, молчал, на расспросы отца не отвечал.

– У сына нашего нет настроения, ты не знаешь, почему молчит? – спросил он у жены.

– На тебя обижен Бехан, – смеясь сказала Альбин, – за то, что не позволил поехать с дедом в Москву. После сороковины твоей сестры, он от генерала не отставал, собирался ехать.

Шири вел машину по извилистой дороге, бросив взгляд в зеркало заднего вида, сказал:

– Кажется, в нашей семье назревает проблема отцов и детей.

Альбина возразила:

– Я бы так уж прямо не сказала, просто ребенок соскучился по деду.

– Может, отправим его к нему? – предложил Шири. – Пусть генерал присмотрит за внуком.

Альбина не согласилась.

– Да за самим отцом нужен присмотр. Ты правильно сделал, что не пустил.

У детского садика Шири остановил машину. Альбина с сыном вышли. Она что-то сказала сыну, лицо Бехана засияло. Повернулся к отцу, весело помахал ему рукой. Альбина ханум, передав его во дворе детского садика воспитательнице, вернулась в машину.

Машина тронулась с места. Шири, не отрывая взгляда от дороги:

– Что ты сказала Бехану, что он развеселился. Даже помахал мне.

– Сказала, что отец завтра возьмет тебя на свадьбу. Он и забыл свои обиды. Возьмем ведь с собою?

– спросила Альбина ханум

– Возьмем, конечно, – согласился Шири.

Во владения совхоза приехали ровно в восемь утра. Директор любил точность. Этого же требовал от подчиненных.

Сегодня он был намерен заняться фруктовыми отделениями совхоза. Садоводческие бригады, агрономы, руководство завода по переработке фруктов встречали его, выстроившись по-военному в ряд.

В последнее время Шири был в хорошем расположении духа, никого не бранил, не угрожал, добродушно давал все указания.

Решив намеченные дела, когда все разошлись, сказал своему помощнику:

– Распорядись, чтобы подали УАЗ. По огородам проеду.

– Машина наготове у заднего входа.

– Ты сегодня, как тусклый пятак, – отметил Шири, посмотрев на своего помощника. – Что случилось?

– Ничего, сегодня предсвадебный вечер у Бесноватого Джаны, соберемся у Дардаила, – ответил помощник. Осторожно спросил. – Завтра придете на свадьбу?

– Конечно.

– Кажется, Джаны вам приходится родственником?

– Да, – небрежно бросил Шири, – Джаны приходится родственником моей покойной матери.

Родственников Шири недолюбливал, сторонился их. Но после смерти сестры уже не мог от них прятаться. Бесноватый Джаны, считающийся одним из уважаемых людей села, самолично приехал к нему, передал пригласительную открытку.

Он потерял интерес к разговору, но помощник не отходил, оставался рядом.

– Ты похож на человека, который хочет что-то сказать?

Сразу после своего назначения директором Шири развеял атмосферу, рождающую в городе слухи. Он избавился от сотрудниц-женщин, вместо них стал набирать сотрудников противоположного пола. Даже секретаршу поменял на помощника. Шири всегда избегал работать с женщинами. Без свидетелей ни с кем не вел никаких переговоров.

– Посетитель один к нам заявился, – сообщил помощник.

– Что ему надо?

– Говорит, послание от Саны хочет передать директору.

Шири слышал это имя от членов семьи своей сестры. Расстроился. Хотя помощник жил в совхозном доме, он был сельским человеком. Хорошо знал, что происходило в селе и в поселке, обо всем своевременно информировал директора.

– Сам займись им, – сказал Шири, направляясь к УАЗу, – у меня мало времени.

Помощник не отставал:

– Было бы лучше, если бы ты его выслушал.

– Как звать человека Саны?

– Зовут его Хлыст.

– Это не имя!

– Конечно, не имя, это воровская кличка.

Шири вдруг расхохотался.

– Отправишь его к Дардаилу, он с криминальным прошлым, они поймут друг друга, – сел в УАЗ, включил мотор.

В прошлом заместитель директора Дардаил был арестован по наговору своей первой жены. Пару месяцев находился под следствием. Потом, когда выяснилось, что ни в чем не виновен, был отпущен.

Шири направился к миндальным садам. Издали увидев директорскую машину, пожилая женщина кинулась бежать к посадкам. Это была звеньевая. Через некоторое время у посадок появились и другие, такие же, как она, пожилые женщины. Они по-солдатски выстроились в ряд. Потом звеньевая, как этого требовал директор, доложила:

– Звено построено, товарищ директор.

Шири и сказать ничего не успел, когда на участок въехал еще один УАЗ. Приехал заместитель директора Дардаил. Он спешно вышел из машины, ши-

роким шагом направился к Шири. Что-то прошептал ему на ухо. У Шири испортилось настроение. Дардаил подал знак, звено разошлось.

– Что ответить Хлысту? – потерянно спросил Дардаил.

– Что ты советуешь? – спросил Шири.

– Требование надо выполнить, – сказал он. – Пятьдесят тысяч надо срочно отдавать!

– Почему срочно?

– Так поступал прежний директор, – напомнил Дардаил. – За последние десять лет я сменил двух директоров, вы третий.

– Меня сменить не сумеешь, – пошутил Шири.

Дардаил обиделся:

– Я верно служу. В директора не мечу.

– Солдат, который не мечтает стать генералом, плохой солдат.

Дардаил тяжело вздохнул.

– Сейчас не место таким разговорам.

– Ладно, говоришь, совхоз всегда давал долю?

– Да, в год раз приходили люди от Саны, забирали долю.

– Каждый год?

– Совхоз всегда был под Саны.

– Я три года здесь, никто не приходил.

– Лишь месяц прошел после вашего назначения, ко мне пришел один обожжённый человек.

Попросил долю. Я сказал, что надо подождать, директора только назначили. Он ушел. Вскоре оказалось, что Саны арестован. Я сообщал об этом.

– Да, припоминаю, ты что-то говорил...

– Пока Саны был в тюрьме, никто не приходил. Усугубило дело еще и то, что в стране хаос, митинги, – объяснил Дардаил.

– Ну ладно, допустим, что согласен, деньги где взять? Я банкир, что ли?

– Деньги – это не проблема, – осторожно намекнул Дардаил. – Если согласишься, я поеду в село, займу у родственников. Потом вернем.

Шири вдруг глумливо заявил:

– А я смотрю, ты пугливый, только топот услышишь, уже поплыл, растекся.

– Все так поступают, – попытался уговорить директора Дардаил.

– А я не все.

– Какие это деньги? – сказал Дардаил, то, что мы выделили Народному фронту, во много раз больше.

– Не путай, это разные вещи, – раскричался Шири. – Подумай, с чем ты сравниваешь нашу помощь народному движению?

– Из-за денег не стоит бросаться в огонь.

– Дело не в деньгах, а в принципе.

– Это плохо кончится.

– Посмотрим, для кого, – сказал Шири, усмехнувшись. – Достаточно будет лишь звонка генералу...

Дардаил перебил его:

– Кто сейчас с генералами считается? Все в стране перевернулось, не видишь, как ломают орехи на голове первого секретаря республики, сажающего вдоль дорог ореховые деревья.

– Что мне теперь знаться со всеми проходимцами? – удивлялся Шири.

– Ты плохо знаешь Саны.

– Не надо меня пугать. Во всяком случае, с одним человеком я справлюсь.

– Саны не один, за ним стоят очень большие люди.

– Хватит тебе болтать! Где вор, а где большие люди?

– Верь мне! Мой брат, Сонгулу, от страха дрожать начинает, когда речь заходит о Саны.

– Какой же он трус, – издевательски сказал Шири. Дардаил осекся, потом рассудительно сказал:

– Оставить без ответа нельзя, директор. Чтобы отказать от выдачи доли, ты должен поискать надежных людей. Тебе надо идти или в Святилище к аге, или же к своему племяннику Шикилю.

Шири отмахнулся:

– Никуда я не пойду, ты усишь охрану территории, увеличь количество сторожей, посторонних людей в совхоз не пускай. Этого Хлыста пошли подалее, – сказал он, уходя от заместителя в глубь посадок миндаля.

Шири бродил по участкам. Не мог отделать от беспокойных мыслей. Оставив дела, вернулся в управление. Почувствовал, что что-то случилось. Сразу же спросил:

– Что еще произошло?

– Саны прислал другого человека, – сообщил Дардаил.

– Где он?

Заместитель вытянул подбородок, показывая в сторону здания управления. Шири оглянулся вокруг, увидел человека, сидящего на лестнице. Незнакомец спокойно курил. Нервы Шири были натянуты, как струны. Пошел быстрыми шагами. Издали посмотрел на незваного гостя. Лицо цвета кофе с молоком, глаза горели огнем. На одной щеке следы от ожога. Шири затруднялся определить его возраст.

– Ты кто такой? – обратился он к так напугавшему Дардаила человеку. – Чего тебе надо?

– Здраваться надо сначала, директор, – сказал гость, не поднимаясь с места.

– Если бы ты поднялся, разговаривая со старшим, может, и удостоился бы такой чести.

– Еще не известно, кто из нас старше. Я точно знаю, что ты младше меня...

– Хватит, – прервал его Шири. – Ты кто?

– Можешь называть меня Горелым.

– Кто ты вообще такой?

– Вор!

Шири впервые встретил человека, который не скрывал, что он вор. С опаской посмотрел на «гостя».

– Что тебе надо?

– Я принес тебе от Саны второе сообщение. Может, в кабинет пройдем?

– Я не каждого приглашаю в свой кабинет, – сказал Шири. – Говори здесь.

– Разговор у нас секретный. Заму твоему знать о нем не обязательно.

– Я доверяю своему заместителю. Выкладывай, что надо, если на каждого встречного буду тратить столько времени, совхоз разорится.

Горелый был решительно спокоен, усмехнулся.

– Так мы и пришли его разорить. Отдашь долю, можешь спокойно работать. Никто к тебе приставать не будет.

Директор вышел из себя.

– Я не нуждаюсь в покровительстве воров. Говори, что должен сказать, и проваливай.

– Ну что ж, – Горелый был абсолютно спокоен. – Сто тысяч приготовь, вечером придем заберем.

Дардаил встревожился:

– Так было пятьдесят! Хлыст говорил о пятидесяти тысячах!.. – сказал он.

– Согласились бы сразу, сумма не возросла бы, – пояснил Горелый. – Таково решение Саны.

– Браток, чтобы собрать такую сумму, нужно время, – сказал Дардаил умоляюще.

Горелый почему-то смягчился:

– Если дадите слово, что деньги доставите, я попрошу Саны подождать дней пять.

В его голосе Дардаил уловил нечто тревожное:

– Что должно произойти за эти дни?

Горелый пожал плечами.

– Одним словом, – сказал он, – советую соглашаться. Пока живой, надежда всегда есть.

Шири не сдержался, закричал:

– Пошел вон со своими советами! Передай тому, кто тебя послал, Шири Шириев не знает никакого саны-маны!

– Твой зам тебе скажет, кто такой Саны. Я пойду, – сказал Горелый, поднимаясь с лестничной ступеньки, отряхнул брюки, не прощаясь, пошел медленным вызывающим шагом.

Шири какое-то время находился в замешательстве, потом бросился вслед Горелому, догнал, схватил того за локоть, приказал заместителю:

– Звони в милицию...

Заместитель и не шелохнулся. Побледнел, как мел.

– Товарищ директор, это дело не милиции.

Рука Горелого, за которую схватил его директор, была сжата, словно в тисках, но он и не пытался вырваться, терпел.

– Слышал, директор, в это дело милицию не впутывай, – сказал Горелый, – да и руку, смотри, мне не сломай, как бы не пришлось потом отвечать. Я передал тебе сообщение Саны, а дальше вы сами решайте. Отпусти!

– Не отпущу! Тебя отсюда милиция заберет, – заверил директор.

Заместитель, поразмыслив, направился к лестнице.

– Прежде, чем звонить в милицию, подумал бы, – сказал человек Саны. – Потом пожалеешь.

– Ты что, угрожаешь мне? – Шири ударил его по уху. – Забыл, с кем разговариваешь?

Дардаил бросился к ним.

– Так нельзя, Шири.

Шири отпустил руку Горелого. Человек Саны, поглаживая ухо, покачал головой.

– Не надо было тебе бить меня. То, что ты ударил вора, дорого тебе станет, – сказал он, удаляясь от конторы.

Дардаилу уже не было нужды уговаривать Шири. Директор поменял свое мнение.

– Да, ты прав, – сказал он. – В Святилище надо ехать.

– Будет хорошо, если поедешь прямо сейчас, – сказал Дардаил.

Директор был готов, но не получилось. Зазвонил телефон. Вызывали в министерство.

– Посещение Святилища откладывается, – сказал сам себе Шири, потом обратился к заместителю. – О произошедшем здесь Альбине ханум не говори. Завтра нам идти на свадьбу. Узнает, неделю переживать будет.

После отъезда директора, Дардаил, расположившись в его кабинете, стал просматривать документы, готовить ответы на письма. До обеденного перерыва с места не поднимался. Чаю захотелось попить. В управлении было пусто. Все ушли на перерыв. Заварил себе чай. Вернулся в кабинет с чашкой чая. Вскоре после чтения документов перед глазами появилась сетка. Поднялся, подошел к окну. Закурил сигарету. Его внимание привлекли двое хорошо одетых мужчин, вышедших из машины во дворе совхоза. Потом увидел Горелого. В груди усиленно застучало сердце. Пришедшие уверенными шагами прошли мимо охраны, направились к зданию управления.

Дардаил не успел докурить, как от удара дверь распахнулась. Он и слова не успел сказать, как получил от худющего гостя пару молниеносных ударов по лицу. Дардаил едва пришел в себя, как получил еще один тяжелый удар. Это были Равили.

– Ты что, не знаешь, с Саны соглашаться надо, еще не родился тот, кто может ему перечить, – гремел голос Жерди, он снова занес руку.

– Не бейте, это не директор, а его зам. – Крикнул Горелый, войдя в кабинет.

Жердь убрал руку. Тихий, разбив Дардаилу лицо, искренне, с проникновенным сочувствием стал извиняться.

– Прости, ошиблись. Мы вашего директора в лицо не знаем. Где он, кстати?

Дардаил прижал платок к окровавленному носу.

– Директор поехал в министерство.

Представители Саны отошли в сторону, посоветовались.

– Не стоит здесь время терять, – сказал Тихий, – поехали, Саны сам решит, что делать.

Вернувшись из министерства, Шири Шириев увидел сотруddников, столпившихся вокруг Дардаила. Альбина также была среди них. С синяком под глазом, с разбухшими губами, заместитель старался держаться гордо. С появлением директора все стали расходиться. Остались лишь четверо. Выслушав рассказ о произошедшем, Шири сдавленным голосом приказал помощнику:

– Позвони участковому уполномоченному!

– Не надо куда звонить, – остановил помощника Дардаил. – Ты не представляешь всей серьезности ситуации. Что скажешь милиции?

– А как быть?, – растерянно спросил Шири.

– Шири, дорогой, звони в Москву, – нервно предложила Альбина.

– В Святилище надо ехать, – перебил ее Дардаил.
– Генерал далеко, пока действовать начнет, поздно будет.

В это время зазвонил телефон. В комнате все замерли. Альбина ханум, находясь рядом, подняла трубку. Звонил водитель.

– Альбина ханум, я в кабинете директора детского сада, здесь говорят, что ребенка вашего забрали.

– Кто забрал? – растерялась Альбина.

– Воспитательница говорит, что дедушка.

Дардаил и Шири переглянулись. Оба разом побледнели. Кажется, случилась трагедия.

– Что за ерунда! – возмущалась в телефонную трубку Альбина, – его дедушка в Москве!

Видимо, обидевшись, водитель передал телефонную трубку воспитательнице.

– Альбина ханум, правда, мальчика забрали. – В телефонной трубке виновато звучал знакомый голос воспитательницы. – Дети были во дворе, играли. Остановилась большая черная машина ЗИМ, из нее вышел русский военный служащий, сказал, что генерал ждет Бехана Шириева в машине.

Шири уже не мог стоять на ногах, обессиленно опустился в кресло.

– Ты видела генерала своими глазами?

– Нет, не видела, – сказала совершенно спокойно воспитательница, – но вы не беспокойтесь, и раньше так было. Генерал из машины не выходил, всегда солдата посылал.

Альбина вдруг повернулась к мужу и сразу же все поняла, выронила телефонную трубку, упала без чувств на пол.

Наконец, фельдшеру, вызванному из медпункта управления, удалось привести бесчувственно лежавшую на диване Альбину ханум в себя. Очнулась, стала плакать и снова потеряла сознание. Шири мучительно молчал. Помощник в растерянности замер у окна. Даже Дардаил утратил всякую способность думать. Все трое вздрогнули от очередного звонка телефона. Шири придвинул к себе аппарат.

– Слушаю...

– Мне нужен директор, – раздалось в трубке.

– Я слушаю...

– Мальчик у нас! Будешь послушным, получишь его живым и невредимым. В милицию сообщишь, обижайся потом на себя!

– Что ты хочешь?

– Сто пятьдесят тысяч!

– Разве было не сто?

– Сам виноват, надо было соглашаться на пятьдесят. Пусть на этом телефоне всегда кто-то будет. Жди нашего звонка.

В Святилище

Темнело. В павильоне готовились к вечерней трапезе. Халис вместе с Сейфалом и Сакилем Гочу присели у расстеленной на ковре скатерти. Вскоре подошли Серраф и Хитрый Абдул. Подоспел и Амбалоглу Рахиб. Ели молча, в гнетущей тишине. Меликаждар, окинув всех взглядом, дожидался, пока все закончат есть приготовленную поваром Шабалом «кюфту-бозбаш».

– Что-то надо предпринимать, скоро войдут войска, – сказал он, обращаясь к Рахибу.

– Пока они цветы в Россию доставляют, – сказал Амбалоглу. – Посмотрим, как дальше будет.

Меликаждар согласно кивнул, повернулся к ерзающему на месте Серрафу.

– Ну, племянник, я рад, слышал, ребята вернулись с хорошим уловом?

Серраф не в силах был молчать.

– Ага, действительно, было что-то невероятное, в жизни не видел такого улова, – вздохнул он. – Не было ни одной сети без рыбы. На берегу еле управились с уловом, все распределили.

Халис что-то прошептал на ухо отцу. Ага согласно кивнул.

– Часть рыбы пошлешь Хатаму. Пусть и мерзнувшие на баррикадах попробуют шашлык.

Хотя указание это не всем пришлось по нраву, возражать никто не стал.

– Что с тем скоростным катером случилось, не мешает больше?

– Тот катер в наших водах больше не появляется, – пренебрежительно ответил Серраф, – место лова, наверное, сменил.

– Наши катера за Желтую Скалу не ходят? – спросил Сакиль Гочу сонным голосом.

– За Желтой Скалой открытое море, там лова нет, – ответил Серраф, ему был непонятен интерес аксакала. – Ты почему спрашиваешь?

– По радио говорили, что за Желтой Скалой потерпело бедствие судно. – объяснил старик. – На помощь прислали спасателей, что обслуживают нефтяников. Подумал, может, катер попал в беду.

Серраф с Халисом переглянулись.

– Нет, наши все живы– здоровы.

Меликаждар будто бы и не слушал разговор Серрафа с Сакилем Гочу, спросил вдруг:

– Есть пришедшие с просьбами?

– Есть, – сказу же ответил Сейфал, Водовоз Пири, Сонгулу-киши и еще наш повар Шабалы.

Немного подумав, Меликаждар сказал:

– Что нужно Пири, я знаю, что хочет Сонгулу?

– Саны требует долю с магазина Сонгулу на Торговой, – сообщил Сейфал. – Он не знает, как быть, поэтому и пришел.

– Что нужно нашему Шабалы?

Повар Шабалы был пышкой, тело его словно слеplено из кусков различных размеров округлых мышц. Представить его себе без улыбки невозможно было.

– Этот пришел просить за брата...– губы Сейфала расплылись в улыбке.

Меликаждар вынужден был остановиться на полуслове, советник Святилища положил перед ним конверт.

– Это письмо доставил Ханфа, – сказал он.

Меликаждар вертел в руках конверт.

– С каких это пор Ханфа стал почтальоном?

– Не знаю, ага, я не спросил.

В огромном селе в двенадцать тысяч дворов Ханфа был единственным, кого знали все. По просьбе устроителей свадеб он разносил пригласительные открытки, обходил все село из конца в конец. Ни разу не ошибся, пригласительные разносил точно по адресам. Это восхищало. Дело было в том, что он не

умел ни читать, ни писать, надеялся лишь на память.

Увидев в конверте пригласительную открытку, Меликаждар отодвинулся от скатерти, тихо сказал:

– Бесноватый Джаны прислал приглашение на свадьбу младшего сына.

– Выходит, определился с датой, – сказал Сейфал.

– Устроим там настоящую засаду, – предложил Серраф.

– Как здорово было бы! – Хитрый Абдул потирал руки. – Раз и навсегда избавились бы от негодяя.

– Нам не пристало мстить кровью за кровь, – сказал Меликаждар. – Знайте это, запомните навсегда!

Никто не смел нарушить наступившую тишину.

Тишину нарушило повторное появление советника.

– Ага, директор совхоза Шири Шириев, его заместитель Дардаил и Альбина ханум пришли в Святилище.

– А эти с чем пожаловали? – спросил раздраженно Меликаждар.

– Помощи просят. Люди Саны украли внука генерала.

– Когда? – Меликаждар не мог скрыть досады.

– Сегодня.

– С какой целью?

– Сто пятьдесят тысяч просят...

В глазах у Меликаждара потемнело.

– Не может быть, – сказал он, повернувшись к Сейфалу. – Племянник, у нас, вероятно, таких денег нет.

– В кассе всего сорок тысяч, – неохотно сообщил он. – Но деньги найти можно.

Меликаждар пересилил навалившуюся на него слабость.

– Недостающую сумму возьмешь в долг, потом вернем. Хоть из-под земли достань нужную сумму.

– Бедный мальчик, – сказал сочувственно Сакиль Гочу, но и радости скрыть не смог. – После этого в крышку гроба Саны можно забивать последний гвоздь.

– Ребенок прежде всего, нужно забрать у них мальчика и вернуть матери. Никакие богатства мира не стоят слез матерей, – Меликаждар был категоричен, знал, что надо делать. – Сегодня, в крайнем случае, завтра, мальчик должен быть у матери. Несите все, что у вас есть, нужно собрать требуемую Саны сумму.

Родственники Меликаждара знали о его щедрости, но не понимали, почему ага готов был пожертвовать на какого-то чужого ребенка все, что у него есть.

– Ага, но есть ведь и другой путь, – сказал Сейфал обиженно. – Почему ты связываешь нас по рукам и ногам?

Никто не проронил и слова.

– Сейфал, проводи Шири, заверь его, что мы соберем деньги, сделаем все, чтобы он мог вернуть своего ребенка. Аллах поможет нам, мы на него надеемся, – потом добавил. – Альбину ханум проводите к Тидоре ханум.

Сейфал быстро вышел. Меликаждар, тяжело вздохнув, обратился к Мизи:

– Пошлите туда им чай, сладости.

Не глядя на удаляющегося Мизи, повернулся к Халису.

– Халис, я уже больше не держу тебя за руки, не имею права, но за рамки не выходи, – сказал он, поднимаясь на ноги. – Я что-то себя нехорошо чувствую.

– Что сказать просителям?

– Решай с ними сам, – сказал он, не оборачиваясь. – Я вернусь после вечернего намаза.

После ухода Меликаждара Халис решительным движением головы отбросил назад падающие на лоб волосы. Сидящие в стороне Серраф и Хитрый Абдул в ожидании не сводили с Халиса глаз.

– Вы еще нужны мне будете. Оба оставайтесь при поместье, – сказал он, положив конец их ожиданиям. Показал на сонного Сакиля Гочу, – старик устал, помогите ему до постели добраться.

Серраф и Хитрый Абдул, взяв старика под руки, повели спать. Возвратился с кухни Мизи.

Халис ходил из одного конца павильона в другой. Его решение, как всегда, оказалось неожиданным.

– С завтрашнего дня закрыть все ворота. Посетителей в Святилище не пускать... – сказал он замершему у стены начальнику охраны.

– Почему так?

– Это меры предосторожности!

Мизи попытался понять его.

– Как советник это всем объяснит?

– Придумает что-нибудь.

– Например?

– Скажет, Святилище закрывается на ремонт, если этого не будет достаточно, пусть скажет, что в Святилище нашествие змей, ходить на поклонение небезопасно.

Мизи усмехнулся, не нашел, что возразить, промолчал.

Амбалоглу отодвинул подальше от печи табурет, прочистив горло, спросил:

– Мне поручения будут?

– Тебе, брат, – Халис присел на табурет рядом, – предстоит искать место, где прячут мальчика. В подчинении у тебя много людей, которые собирают по дворам цветы, хорошо знают села, дачи.

– Агаоглу, у нас и без того покоя ни днем, ни ночью, – Амбалоглу понимал, каким тяжелым грузом ложится на него это поручение, сглотнул слюну. – Следим за квартирой Саны на Баилове, за домами Кюрсюмоглу, за ресторанами. Люди выбились из сил, не знают, за кем следить: за Саны, его напарниками Равилями, за Хлыстом или Горелым.

– До сих пор не было ничего подозрительного?

– Нет, не было. За каждым их шагом уследить невозможно. Все время снуют туда-сюда. Не спят и не отдыхают. Возьмем, к примеру, Хлыста, всю неделю каждый день ездит на дачу в Новханы, что там потерял, понять невозможно.

– Что ему делать зимой на даче? – вмешался в разговор Мизи. – В такой холод.

– В том то и дело, – развел руками Амбалоглу. – Ничего не делает. Обойдет пару раз дачу и возвращается.

– Дача его собственная? – спросил Мизи.

– Выяснить точно не удалось. – Рахиб собирался дать более полный ответ, Халис перебил его:

– Хлыста пока оставь, у тебя не так много «следков». Не могли вчера отвезти туда ребенка, он или в городе, или в окрестных селах. Не теряя времени, надо срочно найти место, где прячут мальчика. Если у Сейфала будут трудности со сбором денег, пойдем другим путем. Надо будет силой забрать у них мальчика. Пока будь здесь, посмотрим, что скажет ага.

Амбалоглу быстрыми шагами направился к дверям.

– Сонгулу позвать? – спросил Мизи.

– Нет необходимости. Передай Сонгулу-киши, пусть закроет магазин на несколько дней, соберет всех свои близких, ждет где-нибудь в безопасном месте. Сейчас, Мизи, – сказал он, улыбнувшись, – самое главное – это Водовоз Пири. Позови его.

Мизи приоткрыл дверь, высунул голову, огляделся, потом пропустил перед собою Пири. Пири и Халису не нравился, но предстоящая сложившаяся ситуация не оставляла выбора.

– Агаоглу, я сделал, как ты сказал, но из двустволки ничего не получится, – возбужденно начал Пири. – Пока я ее вытащу, нацелюсь, выстрелю, Равили превратят меня в решето. Агаоглу, найди мне пистолет.

– Какой ты неумеха, Пири, – Халис говорил с наигранной ласкою. – Твое оружие КРАЗ, другого оружия тебе не надо.

Пири остался с разинутым ртом, видимо, это ему в голову не приходило.

– Смотри, Саны в село приедет на ЗИМе, – Халис говорил четко, словно опасаясь, что его неправильно поймут. – Девятнадцатого после полудня КРАЗ поставишь в тупике дома Бесноватого. Если, кто спро-

сит, скажешь, машина не исправна. Как только появится Саны, вперед двинешься, раздавишь ЗИМ в лепешку. Понял?

Пири не ожидал, что так легко можно решить вопрос, был в восторге.

– Оказывается, не зря легенды ходят о твоей рассудительности, агаоглу, – сказал он и быстро ушел.

И Мизи не скрывал своего восхищения.

– Здорово, у тебя на все готов ответ, – сказал он. – Теперь что, Шабалы звать?

Когда Шабалы вошел в помещение, Халис невольно заулыбался.

– Да, брат, какие проблемы, Шабалы-киши?

Несмотря на свои габариты, повар был мягким человеком.

– Да, есть проблемы, – мягко, почти жалобно сказал Шабалы-киши, – брат мой, будь он не ладен, дачу нашу, оставшуюся от предков, в карты на кон поставил. Говорят, того, кому он проиграл, зовут Хлыст, он из напарников Саны. Сначала согласился вернуть дачу за деньги, но потом, когда родственники скинулись, собрали нужную сумму, возвращать отказался...

Халис тут же вскочил на ноги, прервал повара:

– Знаешь, где находится дача?

– Конечно, от предков ведь нам осталась...– Шабалы был в растерянности.

Халис больше не стал его слушать, сказал удивившемуся Мизи:

– Позови Амбалоглу Рахиба, – сказал он, не скрывая радости, — кажется, я знаю, где держат мальчика.

После намаза Меликаждару полегчало, спустился во двор. Стояла ясная зимняя ночь. Ярko горели прожектора, в Святителище после переоборудования Халисом системы освещения было светло, как днем. Павильон был пуст, лишь Шабалы возился на кухне. Он ждал, когда ага присядет, чтобы подать чай. Не дожидаясь расспросов, доложил, что Сейфал с Шири поехали в совхоз, Халис и Мизи отправились в ресторан «Шебеке», Амбалоглу поехал в Новханы, Сакиль Гочу отдыхает у себя в спальне, и что Серраф с Хитрым Абдулом в Святителище. Повар говорил, стоя неподвижно, словно ворчал.

– Ты очень внимательный, – похвалил его Меликаждар.

Он уже выпил свой чай, когда вернулся Сейфал. Сразу же подошел к плите, агу не заставил долго ждать:

– Деньги положили в условленное место, люди Саны пришли, забрали их, но мальчика пока не вернули. Велели ждать.

Ага почернел лицом.

– Думаешь, Саны откажется выполнять условие?
– спросил он.

– Трудно сказать. Да и какая разница, такого, как Саны, оставлять в живых нельзя, ага, пустить такому кровь – не грех. Посмотри, до чего дошел, детей во-рует.

– Я не могу на это подписаться, – сказал Мелик-аждар в раздумье, но уже без прежней уверенности.

– Хорошо, ага, что нам делать? – Сейфал не стал отстаивать свою точку зрения.

– Возвращайся в совхоз, до утра будь рядом с Шири.

Стояла ясная ночь, фары автомобиля можно было и не включать. Как только выехали на трассу, Мизи надавил на педаль газа, но добиться от «Запорожца» той скорости, какую он хотел, не получилось.

– Это не машина, в нее только быков запрягать.

Шабалы за машиной следил хорошо. Мотор работал, как часы, но получать удовольствие от этой езды с тряской – только для автолюбителей– фанатов. И Мизи, конечно, понимал, почему Халис отдал предпочтение «Запорожцу».

«Шебеке» был рестораном на сваях у берега моря, волны били в его основание. Известные, знат-

ные люди приезжали сюда на отдых. Здесь клиенты могли удовлетворить любой свой каприз, заказать любую еду. Было и несколько закрытых кабинетов, в которых можно было посидеть с глазу на глаз. Несколько раз в месяц в ресторане с танцами живота выступали танцовщицы ориенталь. В такие дни в ресторан пускали только по приглачительным билетам. Этот ресторан, оберегаемый Кюрсюмоглу, как зеница ока, приносящий ему миллионов больше, чем вещевой рынок, Саны держал под своим контролем.

По залитому ярким светом двору официанты с подносами в руках сновали туда-сюда. Приход гостей Кюрсюмоглу не обрадовал. Он повел их в один из закрытых номеров в стороне от главного здания.

Халису не понравилось, как их принял Кюрсюмоглу. От предложенного чая, угощений отказался.

– Ты, кажется, передумал?

Кюрсюмоглу спрятал свои дрожащие руки под стол.

– Да, Халис ага, я передумал.

– Мужчина от принятого решения не отказывается, – мягко упрекнул Халис.

– Да причем тут мужество, Халис ага? – нервно сказал Кюрсюмоглу. – Безрассудно менять все это богатство на тюрьму.

Халис не знал, что и говорить столь беспринципному собеседнику.

В разговор вступил Мизи:

– Человеческое достоинство гораздо ценнее денег, Шикиль.

– Мизи, брат, конечно, много в жизни того, что важнее денег, тем более грязных, – ответил на упрек Кюрсюмоглу. – Одним словом, убивать людей – это не мое.

– Так говоришь, достоинство к деньгам отношения не имеет? – спросил зло Халис.

Кюрсюмоглу обиделся.

– Ты перешел на оскорбления!

Халис поднялся, тихо сказал:

– Саны украл сына твоего дяди. Требуется у Шири сто пятьдесят тысяч рублей. Не отдаст, грозит убить ребенка. Так что, дальше сам решай.

Не дожидаясь ответа от изумленного Кюрсюмоглу, подал знак Мизи уходить.

Только уже в машине, когда отъехали от ресторана, Халис с сожалением сказал:

– Один из Азраилов Саны пасанул.

– Какой Азраил из человека, погрязшего в нечистотах? – сказал Мизи, не отрывая взгляда от дороги.

– Змея с прищемленным хвостом не бывает трусливой, – не согласился Халис. Отчего-то обернулся, посмотрел назад. – Увидишь, Кюрсюмоглу поменяет свое решение.

– Считаешь, что двух Азраилов для Саны недостаточно? Я говорю о Бесноватом Джаны и Водовозе Пири...

Халис глубоко вздохнул.

– Чтобы дело такое свершилось, надо подстраховаться в нескольких местах.

В это время их обогнала машина, встала впереди. Мизи остановился. Кюрсюмоглу, выйдя из белой машины, направился к «Запорожцу», сунул голову в открытое окно.

– Действительно Саны украл сына моего дяди?

Халис промолчал, весь пожелтевший Кюрсюмоглу прошептал:

– Саны не должен был этого делать, – он почти шипел, как змея. – Ну что ж, покончить с ним – мой долг.

– Как ты это себе представляешь? – тихо спросил Халис.

– Девятнадцатого января знаменательный день, Саны в этот день родился. Вечером в «Шебеке» отмечать будет. Всю свору соберет. В «Шебеке» приедут прямо со свадьбы, – сказал он, потом протянул руку. – Так что, моим долгом будет покончить с ним.

Халис пожал протянутую руку Кюрсюмоглу.

– Беру назад, что говорил тебе в ресторане.

Кюрсюмоглу улыбнулся.

Халис нашел отца в одиночестве в павильоне. Он рассказал отцу о том, что успел сделать между двумя намазами, но так и не сумел понять, одобрил отец все или нет.

В это время пришел Рахиб в перепачканной одежде. Обратился к Халису.

– Ребенка прячут в Новханы, в доме Шабалы, – сообщил он.

– Точно? – спросил Халис. – Ошибки нет?

– Точно! Я взял с собою двух ребят, поехали на машине в Новханы. Ночь была светлая, фары выключил. Еще издали заметил, что в доме горит свет. Оставив машину, прокрались к дому. Долго присматривались. В доме один человек. Часто выходил и обратно заходил в дом. Дрова собирал, воды из колодца набрал. Потом еще раз вышел, направился в конец двора, в туалет. Ну, я приблизительно прикинул, сколько у меня может быть времени, перелез через невысокий забор, прокрался к светящимся окнам. Увидел связанного ребенка, лежащего на тахте. Дольше оставаться нельзя было, вернулся. Когда я уже перелез через забор, человек вышел из туалета. Одного из своих парней я оставил там, вернулся обдумать, что делать.

Меликаждар все обдумывал бескровный вариант.

– Сынок, я вот думаю, может, просто забрать ребенка, отдать родителям? Решиться все само по себе...

– Нет, отец, – Халис даже не задумался над предложением отца. – Мы не должны злить Саны, тогда все, что мы придумали, потеряет смысл.

– Но ведь мальчика могут убить, – Меликаждар и сам не верил в то, что говорил.

– Не посмеют. Им нужны были деньги, и они их получают. Мальчика возвратят, – Халис говорил уверенно, потом обратился к Рахибу. – На улице холодно, человека своего, которого оставил следить за домом, поменяй. Чаше пусть меняются. Быстро езжай в Новханы. Жизнь мальчика в опасности.

Халис все пытался успокоить отца.

– Это не твой грех, отец. Саны перешел красную черту, его надо остановить и навсегда, – сказал он и мягко спросил. – Может, на свадьбу сына Джаны пошлем Серрафа и Хитрого Абдула?

Меликаждар не ответил, поднялся, молча вышел из павильона. Поведение отца Халису было понятно, но он не стал ничего менять, понимал, единственное, что сейчас необходимо, быть решительным.

Вошли Серраф и Хитрый Абдул.

– Завтра вы вдвоем пойдете на свадьбу вместо аги, – сказал им Халис. – Ведите себя так, как положено на свадьбе, угощайтесь, слушайте музыку. Джаны для Саны и его подельников в отдельной палатке угощение устроит. В разгар свадьбы войдите туда, покончите с ними.

– С Равилями тоже кончать? – спросил Абдул.

– Иначе как? – Халис старался быть спокойным и рассудительным, – иначе охрана покончит с вами. Мизи будет ждать в машине, отвезет вас на водохранилище. Поживете там несколько дней. Там все приготовлено, скучно не будет.

– Что сказать дома? – задал беспокоящий его вопрос Хитрый Абдул.

– Утром, когда выйдете из дома, скажите, что Хатам с Адамом новый магазин открывают, ага вас посылает в район на несколько дней за кормом. – Недолго думая, предложил, улыбаясь, Халис. – Мне кажется, что это неплохая отговорка.

– Да, достоверная причина, – согласился Серраф.

– Ну, тогда идите отдыхать, – приказал Халис.

Саны

Саны возвращался домой каждый раз с новыми адресами, что очень радовало с нетерпением ожидавших его Равилей, вносило в их быт, мало чем от-

личающийся от тюремного, некую изюминку. После тщательной подготовки, спустив Равилей с цепи, отправлял по указанным адресам.

Дела шли удачно. Адреса были хорошо подобраны. Страх перед Саны был настолько глубок, что никто и пикнуть не смел. Указанная доля выдавалась беспрекословно. Телефоном не пользовались. Таковы были инструкции Хасы. Первым на указанный адрес приходил Хлыст. Вид у него был смешной, но что-то хищное в лице требовало подчинения. Гнусавым голосом передавал сообщение, обозначив срок, возвращался. На этом его дела заканчивались. На следующий день отправлялся Горелый. Потом объявлялся там разодетый Равиль-Тихий. Сопровождающий его Равиль-Жердь, тоже одет был под стать, костюм, галстук. Тихий, получив деньги, выдавал справку с печатью. «Такой-то заплатил, сумма принята фондом поддержки свободы Карабаха».

Естественно, не все шло гладко. Бывало, выходили за рамки намеченного сценария, импровизировали. Однажды некто, занимающий высокую должность в министерстве, проигнорировал предписание Саны. Крепкий орешек попался. Жил один, семьи не было. Жил очень скромно. Постоянной любовницы не имел, иногда проводил время с какой-нибудь уличной девкой, которую доставлял ему его водитель.

Выслушав пробравшегося к нему в кабинет Хлыста, рассмеялся.

– Я честный гражданин, живущий на зарплату. Те, кто прислал тебя, ошиблись, требуемая сумма ко мне не имеет никакого отношения, – сказал он, да еще и пристыдил. – Заниматься такими делами, когда страна переживает тяжелый период, нельзя. Карабах теряем, а вы поборами занимаетесь.

Горелого по этому адресу Саны уже посылать не стал. Заранее все просчитав, сам вместе с Равилями пошел в эту охраняемую милицией квартиру. Проснувшись среди ночи, хозяин квартиры очень удивился, как они смогли пройти в охраняемую квартиру, но не сдался. Тихий стал простукивать тяжелым молотком, который предусмотрительно принес с собой, стены. Тайник нашелся. Денег, сокровищ было не счесть. По указанию Саны Жердь стал собирать все в заранее подготовленные мешки. Должностное лицо продолжало настаивать, что не имеет к этим деньгам никакого отношения.

– Очень хорошо! Тогда ты не будешь возражать, если мы передадим эти деньги в фонд помощи Карабаху, – сказал Саны, достал из кармана печать, поставил оттиск ее на ладонь все еще не поднявшегося с кровати полууголого должностного лица.

После каждой такой операции Тихий, хваля своего главаря, говорил:

– А с печатью – это ты здорово придумал.

Саны самодовольно молчал. Хотя Равилей он особенно близко к себе не подпускал, знал, что, ранее слепо подчинявшиеся ему подельники теперь начинают прозревать и о многом уже догадываются.

Жердь каждый раз, пытаясь вникнуть в суть вопроса, спрашивал:

– Нам что-то перепадает из тех денег, что мы собираем?

Насколько бы ни были Равили людьми ограниченными, все же понимали, что столь грандиозную деятельность организовать в одиночку Саны не мог, есть люди, которые дергают его за веревочку.

– Из этих денег у нас нет ни копейки, – сказал Саны.

– Выходит, мы задарма батрачим, – беззлобно сказал Тихий.

– Обещали, что через пару операций все остальное будет наше, – успокоил их Саны, после некоторого молчания добавил. – Что это за деньги? Настоящие деньги в рыбе, в икре. Вот если бы заполучить это...

Оба Равиля были в курсе дел.

– Думаешь, Василий сумеет выбить сеидов с моря? – спросил Тихий.

Саны рассмеялся.

– Как по-другому это назвать? Сеиды уже две недели без улова, – сказал Саны. – И пока Меликаждар болен, их надо хорошенько прижать.

– Гедеш, говорят, его младший сын очень уж хитер, ушлый малый, – сказал осторожно Тихий. – Звать его Халис.

– Пригаси немного. С нами, кроме Меликаждара, никому не сладить! Василий скоро должен подойти.

Василий, конечно, пришел, но с плохими вестями. Саны был взбешен. Скоростная красавица– яхта, которую он купил за большие деньги у одной одинокой вдовы, потерпела крушение. Как он только не обзывал Василия, клял, на чем свет стоит, пока сам не устал, потом, взглянув на виновника, молодого человека, стоящего с поникшей головой, немного отошел, смягчился.

– Серый, когда я поручал тебе это дело, предупреждал же, глядеть в оба.

«Серый» это кличка Василия, парня всегда шикарно, словно он адъютант генерала, одетого. Несмотря на свой изнеженный вид, он совершил несколько убийств. Мог убить любого, кто обидит его. Боялся только Саны.

– Братан, – оправдываясь, он заикался, – кто мог предположить, что у них хватит на это решимости.

Просто офигенно, как они сумели пробраться на дамбу, отыскать яхту, не понимаю. Разведка у них, наверное, хорошо работает.

– Я же предупреждал, что сеиды только внешне кажутся слабаками, а по сути, крепкие орешки, расколоть их непросто, – Саны повысил голос, не мог сдержаться. – Ды ты не серый, голубой!

Саны только и говорил об ошибках молодости Василия.

Равили, свидетели этого разговора, переглянулись.

Василий проглотил обиду.

– Братан, но и мы им немалый ущерб нанесли, – сказал Василий сдавленным голосом, бросил холодный взгляд на переглядывающихся Равилей.

– Хорошо, – Саны мирился с потерей, – как наши рыбаки?

– Как они могут быть, искупавшись в ледяной воде? Двое еле живы, еще долго будут лежать в больницы. Жалко их!

– Как получилось, что вы не заметили пробоину?

– Я спросил у них, ответили, что заметили течь после прохода Желтой Скалы, но возвращаться было уже поздно. – Василий сообщил, что знал. Хорошо еще, что корабль с нефтяных камней оказался рядом, иначе яхта могла затонуть.

В разговор вмешался Равиль-Тихий.

– И что теперь скажешь, братан, не пришла ли пора с сеидами покончить?

– После свадьбы сына Джаны поговорим об этом, – заверил его Саны. – Во-первых, надо обрубить их долларовые концы.

– Полагаю, ты имеешь в виду Серрафа и Хитрого Абдула, – спросил Тихий.

Саны утвердительно кивнул головой. Жердь, самодовольно потирая руки, сказал:

– Ну, Батяня, пришли к тому, о чем я говорил.

Хатам

Беременная Самая неуклюже, с почти достающим до носа животом, спешила встретить Хатама. Повитуха, глядя ей вслед, упрекнула.

– Ну куда ты понеслась, упадешь...

Мария Топал, лихо выруливая на своей купленной Хатамом коляске, поддакнула повитухе.

– Осторожней, доченька, упадешь.

Самая, нисколько не стесняясь, прильнув к Хатаму, стала жаловаться.

– От этих двух сов житья мне нет. Такие жуткие вещи говорят, прогони их.

Хатам заботливо погладил ее по голове.

– Ни за что, – сказал он. – Пока не разрешишься, будешь им подчиняться. Сколько еще ждать?

– Даст Аллах, через несколько дней родит.

Хатам повернулся к двери.

– Браток, сюда иди.

Самая только сейчас заметила мужчину, стоящего на пороге, хотела уж было уйти, Хатам остановил.

– Познакомься, когда занят буду, Адам о тебе позаботится.

Уже опустилось холодное зимнее солнце. Во двор Святилища вошли семь– восемь человек.

Вернувшийся домой под самое утро Сейфал, можно сказать, и не спал, однако, чувствовал себя бодро. Не зря потрудились, украденного ребенка удалось вернуть родителям.

Людей, пришедших с Хатам ага, разместил в павильоне, велел Шабалы накормить их. Какое-то время понаблюдал, насколько проворно повар работает, готовит еду. Накормить семь-восемь человек было не трудно. Сейфал улыбнулся, вместе с Хатамом поднялся на веранду.

Халис, проводив на свадьбу Серрафа и Хитрого Абдула, места себе не находил, мерил веранду шагами.

Даже теперь, когда Хатам стал ходить с вооруженным отрядом, Сейфал относился к его занятию несерьезно.

– Ну что, борец за свободу, площадь успокоилась?

– Нет, брат Сейфал, площадь только распаляться начинает.

– Кто это с тобой? – спросил Халис.
– Руководители отряда самообороны.
– Что ты их здесь собрал, Святилище будут захватывать? – шутя, спросил Халис.

Хатам пропустил шутку мимо ушей.

– В город, в штаб направляемся, сюда зашел, чтобы узнать, как здесь дела... ребята же потянулись за мной.

– Брат, они в твоём подчинении?

– Дисциплина в нашем движении хромает.

– Говори тогда, что анархия.

– Нет, так тоже сказать нельзя, пойду-ка я отца навещу, посмотрю, как он себя чувствует.

– Не ходи, он в своей комнате, дверь никому не открывает. – Остановил его Халис. – Вы знаете, утром введут войска?

– Конечно, знаем.

– Генерал известил, что через пару дней в город войдут войска.

– У нас более достоверная информация, – самодовольно сообщил Хатам, – войска в город войдут сегодня ночью. Слышишь шум грузовых самолетов?

– Но...

Хатам перебил брата:

– Потому и собираемся в штабе, чтобы меры предпринять.

– Значит, вы хотите противостоять регулярной армии?

– Да, брат, до утра мы забаррикадируем все ведущие в город большие и малые улицы. – Воодушевился Хатам.

– Чем вы перекроете улицы? – насмешливо спросил Халис.

– Построим баррикады из автобусов, тракторов, грузовых автомашин.

Халису стало искренне жаль брата.

– Ты не обижайся, но это ведь глупо! Автобус против танка!

– Говоришь, танки пойдут на безоружных людей? – простодушно спросил Хатам.

– Все может быть, брат. Когда идешь против правительства, можно всего ожидать.

– У нас обратной дороги нет, – сказал Хатам уверенно. – Азербайджанский народ сплотился в единый кулак, его никакой силой не одолеть.

– Да такого в жизни быть не может, чтобы азербайджанец сплотился с азербайджанцем. Хатам ага, ты особо вперед там не лезь, потом вдруг увидишь, все вокруг разбежались, один ты остался.

– Не стоит меня отговаривать, – Хатам был решителен. – Даже если на площади я останусь один, не отступлю!

– Такое бы рвение тебе в делах Святылища.

– Для нас самое святое – Азербайджан, – ответил Хатам, оглянувшись, увидел ожидавших его у павильо-

на своих товарищей, поспешил к ним. – Брат, у меня есть к тебе разговор, – сказал он Халису.

Сейфал сразу же отошел в сторону, наблюдал за братьями со стороны, не слышал, что Хатам шептал на ухо Халису, но увидел, что его усталое от бессонной ночи лицо от удивления неожиданно вытянулось.

И уже уходя, громко сказал:

– Мой брат Адам в курсе, если со мной что-нибудь случится, вся моя надежда на тебя.

«...свадьба пела и плясала»

Свадьба постепенно разгоралась, наполнились палатки для трапезы и танцев. Молодежь отплясывала вовсю, не зная усталости. Один из молодых исполнителей, с позволения устада, сыграл пару песен, но почувствовав, что его не особенно слушают, отложил инструмент в сторону, придвинул к себе стакан с чаем.

Шатер с угощениями был чуточку в стороне. Ничего не ускользало от глаз Джаны, снующего между этими двумя шатрами. Встречал гостей, никого не оставлял без внимания, поручал помощникам рассадить вновь прибывающих. В стороне, вдали от шума был сооружен еще один небольшой шатер.

Пол был устлан коврами. Холодные закуски на столе были накрыты полиэтиленом. Джаны подошел к старшему сыну, беспокойно стоящему у входа в палатку.

– Ни на шаг не отходи, – предупредил он сына, – а то зайдут какие-нибудь дети по ошибке... Знаешь, сынок...

– Да, знаю, отец. Но уже устал ждать этого негодяя. И пять часов уже пробило, а его все нет.

– Придут... – заверил сына Джаны.

В это время во дворе появилось двое хорошо одетых мужчин. Один из них был Серраф, другой Хитрый Абдул. Джаны не договорил, поспешил навстречу гостям.

– Ага немного приболел, – сказал Абдул после рукопожатий, – нас попросил прийти.

– Да будут все здоровы, вы приходом своим оказали мне честь. – Джаны выражал искреннюю радость.

– Поздравляем, счастья молодоженам, – сказал Серраф.

– Проходите в шатер.

– Это очень хорошая мысль, подкрепимся немного, музыку послушаем, – Хитрый Абдул фальшиво улыбался.

Джаны хорошо понимал, что пришли они не подкрепиться и музыку послушать, а кончать с Саны.

Будто с плеч его сняли целую гору, он смотрел вслед своим бывшим врагам с бесконечной благодарностью.

– Я знал, что ага надежный партнер, – сказал он сам себе. – В беде не оставит.

Серраф с Хитрым Абдулом входили в шатер.

Десятитонная машина водовоза Пири уже целый час стояла на углу дома Джаны. Водитель возился с КраЗом, залезал под него, вылазил, садился в кабину, мучился, ворчал, но неисправность устранить не удавалось. Собравшиеся вокруг зеваки давали разные советы.

Это все привлекло внимание Джаны.

– Сбегай, посмотри, что там за сборище? – попросил он одного из подростков, проворчал. – С чего вдруг этот негодяй дорогу преградил, когда Саны должен приехать?

Мальчишка прибежал быстро, подошел к Джаны, уже занятому другими гостями.

– Это водовоз Пири, машина у него испортилась, – доложил мальчик. – Он сказал, что пусть Джаны не беспокоится, сейчас устранит неполадку, освободит дорогу, он всей душой за то, чтобы Саны приехал.

Ответ Джаны полностью удовлетворял.

– Ну хорошо, – сказал он, – иди помоги с раздачей еды.

Но подросток не ушел, спросил у Джаны.

– Джаны, скажите, а это правда, что у водовоза Пири на лбу написано «сука». Выбил эту надпись Саны собственноручно?

Этот вопрос мальчишки заставил Джаны вспомнить былое, его будто током ударило. Он понял, почему КРАЗ оказался неисправным.

...

Побрившись, Равиль – Тихий, тяжело вздыхая, одевался, бросил взгляд в открытую дверь Ануш, старуха сидела на стуле, беззвучно открывала рот, хватала воздух, ему не понравился ее вид, но он решил не придавать значения, прикрыл дверь.

Вчера, когда они выехали из детского сада, он почувствовал себя нехорошо, но терпел. На полдороги Горелый по указанию Саны вышел из машины, пошел звонить по телефону -автомату директору совхоза. Вот тогда Тихого и скрутило, он отпросился у Саны.

Тихий никак не мог смириться, простить себе, что участвовал в похищении ребенка. Чувствовал, что это не сойдет ему с рук, последует скорое наказание. Вообще он уже не получал кайфа от такого житья. Если бы не страх перед Саны, давно бы уже отошел в сторону.

Равиль-Жердь объявился после полудня. Был в полном кайфе, витал в облаках. Тихий спросил обеспокоенно:

– Ну как операция прошла, закавыки не случилось?

– Неплохо, – сказал Жердь, потом, посмотрев на разодетого тезку, слегка поддел его. – Гарно выглядишь, тезка, сверкаешь, как начищенный пятак. А вчера жутко было на тебя смотреть.

– Да, – согласился Тихий, – вчера подыхал. Все внутренности выворачивало. Расставшись с вами, взял такси, еле живым добрался до дома. Думал, предсмертный час мой. Нашел какие-то лекарства в аптечке старухи: димедрол-аспирин, выпил, лег в постель. Проспал до утра, проснулся в поту, переоделся, снова уснул. Вот к полудню встал окончательно.

– Как сейчас себя чувствуешь?

– Немного получше. Только вот не знаю, идти на свадьбу или нет...

– Должны пойти! Ты ведь знаешь, Саны на люди без нас не выходит, – сказал Жердь, прошел в ванную комнату, но дверь за собою не закрыл. – Надо привести себя в порядок, переодеться.

Тихий, наблюдая за неспешными действиями тезки из коридора, спросил:

– Где ты был все это время?

Жердь, намылив лицо, взял бритву.

– Вообще-то дела поначалу не ладились.

– Почему? – удивился Тихий. – Все ведь было рассчитано. Сколько дней готовились...

– Да, все было рассчитано, только погоду не учли,
– пафосно заявил Жердь. – Кто мог подумать, что море поднимется, затопит заготовленное место? Жаль, что на какое-то время лишились такого замечательного укрытия.

– Саны был взбешен, да?

– Конечно, прямо цепь грыз, потом собирался прятать мальчика в Гобу, но на полпути изменил решение. Подумал, что на Хырдаланском патрульном посту могут проверить машину. Наступила ночь, не знали, что делать. Потом я вспомнил, что дружок наш Хлыст на прошлой неделе выиграл хату в карты. Предложил отвезти туда, никто не догадается. Саны это понравилось.

– Потом...

– Потом поехали к Хлысту домой, забрали его с собой, поехали в Новханы. По дороге стало понятно, что Хлыст в темноте не может найти дорогу, – рассказал Жердь, показал на синяк на бритой щеке. – Щенок лягнул, пацан крохотный, а силы в нем, еле справились, Горелый держал за руки, я за ноги.

– Хлороформ с собой не взяли?

– Взяли. Поздно подействовал, – проворчал Жердь.

– Ну, а дача какая?

– Хорошая, только дороги к ней ужасные. Машину трясло, все внутренности себе отбил.

– На ЗИМе поехали?

- Нет, на «Волге» ГАЗ – 24.
- Кто был за рулем?
- Блатной один, русский парень в военной форме. Говорит, из «зоны» освобождается недавно.
- Где их только Саны находит?
- Он приятель Василия. Вообще в делах Саны разобратся трудно. Непонятный какой-то. Машина нужна – пожалуйста! Человек нужен – пожалуйста! Пистолет нужен, – нате вот!
- Дачу, в конце концов, вы нашли? – перебил его Тихий.
- С трудом, но нашли. Какое-то время ушло на поиски. Оставили мальчика с Хлыстом, на «Волге» вернулись в город. Водитель высадил нас у Горелого. Я проспал до десяти часов, когда проснулся, Саны уже не было. Велел передать, чтобы мы были в доме на Баилова, наверное, за нами приедет.
- Он сам куда делся?
- Дочь Горелого повел гулять, – сказал Жердь. – Всегда находит, чем поживиться.
- Этот Горелый очень низкий человек, – сказал Тихий.
- На его глазах дочь... – Жердь брезгливо поморщился. – Такому и руки подавать не стоит.
- Снизу подали сигнал. Жердь выглянул в окно. Во дворе перед домом стоял ЗИМ.
- Пойдем, – сказал Жердь, – иначе Саны обругает нас, как собак.

Тихий молча пошел к двери.

– Подожди, – сказал Жердь, – старуху предупрежу, чтобы закрыла за нами. – Направился в комнату Ануш, задержался там, выходя, крикнул. – Тетушка Ануш, мы уходим, закрой за нами.

Когда уже спускались по лестнице, Тихий не удержался.

– Тетушка Ануш, закрой за нами! Ты кому заливаешь? Она встала и закрыла, да?

– Ты знал? – растерялся Жердь.

– Конечно. Старуха подыхала, когда я одевался.

– Скажем Саны...

– Ты предлагаешь Саны не говорить? Уйти, оставив труп? – спросил Тихий.

– А что будет с трупом? – Жердь мерзко усмехнулся. – На свадьбе поедим, попьем, потом в ресторане Кюрсюмоглу Саны день рождения отметим. Ты же знаешь, Кюрсюмоглу танцовщиц туда приведет. Кайфанем, потом придем, Ануш и похороним. Должны же мы муки вчерашние выпустить из души или нет?

– Если Саны узнает, – начал было Тихий, но мысль свою не закончил.

– Откуда ему узнать, если ты не скажешь, и я не скажу. Запомни, что нам Саны, он может в любую минуту сдать нас.

Тихий вынужден был согласиться.

Саны сидел на переднем сидении. За рулем был Жердь. Он профессионально водил ЗИМ. Равиль-Тихий, развалившись, ехал на заднем сидении, после освобождения он чуточку поправился. Горелый сидел молча, притулившись в углу широкого салона автомобиля.

Саны, обернувшись назад, спросил:

– За пацаном кто приехал?

– Отец, – ответил Горелый. – Было двенадцать часов ночи, Хлыст привез его из Новханы.

– Вы посчитали деньги, которые они привезли? Сколько там было?

– Ровно сто пятьдесят тысяч. Как и договаривались...

Саны горько усмехнулся.

– Богатые, они все такие. Бабки имеют, но с огнем играют.

– Саны, гедеш, тот, у кого есть бабки, так не поступает! Шири взял деньги в Святилище.

– Так, говоришь, деньги ему дал Меликаждар? – Саны повернулся к нему.

Горелый ответил вопросом на вопрос:

– Не может быть?

– К сожалению, может, – после длительного молчания сказал Саны.

Бесноватый Джаны терял терпение. Машина Водовоза Пири все еще стояла на углу. Собирался подозвать того самого мальчишку.

Сейфал с Хитрым Абдулом подобрали себе в палатке такое место, чтобы хорошо просматривался подъем дороги, ведущей к дому Джаны. Им был не интересен водовоз, застрявший на углу. Они ждали ЗИМ.

Мизи, остановив машину немного поодаль от ворот Джаны, ждал, когда Серраф с Хитрым Абдулом выйдут со свадьбы.

Около шести долгожданный ЗИМ, появившись на шоссе, свернул в сторону дома Бесноватого Джаны, подъезжал к углу его двора. Водовоз Пири мигом выскочил из-под машины, потирая руки, забрался в кабину КраЗа. Как обычно бывает в такие моменты, машина не завелась, стартер издавал истошные звуки, но машина не заводилась. Пири весь взмок.

Когда ЗИМ появился на углу, Серраф с Хитрым Абдулом отодвинули от себя еду.

Доехав до преграждающей дорогу машины, Жердь просигналил, но КраЗ с места не сдвинулся.

– Выйди, посмотри, почему дорогу перекрыл, – сказал раздраженно Саны Тихому. Тихий вышел, пошел к машине.

– Лучше и мне пойти, – сказал Жердь Саны. – Тихий разбираться не будет, шуметь начнет, кровь пускать, кайф нам весь ломает. – Побежал вслед за Тихим.

Увидев приближающихся головорезов, Водовоз Пири вконец растерялся, отпустив тормоз, несколько раз повернул ключ, но стартер опять не включился. Тяжелая машина, сойдя с тормозов, двинулась вперед, по сантиметру двигаясь в сторону ЗИМа.

... Серраф с Хитрым Абдулом недоуменно переглянулись, хотя знали, что происходит.

Горелый, стараясь не упустить из виду Равилей, достал пистолет, приставил дуло к сиденью впереди, послышался металлический звук снятого с предохранителя пистолета.

...Тихий запрыгнул на подножку КраЗа справа, Жердь слева. Тяжелая машина продолжала катиться. Жердь схватил через открытое окно Пири за горло.

– Останови, подлец, не видишь, что ли?

– Тормоза не держат, гедеш.

– А, это ты, урод? – Жердь узнал Пири, крепче сжал его горло. – Так ты решил убить нас?

Саны на все это не обращал внимания, его заинтересовал звук металла за спиной.

– Это что за звук, Горелый?

– Пистолет это, гедеш.

– А вдруг ты пристрелить меня решил, а! – Саны засмеялся.

– Есть такая мысль... – в ответ засмеялся Горелый и взвел курок.

...Пири, отпустив руль, схватился за ворот душащего его Жерди, убрал ногу с тормоза.

КРАЗ неожиданно завелся, набирая скорость, катился вниз, пока не уткнулся в ЗИМ. Толкал его перед собой, и когда ЗИМ уперся в забор, КРАЗ передними колесами забрался на него, раздавил машину, потом, потеряв равновесие, завалился на бок. Джаны стоял, раскрыв рот, улицу заливала вода.

Серраф с Хитрым Абдулом, не обращая внимания на заполненные водой новые туфли, добежали до распластанного ЗИМа. Оба достали пистолеты. Заглянули в окно.

... Жердь остался под перевернутым КРАЗом, и пикнуть не успел. Тихий тоже лежал бездыханный. Он собирался спрыгнуть с переворачивающейся машины, но поскользнулся, упал с высоты, ударился головой о камень и скончался на месте. Пири остался жив, отделался несколькими ушибами.

... На аэродроме уже целую неделю продолжалось прибытие военных самолетов. Карьер, село, да и весь Апшерон погрузились в тишину. Наступил вечер девятнадцатого января, канун дня, оставшегося в истории Азербайджана кровавыми событиями 20 января 1991 года.

Конец

СОДЕРЖАНИЕ

От перодчика.....	5
-------------------	---

Роман “КАРЬЕР”

(Перевод: Надира Агасиева, Мадины Агасиевой)

Воры. Саны Апшеронский и Равили.....	7
Меликаждар и другие. На ежедневном обзоре дел в Святилище	16
Хатам. Старший сын Меликаждара.....	31
Мария Топал	35
История Марии	46
Генерал. Цветочные рейсы военных самолетов.....	57
Сакиль Гочу. Экскурс в историю семьи.....	69
Вор в законе Лоту Фахы	73
Жена Хатама.....	75
Дружина Джанполада. Переселение армян из Османской империи	78
Первый арест Мир Гадира.....	96
Симсар Акиль	108
Симсар	126

Сыновья Меликаждара.....	138
Призывник.....	142
Служба в армии	147
Возвращение	162
Сводная сестра Бибигюль	166
Сейфал	168
Халис, младший сын Меликаждара.....	170
История Тидоры ханум	176
Сейфал и Халис	179
В тюремной зоне Туршулу	181
Первые дни Равилей на свободе.....	187
История Ануш	191
Детские годы Саны	209
Семья Кюрсюм	224
Шикиль	236
История Шири Шириева,	243
брата Кюрсюм	243
Новое назначение генерала Иванова.....	249
Водовоз Пири.....	252
Тюремные годы Пири.....	256
В Святилище	265

Смерть Кюрсюм	270
Хатам	272
Освобождение Саны.....	273
Бесноватый Джаны	281
Первый день свободы Саны.....	285
На ловле рыбы	289
Рэкет	293
В Святилище	310
Саны	329
Хатам	335
«...свадьба пела и плясала»	339